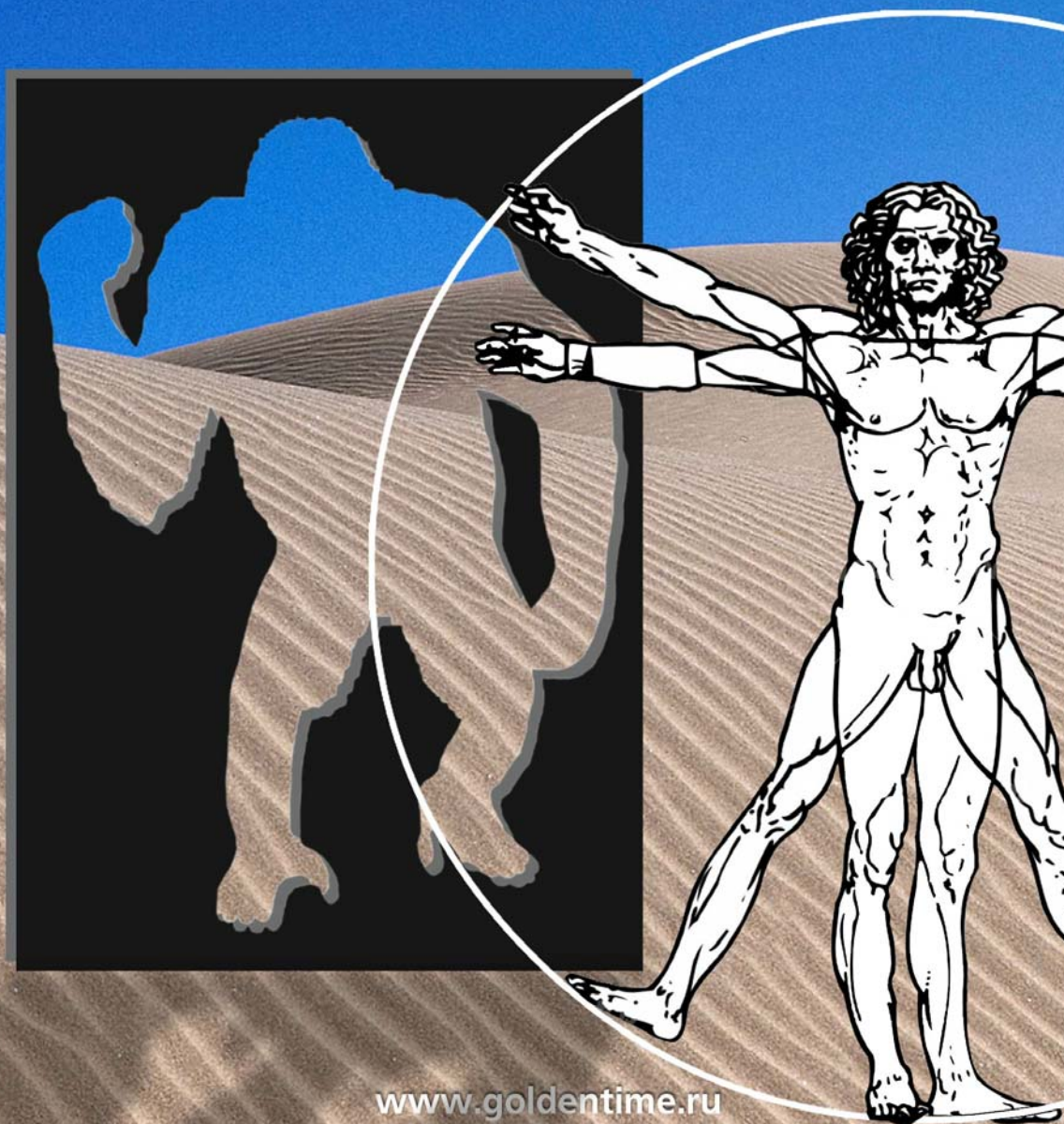

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Алексей Милюков

Черная обезьяна в темной комнате

Часть I

Из материалов последнего времени, посвященных происхождению человека, мое внимание привлекла книга Леонида Вишняцкого, научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН. Открыв книгу, я обнаружил ряд интересных моментов. Во-первых, ее автор к моей тайной радости оказался еще не самым закоренелым догматиком из числа тех, кто ко всему подходит с эволюционной «рулеткой» и у кого убеждения бегут впереди всякого анализа и смысла. Несмотря даже на обилие эволюционной риторики, автор, как мне сразу показалось, не столько защищает эволюцию, сколько действительно хочет разобраться в ее сложностях. Во-вторых, эта книга, на мой взгляд, в полном, что называется, объеме демонстрирует проблемы, стоящие нынче перед идеей эволюционного антропогенеза (происхождения человека). И, в-третьих, книга *«История одной случайности...»*, на мой взгляд, просто неплохо написана – лично я ее прочитал с большим удовольствием, местами переходящим в злорадство (шутка). Как бы там ни было, эта книга – очень хороший повод поговорить об антропогенезе.

Однако, давайте от первых общих впечатлений перейдем к более подробному рассмотрению книги. Два самых важных вопроса из длинного списка проблем, стоящих перед теорией эволюции, Л. Вишняцкий оглашает в первом же абзаце:

«Эта небольшая книга – об антропогенезе. ... Не столько о том, **КАК** совершалась эволюция человека, сколько о том, **ПОЧЕМУ** она совершалась, почему антропогенез вообще состоялся и почему это был именно **АНТРОПО**генез. Иными словами, все написанное ниже представляет собой, прежде всего, попытку ответить на вопрос: было ли появление человека результатом игры слепого случая, осуществлением одной из множества примерно равновероятных возможностей, или, напротив, реализацией некоей «магистральной» тенденции в эволюции живого, следствием ее объективной устремленности к вполне определенному финалу?».

Отказ рассматривать вопрос «как совершалась эволюция» собственно и вызвал у меня моментальное «расслабляющее» доверие к этой книге – скажем сразу, что такая позиция автора, имея она

место в действительности, дорого бы стоила, ибо ему не пришлось бы, подобно большинству нынешних «ученых», врать не моргая и сочинять смешные байки о том, как капля слюны превращалась в человеческий глаз или потовые железы предков млекопитающих – в соски для кормления детенышей.

Итак, предупреждаю честно, – как бы заявляет автор, что фантазировать как все, не буду. Вопросами номер один и номер два в этой книге становятся две «другие головные боли» эволюционистов – какая сила направляла и собственно придавала эволюции прогрессивный характер, вопрос, выражаемый фразой *«ПОЧЕМУ она совершалась»*. И *«почему это был именно АНТРОПОгенез»*, то есть, второй по важности в эволюционном кондуите вопрос – является ли закономерностью эволюции появление именно человека? Если первый вопрос является сугубо мировоззренческим (есть ли Бог, или оно всё «само»), и ответ на него у любого эволюциониста будет совершенно определенный, то постановка второго уже интригует. Впрочем, еще не начав читать книгу уважаемого Л. Вишняцкого, ответ на второй вопрос можно попробовать предсказать – главное, что эволюция, это факт, а уж «человеком» кто-нибудь обязательно бы да стал.

Хотя эволюционисты своих карт никогда не прячут. Погадать мы все-таки не успеем, так как автор в том же, первом абзаце, сразу выкладывает все свои финальные выводы, хотя и несколько витиевато, с оглядками и оговорками:

«...антропогенез, будучи, с одной стороны, вполне закономерным и даже предсказуемым эпизодом в развитии органической материи, эпизодом, предопределенным ее базовыми свойствами и самими условиями земного существования, явился в то же время, как это ни парадоксально, результатом целого ряда совпадений, следствием далеко не обязательного и даже маловероятного пересечения в одном месте и в одно время независимых или очень мало зависимых друг от друга природных процессов».

То есть, как мы и предполагали – эволюция есть неоспоримый факт, а человек в нужное время оказался в нужном месте, хотя и сам не понял, как ему это удалось.

В первой главе *«Возможные версии происхождения человека. Почему все же обезьяна?»* Л. Вишняцкий сетует:

«...попытки «облагородить» наше общее генеалогическое древо, вычеркнуть из него столь многим неугодных предков не прекращались никогда».

Из этой фразы мы с легким сожалением понимаем, что без «философии» нам в предстоящем разговоре, к сожалению, не обойтись. Но тут уж ничего не поделаешь. Опустим эмоциональные наезды на «вычеркивателей», к числу коих я имею честь причислять и свою скромную персону. Но фразеологический оборот, подразумевающий наше родство с обезьянами безусловным фактом и не оставляющий «вычеркивателям» никаких надежд на другое происхождение, надо сказать, немного обескураживает. Хотя и не нарушает общей авторской последовательности.

«В наши дни вопрос: «Вы действительно верите, что человек произошел от обезьяны?» – можно услышать очень часто, причем не только где-нибудь в глубинке или, скажем, на заседании философско-религиозного кружка, но и в стенах института археологии. Задают его обычно с искренним удивлением, а нередко и с иронией в адрес собеседника. Поэтому я считаю нужным сразу же объяснить с читателем на сей счет и признаться в приверженности к «обезьянней» теории, которая, на мой взгляд, является единственно правдоподобной».

Можно было бы возразить автору, что он немного, так сказать, преувеличивает свое «одиночество» в среде обезьянофобов. Можно было самому, как завязатому «обезьянофобу», задать автору тот же вопрос: «Вы действительно верите, что человек произошел от обезьяны?». Ведь пока никаких объективных доказательств этому родству нет. Но «обезьянолюб» Л. Вишняцкий по крайней мере честен, он все-таки оговаривается, что это его личная точка зрения, приверженность идее, которая ему нравится. Примем такую позицию автора как данность и будем ему по мере надобности «перечить» и «закидывать шапками» аргументов (шутка).

«Вообще все когда-либо предлагавшиеся объяснения того, как на Земле появились люди, могут быть сведены к трем основным вариантам:

1. Люди – порождение высших, сверхъестественных сил (творение).

2. Люди прибыли на Землю с других планет, из иных миров (пришествие).

3. Люди – результат естественного развития земной природы (эволюция).

Строго говоря, ни одна из перечисленных возможностей не может быть опровергнута с абсолютной убедительностью, так, чтобы у ее сторонников не осталось никаких спасительных логических лазеек».

И опять волна «расслабляющего волю доверия» к автору накачивается на меня – признание принципиальной неопровергаемости каждой из трех возможных теорий происхождения, согласно классической научной методологии, говорит о том, что все они **не могут быть отнесены к научным**. Спасибо хоть за это Л. Вишняцкому, ибо если «модель», подразумевающая творение путем Разумного дизайна (первые две версии) по определению не может претендовать на сугубую научность, то за «научность» теории эволюции (пункт третий) любому ее адепту обычно пристало биться до последней капли крови, умирать, но не сдаваться, требуя признать, что теория эволюции «наука» или «доказанный научный факт».

Но «доверие к автору» сразу едва не оборачивается «потерей бдительности», потому что на фоне такой эволюционной капитуляции легко можно проскочить через следующее утверждение:

«Однако, если для первых двух версий – творения и пришествия (они могут и сочетаться между собой) – нет «железных» доказательств не только contra, но и pro, то в последнем случае дело обстоит иначе. Здесь мы имеем вполне зримые и осязаемые следы того процесса, который, как предполагается, привел к появлению человека, то есть следы эволюции».

Стоп, стоп, уважаемый автор. Отбросим пришельцев, нам они здесь неинтересны, поговорим о Творении. Насчет железных дока-

зательств *contra* согласен (не по рангу адепта, а по критерию Поппера), их быть не может, так же как и атеизм, например, не может быть «научным», ибо отсутствие или наличие Бога наукой принципиально недоказуемо. Но что значит – для доказательства Разумного Творения нет «железных» доказательств *pro*? Па-а-звольте, уважаемый! На мой взгляд, любое утверждение об однозначном отсутствии доказательств Разумного Творения имеет две причины – либо простое незнание с вопросом, либо намеренное желание не видеть в упор имеющиеся на сей счет факты.

Во-первых, существует целое направление, именуемое гипотезой Разумного Создателя (*Intelligent Design*). Такие ученые, как Бихи, Дембски и Мейер, исходя из положений математики, информатики, статистики и пр. (и в полном согласии с научной методологией) доказывают, что окружающий нас мир, его устройство и организация содержат в себе явные признаки «интеллектуального проекта».

Во-вторых, сама идея Творения безупречна даже с точки зрения классической юриспруденции. В философии науки, как и в праве, существует положение презумпции, согласно которому доказывать свои утверждения должна претендующая сторона. Часто от ученых-материалистов можно услышать требование доказать факт Творения и пр. Это абсолютно неверный, и где-то даже «наглый» подход. Доказать случайное происхождение и развитие жизни должны именно ученые-материалисты, выдвинувшие свое утверждение 150 лет назад, но с тех пор так его и не доказавшие (более того, вообще отказавшиеся рассматривать вопрос о возникновении жизни в рамках теории эволюции и стыдливо спрятавшие так называемую гипотезу абиогенеза в дальний «научный чулан»). Правовым основанием для утверждения факта Творения мира и человека безусловно могут являться и свидетельства библейских и новозаветных авторов, а также античных историков и Отцов Церкви, каковые свидетельства при развитии современных методов исследования имеют хорошо просматриваемую тенденцию подтверждаться. Более того, из года в год прослеживается общая тенденция и на подтверждение идеи Творения в других дисциплинах, так сказать, уже в плане глобальных представлений о происхождении мира. Вопреки многим недавним материалистическим шаблонам – пусть и со скрипом, – но явно наблюдается некое «стягивание», некое «возвращение назад» к старой доброй библейской картине (например, от

гипотезы вечной и стационарной вселенной – к гипотезе о расширении «из ничего» с точкой «начала времени»; от идеи эволюционно «размазанного» человечества – к «митохондриальной Еве», по сути, к идее ограниченного круга лиц, прародителей всего современного человечества; от теории выхода человека из Африки – к теории распространения из ближневосточного региона; от эволюционного постепенного происхождения культуры и языка – к внезапным и единым культуре и языку с центрами в классических библейских местах; от идеи «бутылочного горлышка» 200 000-летней давности – к «горлышку» 6000-летнему и т.д. и т.п.).

«Но и это еще не всё». Если к вопросам происхождения Земли и человека подойти с теми же мерками, что и эволюционисты, то **о правоте «модели» Творения с не меньшей убедительностью расскажут тысячи столь же «железных» доказательств – из области геологии, антропологии и археологии.**

Однако вернемся к эволюции. Итак, *«зримые и осязаемые следы»* эволюции имеются у нас в качестве *«железных»* доказательств «за»? Не думаю. Зримые-то они зримые, но только вот в пользу эволюции свидетельствуют не «железно», а по признанию самого же автора – *«как предполагается»!*

М-м-да... Что-то ржавчины в таком эволюционном железе оказывается многовато... Я не придираюсь к словам, но, кажется, только сторонник теории эволюции умеет выразиться подобным образом – у нас есть железные доказательства в виде следов, которые предположительно привели к чему-то...

Однако самое главное тут заключается в другом. Упомянув о доказательствах в пользу Творения, которые «лучше», чем эволюционные, мы подходим к выводу о том, что любая «железность» так называемых доказательств (это относится к любой из сторон), как правило, имеет своей основой исключительно «идеологическую» составляющую.

Понятно, что по поводу «зримости и осязаемости» следов как таковых никто не спорит. И зримы они, и осязаемы. Да вот только существенную роль в деле играет не сам «след» и даже не тот или иной «факт», а исключительно их **трактовка, интерпретация.** Теоретически, «в идеале», с точки зрения той же юриспруденции эволюционисты должны быть отстранены от трактовки того или иного найденного артефакта или захоронения как лица «заинтере-

сованные», предвзятые. Но когда бы было так! На деле же всё происходит с точностью до наоборот – если найденный «след» не вписывается в эволюцию (например, скелет Река, плечевая кость из Канапой и др.), то его просто «задвигают» по одному из трех пунктов – ошибка датирования, переотложение из верхних молодых пластов, шутка археологов. О таких неудобных «свидетельствах» ни одно «научное издание» больше не издаст ни звука, а обращение бульварной прессы к запретному сенсационному плоду доделает за эволюционистов их нелегкую работу – упоминание любого из таких «следов» в научных кругах станет признаком плохого тона.

Факт без интерпретации – нонсенс. Найденный археологами скелет ископаемой обезьяны сам по себе ничего из себя не представляет, но, будучи «приложен» к эволюционной шкале, он в трактовке заинтересованных или даже просто верящих в эволюцию людей обязательно окажется предшественником человека; антропологи «реконструируют» и подарят ему прямохождение; найденные в ста метрах орудия труда и остатки кострищ человека археологи припишут исключительно этому существу, а сам он, размножившись до неприличия после смерти, займет место в музеях, учебниках и академических трактатах.

Парадокс заключается в том, что все эти «зримые и осязаемые» следы, «как предполагается», приведшие к появлению человека, – все эти несчастные следы, попав в руки другой «заинтересованной стороны», креационистов – могут быть абсолютно с той же долей вероятности (если не сказать: с гораздо большей) истолкованы как неоспоримые доказательства Сотворения, малого возраста Земли и всепланетного Потопа.

Однако, что конкретно имеет в виду Л. Вишняцкий под выражением «имеем вполне зримые и осязаемые следы»? Я, признаться, все же втайне ожидал услышать что-нибудь новенькое – ведь эволюционная «наука» не стоит на месте... Однако, увы...

«Во-первых, это очевидная биологическая близость людей к прочим обитателям планеты, свидетельствующая, что человек – органичная часть живой природы...».

Увы мне, увы... Почему-то ни одному эволюционисту не придет в голову утверждать, что очевидная конструктивная близость само-

ката, четырехколесной телеги и «мерседеса» является железным доказательством их эволюционного родства – мол, самокат в результате поломок и «прихватывания» по дороге «полезного» мусора сам собою превратился в телегу, а телега, колеса по городам и весям, сама собою перестроилась в «мерседес». Однако, когда дело касается конструктивной, морфологической и генетической (структурно-информационной) близости «людей к прочим обитателям планеты», то это отчего-то свидетельствует не о Едином Конструкторе и его едином замысле со всеми вытекающими отсюда похожестями и оптимальностями решения, а именно о том, «что человек – органичная часть живой природы», то есть один из продуктов случайных эволюционных процессов.

Кстати, о птичках, то есть о живой природе. Если быть семантически въедливым, то импотентный эвфемизм «живая природа» есть ничто иное, как обычная для эволюционистов попытка (часто даже произвольная) заменить Разумного Инженера на что-нибудь этакое суррогатное. «Живое», насколько мне известно, происходит только от живого, дизайн от Дизайнера, а информация от Кодировщика этой информации. Я лишь хочу сказать, что у любого «железного» факта и «осязаемого следа» – от найденных черепов до биомолекулярного сходства – может быть двоякое толкование – всё зависит от того, кто толкует и «кому это выгодно». Подчеркиваю, что, по моему мнению, попытки эволюционистов интерпретировать известные факты в большинстве случаев выглядят гораздо более неловкими и притянутыми за уши, чем у креационистов. И причина тому одна. Креационисты не скрывают, что все их модели построены в первую очередь на доверии к Библии. Эволюционисты же, как упрямые школьники, и слышать ничего не хотят о своем «доверии к эволюции», продолжая твердить о «чистой» науке и «непредвзятом подходе» к объяснению фактов. Знаем мы эти непредвзятые подходы... Вот они, извините, перед глазами:

«...а во-вторых, многочисленные ископаемые остатки существ, занимающих в анатомическом отношении промежуточное положение между современными людьми и их животными предками. ... Многочисленные палеонтологические находки, позволяющие проследить основные вехи эволюции от обезьяны к человеку, делают понятной причину этого сходства».

То есть, смотрите и слушайте – проблема не в том, была эволюция или нет, а в том, как бы нам получше проследить ее основные вехи. Я рад, что кому-то причина сходства человека и животных стала понятной. Мне, например, она тоже понятна, но отчего-то на 180° развернута относительно причины, понятной уважаемому Л. Вишняцкому. Биохимик Константин Виолован, помнится, однажды воскликнул в дебатах с атеистами примерно следующее – если уж эволюционисты не стесняются даже такой свой «фейсом об тейбл» как ископаемые окаменелости, вставить в свою иконографию и превратить в своё «достоинство», то теория эволюции точно непотопляема!

Чтобы читатели, не очень хорошо знакомые с упомянутой проблемой, не вводились подобными победными реляциями в заблуждение, спешу сообщить им, а заодно разочаровать Л. Вишняцкого – никаких ископаемых существ, занимающих промежуточное положение меж современными людьми и их животными предками, **не существует**. Ни в «живой природе», ни в мертвой. Уважаемого Леонида Вишняцкого, видимо, просто неправильно информировали – если бы такие бесспорные формы существовали, все об этом уже знали бы и любые дебаты по поводу «факта» эволюции были бы просто излишни.

«Сейчас, можно сказать, уже не существует некогда столь волновавшей эволюционистов и их оппонентов проблемы «недостающего звена» между обезьяной и человеком, ибо «палеонтологическая летопись» слишком красноречива. Конечно, это не означает, что в ней вообще не осталось пробелов – пробелы есть, и они многочисленны, – но масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии».

Хорошо-то как... *«Масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов».* Например, куда это запропастились у эволюционного древа все его корни, ствол, сочленения главных ветвей, многочисленные ветки, и как связаны меж собой имеющиеся у нас отдельные листья – при том, что один лист осиновый,

другой дубовый, а третий березовый. «С дуба падают листья ясеня... Ничего себе! Ничего себе!». Цитата стоит того, чтобы ее перечитать еще раз. Запомним эти слова. Автор сказал их, полностью отвечая за сказанное, не в полемическом запале, а находясь в здравом уме и твердой памяти. Ибо чуть ниже мы еще не раз услышим нечто прямо противоположное. Назовем эту цитату условно Перлом № 1 и поспешим продолжить наше увлекательное чтение.

... Потому что мы не успеваем дочитать до конца страницу, как обнаруживаем уже первые тревожные симптомы:

«Начальные стадии эволюции приматов плохо изучены, и проблема происхождения отряда все еще далека от разрешения. Ни его филетические корни, ни место появления пока не ясны».

А так, как любое знание, это есть знание начал и причин, то сразу же, на одном дыхании, у автора, как и у любого эволюциониста на его бы месте, начинаются спасительные фантазии:

«Среди ископаемых находок нет таких, которые с полной уверенностью могли бы рассматриваться в качестве звена, связующего приматов с их предками — насекомоядными (Insectivora)».

В «настоящих», точных науках отсутствие доказательств гипотезы автоматически становится причиной ее непризнания и изъятия из рассмотрения, но только не в «науках», базирующихся на неподтвержденной гипотезе эволюции (биологии, истории, геологии и астрономии). Допустим, сегодня гипотеза эволюции требует родства обезьяны с насекомоядными или даже с каким-нибудь муравьедом, но, по большому счету, достоверных доказательств этой вольной импровизации нет. Ни научных, ни лженаучных, ни даже от бабки Дарьи с заговором на поиск переходных форм. Так что, объявить эту связь недоказанной и потому недействительной? Да уж нет. Будет вам, судари мои, болтать об объективности исследований и чистой науке. Отечество, то есть, теория эволюции в опасности! Надо спасать «эволюцию», срочно придумывать, почему нет связующего звена:

«Это неудивительно, поскольку, как давно уже замечено палеонтологами, отсутствие переходных форм между группами высокого таксономического ранга представляет собой почти всеобщее явление. «Оно характерно почти для всех отрядов всех классов, как позвоночных, так и беспозвоночных» (Симпсон, 1948 [1944]:168)».

Не знаю, как кому, но мне очень понравилось такое объяснение. Очень мило – проблема есть, но мы о ней и без вас знаем, у нас всё под контролем, так сказать, держим руку на пульсе. Но «всего милее» приведенная цитата Симпсона, аж от 1948 года. Если кто еще не догадался, почему от 1948, а не 2003-го, так я подскажу – потому что а). с тех пор всё равно ничего в палеонтологии принципиально не изменилось, только еще более запуталось; б). чисто психологически о «неприятных» вещах лучше всего говорить в категориях прошлого... Можно было о том же самом взять целую кучу свежих сегодняшних цитат, но так будет для эволюции больнее...

Отец-основатель Дарвин когда-то выставил два четких критерия, без которых его теория не может считаться истинной – обязательное нахождение переходных форм между видами и объяснение с помощью ТЭ «трудного» факта появления альтруизма. Сто лет минуло с тех пор, потом еще сорок, а там уже и двести не за горами...

«Появление приматов на эволюционной арене приходится на рубеж мезозойской и кайнозойской эр. Оно совпадает со временем широкой адаптивной радиации плацентарных млекопитающих, имевшей место в конце мелового периода и самом начале палеогена. Согласно некоторым расчетам, основанным на количестве известных видов приматов (современных и ископаемых) и средней продолжительности «жизни» вида (1 миллион лет), первые их представители должны были существовать уже 80 млн. лет назад (Martin, 1993), но большинству специалистов такая древность кажется маловероятной, поскольку значительно превышает возраст всех имеющихся ископаемых находок».

Отчего же такая нерешительность? Ископаемая рыба целакант, современница динозавров, как считалось, вымершая еще 70 мил-

лионов лет назад, была в наши дни неожиданно обнаружена не только в полном здравии, но и ни на йоту не изменившейся за все гипотетические 70 млн. лет. Рыба, которой эволюционисты за ее ластообразную форму плавников доверили почетную обязанность быть переходной формой к амфибиям и уже начинать первые попытки выхода на сушу, оказалась идеологически незрелой – более того, вражеской, креационной рыбой, нанесшей предательский удар в спину своим «людям из центра». Конфуз с целакантом знаком многим. Все предполагаемые 70 млн. эволюционных лет иуда целакант не то что не пытался выходить на сушу, а даже не поднимался со дна до глубины менее 200 метров, так как оказался рыбой вольной, глубоководной, и не пошел бы на сушу «ни за какие баксы», даже по приговору суда.

Но вот чем мне нравится гипотеза эволюции, так это своей самодостаточностью и автономностью. Нет никаких фактов, но можно сделать «расчеты» о «как бы времени появления приматов», и о средней продолжительности «жизни» вида в 1 миллион лет (а многие виды и за предполагаемые сотни миллионов лет не изменились ни на волосок), и о возрасте «всех имеющихся ископаемых находок» приматов (и возраст этот – предполагаемый, назначаемый «решением сверху» лишь из эволюционных допущений, и «ископаемые находки» – в подавляющем большинстве лишь отдельные окаменевшие зубы и костные обломки, не более...).

Целакант (*Latimeria chalumnae*)

«Обычно в качестве исходной, анцестральной группы, промежуточной между собственно приматами и насекомоядными, рассматривают род *Purgatorius*, известный по немногочисленным находкам из позднемиоценовых отложений Северной Америки (Решетов 1986: 5–14; Klein 1989: 56)».

Лишь зубы, лежащие в хронологическом диапазоне в миллионы лет... жуть, картина сюрреалиста. Креационистам-то хорошо, они точно знают, что этот представитель рода *Purgatorius*, от которого осталась лишь пара зубов, окончил свои дни в геологически

короткий период потепления – после планетного Потопа, но еще до оледенения. Но что делать бедным эволюционистам, если для них поздний мел, это 70–80 млн. лет по шкале назад; что им делать, если за нашим общим предком, стиснув зубы от боли за родину эволюции Африку, приходится ехать почему-то аж в Северную Америку; и что делать, если из палеодоказательств ничего, кроме зубов, нет?

Выход только один – фантазировать. Конечно, можно понять проблемы эволюционистов, на все замечания об отсутствии связующих звеньев в древних стратах обычно делающих круглые глаза – мол, откуда же мы вам возьмем такие старые формы, они просто не сохранились. Но, тем не менее, в таком подходе в очередной раз проявляется их «двойная бухгалтерия» – реконструкции и модельные расчеты креационистов они на дух не переносят из-за их «ненаучности», а фантазии о миллионах лет и мнимых родственниках на основании в лучшем случае одного-единственного зуба считают последним словом науки. Прав был Сергей Головин, когда говорил про эволюционистов, что они по одному зубу могут определить походку ископаемого существа.

«...Согласно существующим реконструкциям, первые приматы были мелкими (от приблизительно 100 г до нескольких килограммов весом) насекомоядными и частично, по-видимому, растительноядными зверьками, ведшими преимущественно древесный образ жизни. Внешне они, возможно, больше всего походили на современных тропических белок, и лишь благодаря специфическому строению зубов опознаются сейчас как приматы (Klein 1989: 61–62)».

Нет, Головин, как видно, учел не всё. Со времени написания его книги о том, как люди своими руками изготавливали своих же собственных предков, наука ушла далеко вперед. Итак, по зубам мы теперь умеем определять не только походку, но и вес, рацион питания, образ жизни, внешний вид и, разумеется, кровное родство с нами! Наука, однако, ничего не попишешь!

Все мы – и вы, читатель, и я, и автор книги Л. Вишняцкий, и даже депутаты Госдумы – все мы произошли от маленького зверька, похожего то ли на белку, то ли на крысу, жившего в позднем мелу и

питавшегося муравьями, тараканами и сверчками. Почему этот зверек был похож на белку-крысу? Так, чисто интуитивное ощущение, ведь он должен был внешне смахивать на муравьеда. Почему на муравьеда? Да по общему ассоциативному ряду – белка, крыса, муравьед, обезьяна. Каждый чем-то едва уловимо похож на соседа... Я же говорю, наука. Как и в любой эво-«реконструкции», в этой истории есть особо трогательная деталь. Можно себе представить, как эту бедную крысу несправедливо ломало, выворачивало и «колбасило» во всяческих передрыгах, если в итоге она смогла превратиться в человека, ходящего по Луне, а муравьи, тараканы и сверчки, которыми эта зверушка-прародительница питалась 80 млн. лет назад, хотя бы для приличия, поганцы, изменились хоть на миллиметр...

«...Не позднее 40 млн. лет назад, то есть, скорее всего, в середине или даже начале эоцена, происходит, судя по находкам в Восточной Азии и Северной Африке, обособление линии высших приматов – антропоидов, или, иначе говоря, собственно обезьян (*Anthropoidea*). Большинство палеонтологов выводят их из тарзиформных приматов (Ross et al. 1998), меньшинство – из адапиформных, а в последнее время все чаще стало высказываться предположение, что антропоиды могут представлять независимую ветвь, берущую начало непосредственно от общего для всех приматов исходного ствола (Rose 1994/1995: 170)».

Разумеется, что не от хорошей жизни все эти исходные стволы, ответвления и общие предки, о которых мы не имеем никакого понятия и на роль которых назначаем каждый новый найденный зуб, – не факт, что древний и совсем не факт, что антропоидный (об этом отдельный разговор). И зуб вроде подходящий, да вот незадача – найден не там, где хотелось бы. Как всё-таки объяснить, что у наших африканских предков оказались «не все дома»?

«...Предки широконосых (обезьян. – А.М.), бывшие, по видимому, выходцами из Африки, могли случайно попасть в Южную Америку на естественных «плотах» из оказавшихся в воде растений. Аналогичный путь проделали, как считается, и некоторые африканские грызуны».

No comments, опускаю руки. Когда «родина прикажет», для эволюции нет ничего невозможного. «Есть у эволюции начало, нет у эволюции конца!». Из Африки – в Южную Америку – на плотках! Разумеется, с запасом еды и питья. Семьями, с песнями, с шутками-прибаутками. А почему тогда такой путь из Азии в Австралию – чисто теоретически – не могли проделать ленивцы и кенгуру?

«Примерно на рубеже олигоцена и миоцена или чуть раньше происходит разделение дотоле единого ствола узконосых обезьян на две ветви: Cercopithecoidea (церкопитекоиды, т.е. собакоголовые) и Hominoidea (гоминоиды, т.е. человекообразные). Это разделение, по всей видимости, во многом было обусловлено тем, что часть узконосых (предки церкопитекоидов) перешла к питанию листьями, тогда как другая часть (предки гоминоидов) осталась фруктоядной. Различия в меню сказались, в частности, на строении зубов, что чрезвычайно важно для палеонтологической систематики, поскольку именно зубы составляют большую часть ископаемых находок».

Удивительно, что такие детали, как питание листьями или ширина носа, могут вообще обсуждаться при разговоре о сроках, отстоящих от наших дней на эволюционные десятки миллионов лет. Я с трудом могу себе представить «всей кожей» одну тысячу лет. Но меня едва не охватывает страх, когда я пытаюсь представить себе (даже модельно), что могло быть 25 миллионов лет назад. Можно ли проецировать наблюдаемое нами сегодняшнее положение с узконосыми и широконосыми обезьянами в глубь такой неохватной тьмы времён? Можно ли всерьёз рассуждать, глядя на сегодняшнюю обезьяну в вольере, о таких деталях, как переход части узконосых к питанию листьями 25 млн. лет назад? Никто не против фантазий, но... Скромнее, скромнее надо быть, товарищи! Соберитесь, возьмите себя в руки. Я поражаюсь мужеству исследователей, которые, держа в руках кусок зуба, не боятся именовать свои выводы научными. Более того. Я знавал эволюционистов, которым для этого и зуб-то был не очень нужен.

Самое ценное в этой книге, что Л. Вишняцкий действительно иногда пытается разобраться в вопросе и проблем эволюции не скрывает.

«...Так это или нет, но представления о филогенезе гоминиоидов – как ископаемых, так и современных – пока и в самом деле далеки от какой бы то ни было ясности. ... К сожалению, огромный временной интервал, захватывающий весь поздний олигоцен, остается пока практически не охарактеризованным ископаемым материалом, и поэтому представить себе сколько-нибудь детально процесс расхождения двух ветвей узконосых обезьян невозможно. ... Протяженность брешки в палеонтологической летописи составляет не менее 5 млн. лет, причем приходится эта брешь именно на тот период, когда и совершалась радиация Catarrhini».

Вот так. Дело в том, что когда все морфологические реконструкции зашли в тупик, эволюционисты приняли на вооружение новый метод, о перспективах которого в Трудах Национальной академии наук США сказано: «С учетом филогенетических древ, построенных по данным молекулярной биологии, становится ясно, что филогенетические древа, построенные исключительно по данным краниологии (исследования по черепу. – А.М.) и дентологии (исследование по зубам. – А.М.) высших приматов, имеют низкую достоверность. Отсюда следует, что существующие филогенетические гипотезы об эволюции человека **вряд ли можно считать обоснованными**. Следовательно, проблема филогенеза гоминид **требует новых подходов**» (PNAS V. 97, no. 9, 5003–5006. Здесь и далее во всех цитатах выделено мной. – прим. А.М.). Разумеется, что происшедшее нельзя назвать подменой и «сдачей Дарвина», но лишь исключительно новым методом доказательства теории эволюции – для того, чтоб хоть не мытьём, так катаньем подтвердить опрометчивые слова Дарвина о будущих находках переходных форм.

«...С середины шестидесятых годов для построения генеалогического древа отряда приматов (а также ряда других групп животных) стали использовать информацию, содержащуюся в макромолекулах белков и нуклеиновых кислот. Сопоставление последовательностей нуклеотидов в молекулах ДНК, взятых у современных церкопитекоидов и гоминоидов, говорит, по мнению большинства специалистов, о том, что эволюционные пути этих групп разошлись в интервале от 22

до 28 млн. лет назад. Таким образом, палеонтологические, и молекулярные данные, взятые вместе, позволяют считать, что самостоятельная филогенетическая история Hominoidea – группы, куда из ныне живущих приматов входят человек и человекообразные обезьяны (шимпанзе, горилла, орангутан, гиббон, сиаманг) – началась около 25 млн. лет назад».

Всем хорош, говорят, этот метод, за исключением одной маленькой детали – для получения результата мы должны сами ввести в расчетную формулу параметры, базирующиеся на... эволюционных предпосылках. Понятно, что мы получим в этом случае любую ожидаемую цифру. Не понравится – изменим исходные допущения и получим другую и т. д.

«...Конечно, биомолекулярные методы филогенетических исследований нельзя считать абсолютно надежными и самодостаточными, они должны использоваться лишь наряду и в тесной связи с традиционными палеонтологическими и прочими методами. Однако, как показывает опыт, в том, что касается эволюции приматов (включая гоминид), биомолекулярный и палеонтологический анализ дают, как правило, вполне сопоставимые результаты».

Тут автор попал в точку, это абсолютная правда. Дело в том, что биомолекулярный и палеонтологический методы – одинаково непригодны для доказательства филогенетического родства. Этим они и сопоставимы!

...Но всё это пока были цветочки. Сложности начинаются дальше.

«...Поиск генеалогических корней семейства гоминид ведется уже в течение многих десятилетий, но достигнутые пока в этой области результаты оставляют желать много большего. В значительной степени это объясняется тем, что в Африке период от 12 до 4 миллионов лет назад (т.е. поздний миоцен – ранний плиоцен), когда должно было совершиться выделение гоминидной линии эволюции, очень плохо обеспечен палеонтологическими находками, что не позволяет точно определить предковую для всего семейства группу».

Сравним это высказывание с Перлом № 1, где говорится о красноречивости палеонтологической летописи и о том, что у палеонтологов в этой области остались только узко специфичные, непринципиальные вопросы. Прошу обратить внимание, что здесь речь ведется уже не об антропоидах, а о наших непосредственных, «прямых предках», так называемом семействе гоминид. Непринципиальность и незначительность оставшихся вопросов просто умиляет.

«...Сейчас можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что эволюционные пути наших предков и предков наших ближайших родственников – современных африканских человекообразных обезьян, – разошлись где-то в интервале от 8 до 4 млн. лет назад. Правда, не совсем ясно еще, в какой последовательности это происходило, но постепенно накапливающиеся новые молекулярные и палеонтологические данные заставляют думать, что, скорее всего, сначала от общего ствола отделилась линия гориллы, а затем шимпанзе (Sibley & Ahlquist 1987; Begun 1992; Bailey 1993; Wood 1994a; Ruvolo 1995). Примечание: Для полноты картины следует упомянуть еще весьма экзотическую гипотезу, согласно которой шимпанзе и горилла являются потомками австралопитеков, вторично приспособившимися к четвероногости (Edelstein 1987; Verhaegen 1990, 1994)».

Все эти методы вкупе с неопределенностью высказываний очень напоминают гадания на кофейной гуще. С тем же успехом можно погадать на картах, кто из гоминид наш ближайший родственник и заявить, что *«данные заставляют думать, что, скорее всего»* сначала от общего ствола отделились не шимпанзе и не гориллы, а нечто третье. Чем этот «метод» хуже? Данные, представленные бабкой Дарьей, заставляют думать то-то и то-то... Нерешенные проблемы еще, конечно есть, но «масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии» (Перл № 1).

«Сопоставление ДНК человека и шимпанзе указывает на то, что их последний общий предок жил в самом конце миоцена или начале плиоцена, в период примерно от 5,5 до 4 млн. лет назад (Sibley C.G. & Ahlquist J.E. 1987; Hasegawa 1992)».

Модель она и есть модель. Любая теоретическая модель тем и хороша, что при желании позволяет рассмотреть и рассчитать что угодно – хоть родство с телеграфным столбом. Бессмыслица, однако, не перестает быть бессмыслицей, даже если она «модельная». С шимпанзе наши совпадения по ДНК составляют 95–99%, с мышью 90%, с земляным червяком 75%. Если бы требовалось вывести происхождение человека от земляного червяка, то согласно этой модели, линии человека и червяка разделились бы у нас 100 млн. лет назад, а линия мыши отделилась от нашей 50 млн. лет назад (цифры, разумеется, произвольные, для примера).

«Немногочисленные ископаемые материалы по гоминидам, имеющиеся для этого временного интервала, в общем **отвечают ожиданиям**, вытекающим из анализа молекулярных данных».

Это хорошо, что «получилось», что всё сходится. Особенно, если знаешь, чего «ожидает». Но вот как дела обстоят в реальности. Давайте посмотрим, как ископаемые *«отвечают ожиданиям»* – и, надо думать, ожиданиям напряженным?

«Эти материалы могут быть условно разделены на три группы. В первую группу войдут единичные находки (главным образом зубы и обломки нижней челюсти, а также фрагмент плечевой кости) с ряда местонахождений Кении (Лукейно, Лотагам, Табарин), которые с большей или меньшей степенью уверенности определяются как останки самых ранних гоминид, но без указания точной таксономической принадлежности».

Это точно. Фраза «большая или меньшая степень уверенности» – означает, что не уверены ни в чем. «Без указания точной таксономической принадлежности» – означает, что костные фрагменты

принадлежат неизвестно кому и просто «приписаны к обозу». Например, принадлежность коренного зуба из Лукейно не ясна – то ли он гоминидный, то ли им цыкал в свое время шимпанзе. Ценность этих находок столь велика, что их даже не включают в каталоги ископаемых останков гоминид, видимо, чтобы не разбрасываться понапрасну столь ценной информацией.

«...Вторую группу составят многочисленные находки зубов и челюстных фрагментов, дополняемые несколькими костями посткраниального скелета, с местонахождений Канапой и Алиа Бэй (тоже Кения). Эти материалы, имеющие возраст чуть более 4 млн. лет, послужили для выделения вида *Australopithecus anamensis* (Leakey et al., 1995, 1998), рассматриваемого сейчас в качестве наиболее вероятного предка позднейших австралопитеков».

Пикантность ситуации заключается в том, что кость из Канапой, о которой идет речь, принадлежит... человеку. Вот что пишут о ней Майкл Кремо и Ричард Томпсон, авторы «Неизвестной истории человечества»:

«Ископаемое, известное под названием КР 271 (дальняя часть плечевой кости в отличной сохранности, обнаруженная в 1965 г. Брайаном Паттерсоном (Bryan Patterson), сотрудником Гарвардского университета), эволюционисты датируют возрастом в 4,5 миллиона лет. Таким образом, выходит, что это – самое древнее из найденных ископаемых человеческих останков, возраст которого больше, чем возраст Люси и всех австралопитеков. К удивлению эволюционистов, это древнейшее ископаемое оказалось полностью идентичным плечу *Homo sapiens* (современного человека), причем оно представляет собой анатомический объект, по которому легко отличить человека от остальных приматов – ныне живущих и вымерших. Это наталкивает на мысль о том, что настоящие люди существовали прежде, чем в летописи окаменелостей появились австралопитеки. Паттерсон, его сотрудники и многие другие ученые

© Kenneth Garrett

Плечевая кость КР 271
человека из Канапой

проводили морфологическое и комплексное исследование этого образца, но так и не нашли отличий КР 271 от *Homo sapiens*. Тем не менее, как ни странно, этому ископаемому было дано название австралопитека – исключительно в силу древнего возраста, несмотря на все научные свидетельства. Эволюционисты «знают», что настоящие люди не могли существовать раньше, чем австралопитеки, даже если бы летопись окаменелостей показала бы обратное; ведь считается, что люди произошли от австралопитеков; таким образом, эволюционная теория подталкивает ученых к необоснованному выводу».

«Наконец, третью группу, – продолжает Л. Вишняцкий, – образуют остатки скелета, найденного на местонахождении Арамис в Эфиопии (в регионе, известном под названием Средний Аваш), в слое, сформировавшемся около 4,4 млн. лет назад. Этот материал находился к моменту открытия в очень плохом состоянии, и пока были изучены только зубы и фрагменты черепа, а также головка плечевой и обломок лучевой костей. Анализ этих находок привел сначала к провозглашению нового – самого древнего – вида австралопитека (White et al. 1994), но через несколько месяцев авторы первого описания костей из Арамис сочли их обладателя достойным более высокого – родового ранга и опубликовали поправку, в которой вместо вида *Australopithecus ramidus* представили коллегам род и вид *Ardipithecus ramidus* (White et al., 1995)».

Ох уж эти шутники... Все здесь смешно – начиная от того, что «остатки скелета» способны образовать целую группу («*третью группу образуют остатки скелета*») и заканчивая историей про то, как австралопитек пошел на повышение. Вы только посмотрите на этого родственника... Кажется, это самая крупная из частей гипотетического предка. Полное имя фрагмента ARA-VP-1/129 (Этот наш предок был армянин?). Фотографии остальных 16

ARA-VP-1/129

микроскопических кусочков Steven Heslip, например, даже не стал помещать в свой каталог. Согласитесь, не правда ли, что этот пре-

док гораздо больше похож на ардипитека рамидуса, чем на австралопитека рамидуса? А если серьезно, то у многих ученых (Benefit, McCrossin) вообще есть сомнения по поводу «гоминидности» этого «представителя третьей группы». Есть вероятность, что под видом раннего гоминида нам откровенно «впаривают» обезьяну. Ведь это не только у нас, людей, проблемы – австралопитеку тоже нужно предшественника среди чего-нибудь такого, гоминидного, искать.

И опять о «полноте» летописи предков:

«...Пока рамидус еще не изучен как следует, а о его гипотетических современниках и тем более предшественниках вообще почти ничего не известно, австралопитеки остаются главным источником сведений о самых ранних стадиях филогенеза наших предков. К счастью, в отложениях возрастом от 3,8 до 2 млн. лет кости их довольно многочисленны, и каждый год приносит новые находки».

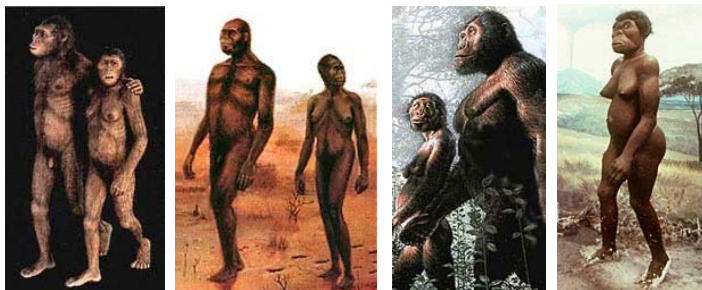
К счастью – для кого? Для австралопитека? А что если – страшно даже подумать! – австралопитеки вообще не имеют никакого отношения к человеку? Вот «счастье»-то будет! Какие тогда будут мысли вместо Перла № 1?

«...За пределами Африки достоверных находок костей австралопитеков неизвестно, хотя время от времени появляются сообщения об обнаружении таковых в Восточной Азии. Сообщения эти, однако, воспринимаются большинством специалистов скептически, поскольку материалы, на которых они основываются слишком фрагментарны и не поддаются однозначной идентификации, а их датировки взаимно противоречивы».

Ну, не будем наивными. Скептицизм ученых «научно» обоснован – если вдруг начать в упор замечать австралопитеков в Азии, то рухнет африканская теория происхождения человека, а такого путающего все карты добра эволюционистам не нужно.

«Главной особенностью австралопитеков, сближающей их с людьми и отличающей от более ранних гоминоидов, а также современных человекообразных обезьян, считается двуногость. Многие, свойственные этим гоминидам, анато-

мические особенности, в частности, их короткий и широкий таз, сводчатая стопа, непротивопоставляемый большой палец ноги, наличие выраженного угла между бедренной и большой берцовой костями, а также ряд других показывают, что они передвигались уже не на четырех, а на двух ногах, хотя, вероятно, сохраняли при этом и некоторые анатомические черты, связанные с древесным образом жизни».

Прямохождением лучше всего заниматься вдвоем. Из рисунков *National Geographic* и *Nature* мы можем узнать, что австралопитеки не только ходили вертикально, но при этом уже и обнимались. Люси, как настоящая женщина, не может без спутника жизни. И только оставшись в одиночестве, становится злой и раздражительной мегерой

Скромно, однако, сказано, без напора. Да, собственно, не «вероятно», а точно сохраняли, и сохраняли не только анатомические черты, но и сам древесный образ жизни. Прямохождение австралопитека как признак, сближающий его с человеком – нонсенс. Коленный сустав австралопитека, подобного Люси, как известно, Д. Джохансон нашел в 2,5 км от других частей ее скелета и приобщил его к «делу Люси» в качестве одного из важнейших свидетельств ее прямохождения. Таз Люси был реконструирован Лавджоем на основании 50-ти мелких обломков, составляющих лишь фрагмент подвздошной кости, зато в соответствии с **«ожиданиями»**, чтобы он максимально напоминал человеческий. Якобы сводчатую стопу «подсмотрели» у другого экземпляра (Stw 573, да и то сводчатость стопы вилами на воде писана)... Так что Люси в прямом смысле – «образ собирательный». В принципе, форма таза австралопитека приспособлена для фрагментарного прямохождения, но многие признаки (длина рук, устройство стопы и др.) говорят о смешанном, древесно-наземном образе жизни. Бежать, например, в вертикальном положении Люси уже не могла. В фраг-

ментарном прямохождении обезьян нет ничего из ряда вон выходящего, если эту особенность не использовать для эволюционных подтасовок (см. рисунки на стр. 24).

Следующая фраза Л. Вишняцкого повергла меня в состояние, подобное состоянию персонажа из телевизионной рекламы шоколада «Шок»:

«О двуногости австралопитеков говорит и анализ их следов, сохранившихся в туфе на местонахождении Лэтоли в Танзании (возраст следов около 3,6 млн. лет)».

Но вот что по этому поводу говорят М. Кремо и Р. Томпсон:

«Наиболее полное современное исследование этих следов провел ученый Рассел Таттл (Russel H. Tuttle) по просьбе Мэри Лики. Таттл не только подтвердил несомненную принадлежность человеку следов гоминида из Лаэтоли, но и описал их как «неотличимые от обычных следов босых ног Homo sapiens». ... Он не только опроверг мнение о том, что следы из Лаэтоли принадлежат *Australopithecus afarensis*, но и обнаружил, что предыдущая работа по этим следам, приведшая к такому выводу, содержала серьезные ошибки.

Следы из Лаэтоли

...Почему же тогда эволюционисты не признают эти следы человеческими? Потому что эти следы не соответствуют временной шкале теории эволюции – они якобы слишком древние для того, чтобы принадлежать настоящим людям. Это – классический пример подгонки фактов под предубеждения. Стремясь защитить теорию эволюции, ее сторонники отказываются называть древние ископаемые их настоящими именами. Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с мировоззрением, а не с наукой».

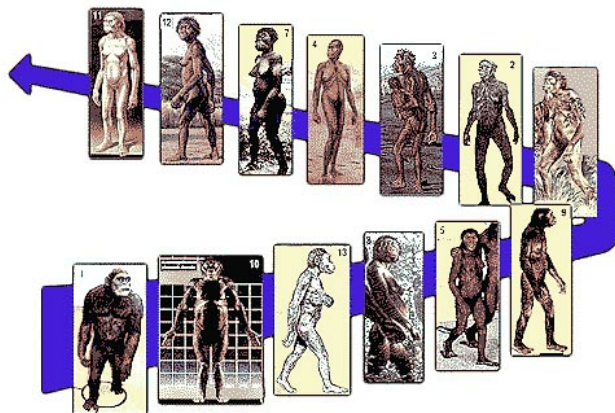
«Еще ряд признаков, – читаем далее у Леонида Вишняцкого, – прежде всего таких, как S-образный изгиб позвоноч-

ного столба и положение затылочного отверстия в основании черепа, свидетельствуют о «стройности» австралопитека, выпрямленном положении его тела, что вполне соответствует выводу о прямохождении этого существа. Тенденцию к развитию в сторону сближения с человеком демонстрируют также зубная система (слабая выраженность или отсутствие диастемы, более U-образная, в отличие от V-образной обезьяньей, форма зубной дуги и т.д.), некоторые кости черепа и, в гораздо меньшей степени, верхние конечности».

Всё – мимо. Австралопитеки и хабилисы жили в одно время с людьми-эректусами (да и с хомо сапиенсами, между нами) и уже по одной этой причине **не могли быть предками человека**. Мало того, что это разные биологические виды, остававшиеся всю свою историю неизменными. Между ними и людьми – есть еще и абсолютно четкие анатомические различия, выражающиеся прежде всего в особом строении человеческого внутреннего уха, так называемых полукружных каналов, которое отличает людей от всех остальных приматов и обеспечивает работу нашего вестибулярного аппарата при «настоящем», а не фрагментарном прямохождении. У австралопитеков же и хабилисов строение полукружных каналов похоже на строение их у шимпанзе. Чего, собственно, и следовало ожидать, ибо австралопитеки, если и умели «держаться на ногах», то ходили совсем не так, как люди. По этой причине, например, трудно поверить, что четкие следы Лаэтоли оставили австралопитеки – будь это так, следы были бы гораздо более «размазаны» (не говоря уже о том, что отпечатки были бы еще и более «рукоподобны», с большим пальцем, отставленным почти на 90° в сторону.

Кремо и Томпсон пишут:

«[Чарльз] Окснارد пришел к выводу, что мозг, зубы и череп австралопитека больше походили на обезьяньи. Его лопатка приспособлена для того, чтобы он мог висеть и лазать по деревьям. Кисть руки такая же, как у орангутана. Кости таза адаптированы для передвижения на четырех конечностях и выполнения акробатических упражнений. То же самое можно сказать и в отношении структуры бедренной кости и лодыжки. «Анализ доступных нам данных, – писал в 1975 году Чарльз Окснارد, – наводит на мысль, что животное имело

Невероятно, но факт – даже 3 млн. лет спустя после смерти Люси продолжает эволюционировать. Здесь показано изменение взглядов «беспристрастных» исследователей Люси по мере того как нужда в переходной форме становилась всё острее. Коллаж из рисунков ведущих научных и научно-популярных журналов

средний рост, свободно чувствовало себя на деревьях: было способно лазать, выполнять акробатические упражнения и, возможно, висеть на передних конечностях».

Невероятно, но факт – даже 3 млн. лет спустя после смерти Люси продолжает эволюционировать. Здесь показано изменение взглядов «беспристрастных» исследователей Люси по мере того как нужда в переходной форме становилась всё острее. Коллаж из рисунков ведущих научных и научно-популярных журналов.

«...Появившись примерно 4 млн. лет назад (Karpelman et al 1996), австралопитек афарский, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время данным, оставался в течение следующего миллиона лет единственной формой гоми- нид».

При этом до самого своего условного вымирания 3 млн. лет назад (или ассимиляции) никак не изменяясь и ни во что не эволюционируя.

«...A. afarensis рассматривают иногда в качестве предкового вида для всех остальных австралопитеков (кроме, разумеется, более древнего A. anamensis)...».

(На полке которого (*anamensis*'a), хочу еще раз напомнить, кроме зубов и обломков челюстей, лежат кости КР 271, принадлежащие человеку, которому все эти южные обезьяны приходились не родственниками, а **современниками**).

«...или, по крайней мере, в качестве наиболее приемлемого аналога для воссоздания морфотипа такого вида, но и то и другое – лишь рабочие гипотезы, которым еще предстоит выдержать...».

Тут автор, видимо, спохватился – не спугнёт ли он кого своей подозрительно излишней уверенностью:

"...(или не выдержать) проверку временем и новыми находками".

Понятно, что сие будет зависеть от новых находок. Можно смело предположить, что если родственники в ближайшее время в гости не понаедут, то проверку *A. afarensis* выдержит. Несмотря даже на такую внятную и конкретную роль предка, как «наиболее приемлемый аналог для воссоздания морфотипа такого вида». Это вроде как – я не ваш дядя, я просто напоминание, что у вас есть дядя. Вот это и называется «осталось решить лишь мелкие проблемы». Так мы пьём наше пиво. Так мы находим наших родственников.

Следующее заявление опять заставляет вспомнить Перл № 1, который уже всё более напоминает Перл-Харбор (неудачная шутка):

«...Особенно сложен и далек от разрешения вопрос о том, какая из групп поздних австралопитеков послужила субстратом дальнейшей эволюции человека, т.е. дала начало роду Номо, и наличествуют ли вообще останки представителей такой группы в добытом к настоящему времени палеонтологическом материале».

Э-эх! А как хорошо все начиналось! Назовем эту фразу Перл № 2 и сравним их.

Перл № 1: «Сейчас, можно сказать, уже не существует некоего столь волновавшей эволюционистов и их оппонентов

проблемы «недостающего звена» между обезьяной и человеком, ибо «палеонтологическая летопись» слишком красноречива. Конечно, это не означает, что в ней вообще не осталось пробелов – пробелы есть, и они многочисленны, – но масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии».

Перл № 2: «...Особенно сложен и далек от разрешения вопрос о том, какая из групп поздних австралопитеков послужила субстратом дальнейшей эволюции человека, т.е. дала начало роду Номо, и наличествуют ли вообще останки представителей такой группы в добытом к настоящему времени палеонтологическом материале».

Казалось бы, куда уж хуже... Но сразу вслед за этим становится «еще хуже»:

«Еще недавно наиболее перспективным – хотя и не безупречным – кандидатом на эту роль считался *A. africanus* (напр.: Klein 1989: 162, 402; Skelton & McHenry 1992), живший 3–2,5 млн. лет назад и известный главным образом по находкам в Южной Африке (местонахождения Таунг, Штеркфонтейн, Макапансгат), но в последнее время его позиции сильно пошатнулись. В результате детального сопоставления многочисленных костей верхних и нижних конечностей африкануса, открытых в ходе продолжающихся работ в Штеркфонтейне, выяснилось, что по соотношению их размеров этот вид, в отличие от более ранних *A. anamensis* и *A. afarensis*, находится ближе к человекообразным обезьянам, чем к гоминидам, то есть, попросту говоря, руки у него были, вероятно, длиннее ног. Это неожиданное открытие окончательно запутывает и без того запутанную ситуацию, поскольку по строению зубов и черепа африканус, наоборот, намного ближе к Номо, чем *A. afarensis*, не говоря уже об *A. anamensis*. Остается предполагать, что либо *A. africanus* приобрел это сходство с поздними гоминидами параллельно, т.е. не будучи звеном

филетической линии, ведущей к человеку (тогда на первый план в качестве возможного предка выдвигается *A. afarensis*), либо, наоборот, раннее приобретение *A. afarensis* человеческих пропорций конечностей совершилось независимо и не является признаком, указывающим на филогенетическую связь этой формы с *Номо* (McHenry & Berger 1998)».

Вот она, хваленая морфология... *«Окончательно запутывает и без того запутанную ситуацию»*. Так сказать, какому морфологическому признаку после этого можно верить? Ну никак не желают эти проклятые австралопитеки вступаться в нашу родословную. Ты к нему со всем уважением, а он тебе демонстративно: «На, гляди, какой я тебе родственник? У меня, во, руки длиннее ног!». Или попросишь другого, с нормальными руками, быть родственником, а он тебе нагло: «Пропорции моих конечностей, дядя, не являются признаком, указывающим на нашу филогенетическую связь!». Скоты, одним словом, а не родственники.

Однако, как говорил Высоцкий, «но есть еще одно предположение...». А, может, мы, того... Этого... И правда не родственники? Бр-р-р! Ужас.

«Австралопитеки исчезли с лица земли только в плейстоцене, успев задолго до этого дать начало роду Номо и будучи, следовательно, свидетелями (а в какой-то степени, по-видимому, и жертвами) эволюционного триумфа новой формы гоминид».

Вышеприведенная фраза характеризует всех сторонников такой идеи как людей весьма храбрых и не боящихся ничего – ни штормов, ни врагов, ни насмешек прохожих на улицах. К сожалению, Л. Вишняцкий вынужден вслед за своими единомышленниками повторять эту нелепую, на мой взгляд, эволюционную версию «возникновения» рода *Номо*. Если австралопитеки и дали начало (в любом смысле этого слова, хоть микроэволюционном, хоть учетно-канцелярском на бумаге) роду *Номо* в лице хомо хабилиса, то, строго говоря, они дали начало роду хомо «немного не тому», не нашему хомо, а хомо обезьяньему...(шутка). Если угодно, конечно, то можно обезьяну называть хоть «человеком умелым» (*Номо*

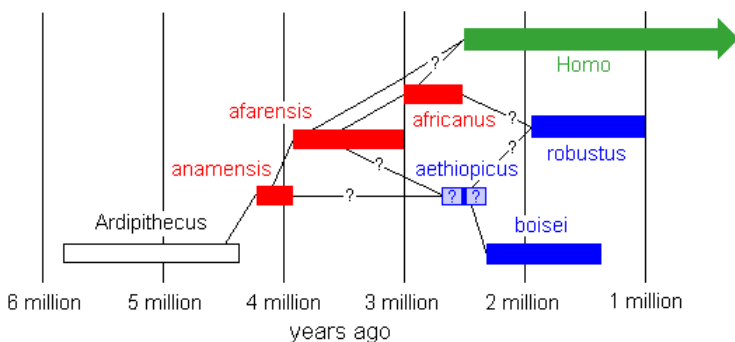
habilis), хоть хомо суперсапиенсом, только сущность ее от этого не изменится и обезьяной она от присвоения «солидного» имени быть не перестанет.

Если я правильно понимаю дарвиновскую эволюцию как «восходящее развитие от простого к сложному», то австралопитеки - хабилисы - эректусы - сапиенсы фактически должны быть одним близкородственным таксоном, плавно изменяющимся с течением времени морфологически и генетически. То есть, живут тут и там в Африке отдельные группы примитивных южных обезьян, которые в ответ на изменяющиеся условия среды или иные факторы – выживают, скрещиваются, приобретают всё более сложные морфологические признаки и в историческом периоде одна из «обособившихся» групп «перетекает» в человека, ну, скажем, в Турканского эректуса. Если я эволюционист и разделяю такой сюжет, то все найденные мной черепа – от южных обезьян до человека – я классифицирую в соответствии со своими взглядами (пусть эти найденные черепа и не желают никак упорядочиваться в стройную картину). Таким образом, моими действиями будет управлять некое мое доктринальное ожидание. Мы сегодня не удивляемся, когда слышим периодические эво-заявления, что «усилия ученых по поиску переходной формы наконец-то увенчались успехом». Это означает, что поиск был действительно целенаправленным и упорным. Другое дело, что такой упорный поиск не имеет отношения к беспристрастности исследования, но есть ничто иное, как антинаучное, сугубо эмоциональное действие, ибо ожидание и поиск доказательств в пользу определенного результата (уж не говоря о замалчивании результатов неподходящих) в плане «научности» ничем не лучше каких-нибудь фрейдизма, марксизма или астрологии.

Сказанное мной, разумеется, в этом контексте относится и к хомо хабилису, и означает, что если между черепом ископаемой южной обезьяны и черепом древнего человека зияет страшная для эволюционизма дыра, то свято место **пустым не будет**.

Теоретически нет ничего невероятного в кровном родстве австралопитеков и хабилисов, кроме ощущения какой-то нелепости всей существующей схемы, изъяна в здравом смысле – пусть даже австралопитеки разделились на две ветви, одна из которых стала хабилисами. Подчеркиваю, теоретически. Но почему одна из ветвей осталась абсолютно неизменной? И почему эти две ветви,

предки *australopithecus*'ы и их эволюционные потомки хабилисы, еще добрых полтора миллиона лет жили вместе, опять намертво «законсервировавшись»? 1 млн. 500 тысяч лет... Вспомните, что от первых цивилизаций и египетских пирамид нас отделяют жалкие 5 тысяч. Где теперь эти древние цивилизации, империи, народы? А тут 1 млн. 500.000, при том, что хабилис якобы успел стать настоящим Турканским человеком всего за 100 тыс. лет. Да что там Турканским, если сами люди-эректусы, согласно эволюционной схеме, как минимум 800 тыс. лет успели пожить под одним небом даже с австралопитеками, то есть предковой эволюционной формой своей предковой эволюционной формы – хомо хабилисов! Хм-м... Голова идет кругом... Можно, конечно (опять же, чисто теоретически) допустить одновременное сосуществование эво-предка и возникшей от него новой формы, но такие вещи, на мой взгляд, сводят практически к нулю всю достоверность подобного родства. В какие горнила и средовые катастрофы должна быть вброшена группа животных, чтобы так радикально – от обезьян до настоящих людей – «разойтись», оставаясь в едином пространстве и времени – при том, что другие виды, проходя через планетарные изменения климата и глобальные катастрофы, за сотни миллионов лет не измени-

Так сегодня обстоят дела с филогенетическим родством гоминид. Если мы посмотрим на схему, то увидим, что только три разновидности австралопитеков связаны «как бы несомненным» родством плюс ардипитек, о котором практически ничего не известно и который «всё стерпит». Линия Номо, показанная зеленым цветом, отчетливо-то безымянна. Кто этот Номо? Хабилис? Главное, прорваться к зеленой стрелке, а уж направление она показывает верное – вперед! Сравните также ситуацию на этой схеме с Перлом № 1, где говорится о том, что масштаб пробелов так мал, что уже не может породить сомнений в нашем родстве с обезьянами...

© 2003 Behavioral Sciences Department, Palomar College, USA

лись ни на крупицу? Отчего же именно обезьянам – «зеленый свет»? Может быть, у них в эволюционном штабе – «свои люди»?

Я уж скромно молчу и не спрашиваю, где следы представителей нашей «главной» второй ветки, с которыми мы в виде непонятно кого якобы разошлись еще раньше, 7 млн. лет назад, а именно – где все ископаемые предки шимпанзе?

«Первым представителем этой новой формы, или промежуточным звеном между ней и австралопитеками, считается, **с рядом оговорок**, вид *Homo habilis*, обособившийся около 2,4 млн. лет назад. Интересно, что примерно к этому же времени относятся и древнейшие из известных сейчас каменных орудий со следами намеренного изготовления».

Л. Вишняцкий, по-видимому, весьма тактичный человек, так как, в отличие от других эволюционистов, не говорит о прямой принадлежности найденных инструментов хабилису. Хотя, если вспомнить, хабилис-то и хабилисом («умелым») стал из-за этих возложенных на его хрупкие плечи обязанностей – быть первым инструментальщиком. Это действительно интересно. Потому что «настоящие» человеческие останки авторов этих орудий, найденные в тех же горизонтах Олдувая, эволюционистам нужно как-нибудь объяснить, ибо они, эти поганцы, портят всю картину, во-первых, ломая напрочь эволюционную хронологию («настоящие» люди – 2,4 млн. лет назад?), а, во-вторых, не давая бедным обезьянам хабилисам даже подержать в руках человеческие каменные инструменты.

Видимо, все же испытывая некий дискомфорт от того, что хабилису приписывается роль родоначальника *Ното* (ну какой он, между нами, *Ното*?), Л. Вишняцкий некоторую часть книги посвящает «разруливанию» этой семантической неловкости.

«*Ното* в переводе с латыни означает «человек», но из этого широкоизвестного факта не следует делать вывод, что человек и *Ното* – одно и то же. «Человек», «люди» – это термины совсем другого ряда, нежели «гоминиды»; это понятия, подразумевающие совершенно разные классификации живых существ, и они, как давно и справедливо замечено, не

должны восприниматься как синонимы (напр.: Урысон 1976: 21). В первом случае мы имеем дело с философской классификацией, во втором – с биологической. Люди, человек – это существа, специализированные к культуре (об этом речь еще пойдет ниже), существа, для которых культура является и программой поведения, и средством адаптации, и средой («встроенной») обитания. Культура – это то, что делает Номо, потенциальных людей, людьми действительными. Для того, чтобы быть *Homo sapiens*, или *Pan paniscus*, или *Canis lupus* достаточно просто родиться, для того, чтобы быть человеком, надо им стать, то есть подвергнуться воздействию искусственной среды, культуры. В этом смысле можно сказать, что качественная разница между животными и людьми состоит в том, что первыми рождаются, а вторыми становятся, становятся лишь определенное время спустя после рождения и лишь при наличии определенных условий (культурной среды)».

Понятно, что все это говорится «не для нас», а для «хомо» хабилиса, который – можно с уверенностью предположить – вот уже прямо сейчас, на страницах книги, начнет стремительно эволюционировать, так как попал (или сам создал?) в культурную среду. Из вышесказанного хочу обратить внимание лишь на пару-тройку моментов. Светлая идея о том, что понятие «человек» имеет два разных аспекта, биологический и философский – с точки зрения адепта Творения похожа на арифметическую задачку, где к двум мальчикам прибавили два ящика апельсинов.

Другое утверждение, что культура может являться программой поведения, верно для нас, но в случае с хабилисом похоже на загадку – «что появилось раньше, курица или яйцо?». Информатика говорит нам по этому поводу абсолютно то же, что и биология. Живое – от живого, программа – от программиста. Хабилис в культурной среде, это *circulus in demonstrando*, порочный круг, бесконечное хождение по цирковому манежу – хабилис создал культурную среду, или она его сделала «хабилисом»?

Бедренные кости двух *Homo sapiens* ER 1481 и ER 1472. На основании официального возраста (около 2 млн. лет) эти экземпляры не только были приписаны хабилису, но утверждалось, что тот

имел почти человеческую анатомию ноги.

То же относится и к утверждению: *«...качественная разница между животными и людьми состоит в том, что первыми рождаются, а вторыми становятся, становятся лишь определенное время спустя после рождения»*. Это опять же верно для нас, но неверно для хабилисов. Обезьянами они родились, обезьянами и умерли (шимпанзе дрессируются, но опыт, полученный от человека, не накапливают, не анализируют и не передают детям). Человек же не становится человеком «время спустя после рождения», а уже рождается им – с уже закодированными в геноме способностями к речи, абстрактному мышлению, художественной образности, математическому анализу, с «врожденной грамотностью», в конце концов.

Однако отсутствие фактов надо как-то компенсировать. Самое милое дело – фантазии в русле эволюционной догмы (хотя, нужно отметить еще раз, что у Л. Вишняцкого большинство «научных предположений» идет все-таки через вероятностные оговорки и сомнения, неведомые 99% «эволюционных» антропологов:

«Не исключено, что такого рода инкультурация имела какое-то значение уже для хабилисов: отмечаемый на этой стадии эволюции резкий рост мозга может косвенным образом указывать на увеличение периода, в течение которого детеныши зависели от матерей (или обоих родителей?), а если это так, то, значит, они получали более основательное воспитание, чем, скажем, потомство австралопитеков».

«Отмечаемый на этой стадии эволюции резкий рост мозга» – это бухгалтерская приписка в отчетности. У антропологов есть несколько черепов, условно называемых «хабилисами». Вычисленный объем их мозга выше, чем вычисленный объем мозга австралопитеков. Но не более того. Резкий рост мозга – это некоторое лу-

Бедренные кости двух *Homo sapiens* ER 1481 и ER 1472. На основании официального возраста (около 2 млн. лет) эти экземпляры не только были приписаны хабилису, но утверждалось, что тот имел почти человеческую анатомию ноги

кавство. Сказано о статичных признаках так, как будто они имеют динамику. Можно сказать, что у щуки отмечен резкий рост мозга по сравнению с карасем – научная ценность этого наблюдения будет такая же.

«Костные останки *Homo habilis* были впервые обнаружены в Олдувайском ущелье в 1959 г., а статья, где обосновывалось выделение и предлагалось название этого таксона, вышла пять лет спустя (Leakey et al., 1964). Тем не менее, широкое признание новая группа получила лишь в конце 70-х – начале 80-х годов, после открытия на восточном берегу озера Рудольф (Туркана) в Кении двух хорошо сохранившихся черепов, по своему строению занимающих явно промежуточное положение между австралопитеками и *Homo erectus*».

Таксон хомо хабилис иногда называют «мусорной корзиной таксономии». Беда, беда с этим хабилисом. Антрополог Т.Д. Робинсон уверен, что хабилис – это вообще ошибка, таксон-фантом, результат смешения в одну кучу костей австралопитеков африканусов и костей *Homo erectus*. Одна история с черепом ER 1470 чего стоит... Некоторые считают, что весь таксон собран исключительно из плохо поддающихся идентификации костей австралопитеков, зачисляя в австралопитеки и ER 1470.

Судя по всему, таксон, претендующий быть первым *Homo*, действительно, в той или иной степени оправдывает название «мусорной корзины». Один из черепов, составляющих по сути его основание, фундамент, ER 1470, продолжает вызывать споры – сначала он (найденный в слоях, которые предварительно были датированы как 220-млн.-летние, но быстро «омоложены») именуется 2,6-млн.-летним «хомо неопределенным» (*Homo indeterminate*), потом 1,9-млн.-летним хабилисом, затем хомо рудольфским, братом хабилиса; кто-то считает его австралопитеком, кто-то эректусом, а сегодня некоторые антропологи снова требуют усилить им хлипкий хабилисный таксон и назначить «чистым», окончательным, истинно арийским хабилисом. Не забыть бы к этому, что в корзине хабилисов лежат и кости анатомически современного человека (ER 1481 и ER 1472) возрастом около 2 млн. лет по эволюционной шкале.

Вообще, по большому счету, никакой загадки тут нет – таксон ха-

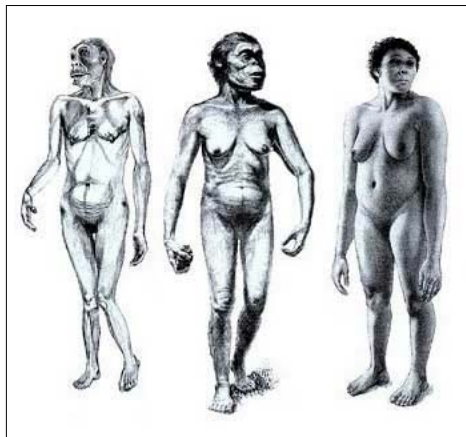
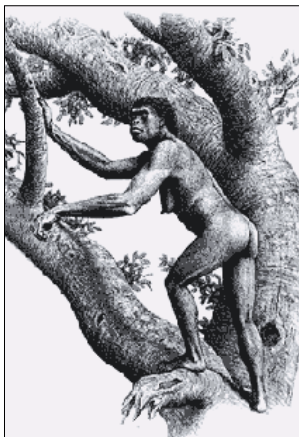

Рисунок слева: Хомо хабилис как будто с отвращением позирует нам верхом на дереве – а что делать, ведь надо как-то совместить почти человеческий облик с древесным образом жизни! Рисунок справа: Романтический хомо хабилис, погруженный в мечты о том, как он скоро станет «настоящим человеком». В центре: хомо хабилис в представлении японского художника. Что, кстати, сразу чувствуется. Бравый вид, самурайская уверенность, японская внешность. А говорят, что хабилисы были африканцами...

Крайний справа хомо хабилис: «Это ничего, что у меня руки почти до земли, зато я нежная и человечная»...

Удивительный пример того, как здравый смысл задвигается эволюционистами на задворки. В то же время где еще увидишь такую диковину – на обезьяний скелет надели человеческие формы, да еще женские... Так сказать, не сдадим нашего хабилиса обезьянам, эволюционисты своих на войне не бросают. Можно себе представить такую девушку прыгающей с ветки на ветку... В русском языке всё это называется простым словом – «подлог». © 2000 *National Geographic Society*, art by: M. Anton, P. Sloan, K. Sano, J. Daugherty

билис создавался как проект (в нынешней бизнес-терминологии) под определенную задачу – заполнить дыру меж обезьяной и человеком, начать изготавливать первые инструменты и т. д. Чем кончилось «очеловечивание» хабилисов, известно. Настоящий гром грянул, когда Тим Уайт с Д. Джохансоном в 1987 году нашли в Олдувае относительно «полный» скелет хабилиса, известный как ОН 62.

С этим ОН 62 произошла почти та же история, что в свое время и с иудой-целакантом – хабилис, которому партийно-эволюционное руководство доверило такое важное задание; хабилис, которому была оказана такая высокая честь и на которого была возложена такая почетная миссия – связать узами родства австралопитека и человека – не справился, мерзавец, с порученной работой на своем участке! Этот недостойный член коллектива уже во всех музеях

Слева: Спасительная идея последнего времени – рисовать хабилиса так, чтоб никто ничего не понял. Вроде бы обезьяна, а вроде даже и на Пушкина немного похож. И выражение лица – то ли тупое, то ли задумчивое. И инструмент – то ли сам изготовил, то ли после сапиенса подобрал и не может понять, что это...

Господа! Рисуйте гоминидов расплывчатей – и у вас всё получится! В реальности хабилис (на фото справа) выглядел примерно так же, как и австралопитек.

© 2002 *Archaeologyinfo.com*

и учебниках выглядел (а в наших и сейчас выглядит!) как настоящая переходная форма – с человеческим телом и гордой осанкой, хотя еще с обезьяньей головой – так вот, этот хабилис, стоило его чуть-чуть припугнуть, оказался... Язык не поворачивается произнести... Хомо хабилис оказался обыкновенной обезьяноподобной скотиной, ростом 1 м, совершенно с обезьяньим телом и руками ниже колен, что говорило вовсе не о его любви к культуре и произведениям прикладного инструментального искусства, а именно к физкультуре, то есть к тупому прыганью с ветки на ветку.

...Обидно, понимаешь. До того, чтоб превратиться в совершенно развитого, абсолютно человеческого, владеющего огнем и орудиями эректуса, оставалось всего 100–200 тыс. лет, и хабилису – хоть лопни – надо было уже выглядеть гораздо человечнее. Ведь превращение за 100 тыс. лет такой маленькой вертлявой обезьяны ОН 62 в розового здоровяка и умницу хомо эректуса WT 15000 – абсурд, не правда ли?

Сегодня на западе эту неловкость с ОН 62 хоть как-то пытаются замаять – враньем ли, мытьем, катаньем (см. рисунки выше). Наши же, российские эволюционисты эту проблему решили крайне легко – они ее просто не заметили. Посмотрите в учебниках и музеях, много ли изменилось – вся эволюционная иконография осталась неприкосновенной.

Однако саму проблему мнимого родства хабилиса с человеком это не решило.

«По мнению Ф.Тобайаса – одного из «крестных отцов» *Homo habilis* – историю с обнаружением и выделением этого таксона можно рассматривать как пример «преждевременного открытия» (Tobias 1991, 1996). ... Давно уже было замечено, что материалы, относимые к *Homo habilis*, – а в основном это фрагменты черепов – довольно полиморфны. Свойственная им высокая степень вариабельности, явно превышающая таковую у современных людей (Kramer et al. 1995), может объясняться по-разному, например, хронологическими различиями или развитым половым диморфизмом в пределах вида, но в последнее десятилетие возобладала тенденция рассматривать ее как результат **таксономической неоднородности группы**. Стали проводить различие между *H. habilis sensu lato* (хабилис в широком смысле) и *H. habilis sensu stricto* (т.е. хабилис в узком смысле или собственно хабилис), и те находки, которые не могут быть отнесены к последнему таксону, зачислять в вид *H. rudolfensis* (Wood 1992; Kimbel 1995; Lieberman et al. 1996; Strait et al. 1997). ... Филогенетическое и даже хронологическое соотношение вновь образованных таксонов оценивается по-разному, и по вопросу о том, к какому из них относить те или иные конкретные образцы тоже нет единства мнений. В частности, в то время, как одни авторы включают знаменитый своими большими размерами череп KNM-ER 1470 (восточное побережье озера Туркана [Рудольф]) в группу *H. rudolfensis* (Wood 1992; Kimbel 1995), другие определяют его как *H. habilis*, а к *H. rudolfensis* относят, наоборот, черепа меньшего размера (Rightmire 1995: 490). Первый вариант предполагает, что *H. rudolfensis* был предшественником (хотя не обязательно предком) *H. habilis*, второй же допускает сосуществование обеих групп.

Судя по имеющимся сейчас данным, хабилисы в широком смысле жили от примерно 2,4 до примерно 1,7 млн. лет назад, после чего им на смену пришли более «продвинутые» гоминиды. Невозможно точно сказать, какая из двух (или трех?) форм *Homo habilis sensu lato* ближе стоит к главному стволу

эволюции человека, **но других вариантов, кроме как выводить позднейших Номо из хабилисов, не существует.** «Массивные» австралопитеки для этого вряд ли годятся (слишком специализированы, а к тому же почти наверняка сосуществовали с *Nomo erectus*), а других ископаемых подходящего возраста пока просто нет. Да и сам хабилис, как возможный предок, в конце концов, не так уж плох».

Не знаю, кому как, но мне это напоминает: «Другого народа у нас нет»...

Что ж, надо брать, что дают, а то и этого не останется. Начали-то за здоровье...

Подводя первые итоги, хочу сказать уже не только о книге Л. Вишняцкого, но и общем подходе ученых-эволюционистов к проблеме переходных форм вообще. Как правило, общая тональность большинства работ на эту тему – высокий стиль победного рапорта и высокомерные реплики в сторону инакомыслящих: «Эволюция – доказанный факт! В летописи ископаемых еще остаются пробелы, но каждый год приносит все новые и новые открытия, лишь подтверждающие общую картину...» (даже уважаемый Л. Вишняцкий не избежал поначалу этой родовой травмы всех эвословов, хотя и показал в дальнейшем истинное положение дел на этом участке эволюционного фронта). Можно до бесконечности взывать к совести оппонентов, напоминая им о критериях и методах «строгой» науки в применении к их вольным фантазиям, однако всегда полезно помнить, что пресловутый 140-летний проект под названием «поиск переходных форм» является для многих из них лишь дымовой завесой, фиктивной декларацией о намерениях. Когда тот или иной эволюционист заявляет, что, скажем, летопись ископаемых жутко красноречива, а мизерность пробелов уже не может породить никаких сомнений в нашем родстве с обезьянами, то это означает только одно – **настоящему эволюционисту не нужны никакие свидетельства и никакие ископаемые**, все выводы им уже сделаны заранее.

Реальное же положение дел с летописью ископаемых наглядно демонстрирует та часть книги Л. Вишняцкого, которую мы рассмотрели. И положение это таково, что каждая новая находка является чуть ли не катастрофой для теории эволюции. Расхожая фраза

эволюционистов: «летопись окаменелостей постоянно пополняется, уточняя общую картину эволюции» – это своеобразный словесный выверт, означающий, что каждая новая находка еще больше запутывает общую картину. Вместо ожидаемого уточнения и сужения круга поисков старая схема расплывается как на дрожжах, бюрократически раздувается и требует всё новых и новых объясняющих ее фантазий (например, кто такой *Sahelanthropus tchadensis* и почему у него гоминидных признаков больше, чем у австралопитеков?). Адептам эволюционизма становится всё труднее даже **договориться между собой**, около человеческого рода уже топчется целый полк кандидатов в родственники, постоянно подтягиваются всё новые и новые... и становится ясно, что некий критический порог ожидания уже пройден, уже не будет и не может быть найдено никакой еще неизвестной доселе массовой формы обезьяночеловека. Летопись окаменелостей красноречива только в одном смысле, отражая факт, с которым нельзя не считаться – по одну сторону некоей разделяющей пропасти стоят **животные**, по другую – **люди**.

«Обезьянолюбы», как это ни прискорбно сознавать, попали в ловушку, в яму, вырытую их собственными руками. Кто их тянул за язык? Теперь они выглядывают из этой ямы, ущемленные своими же капканами и ощутимо придушенные своими же удавками. А эти фантазийные филогенетические схемы из стрелок, пунктиров и вопросительных знаков уже всё хуже и хуже скрывают реальное положение дел – человек в палеонтологической летописи появляется **ниоткуда**. У человека **нет ни эволюционных предков, ни родственников в виде связующих звеньев с животными**.

Честно говоря, я до сих пор не могу привыкнуть к тому апломбу и той самоуверенности, с которыми выдают свои суждения многие знакомые мне адепты эволюционизма. Такая самоуверенность, казалось бы, должна иметь под собой серьезное обоснование в виде фактов и доказательств. Но в подавляющем большинстве случаев при ближайшем рассмотрении все их «факты» и «неопровержимые доказательства», равно как и все их крики: «банзай!» («наукой окончательно доказано!») заканчиваются одним и тем же – играми в предположения и вероятности. А вы что подумали?

«Действительно, – пишет популярный сетевой защитник эволюции, – мы можем говорить о том, что те или иные го-

минида **являются нашими прямыми предками лишь в терминах вероятности.** Например, весьма вероятно, что нашими прямыми предками являются австралопитеки. Но точно мы не знаем. Может быть, они были прямыми предками другой, родственной нам группы людей. Если так, то австралопитеки являются не нашими прямыми предками, а ... нашими «побочными предками». ... Одним словом, мы не знаем, являются ли те или иные ископаемые гоминиды нашими прямыми предками. **Это представляет проблему не для теории эволюции, а для нашего любопытства (! – А.М.)»** (Атеолог, «Креационные войны», консультант работы Н. Борисов).

Странные вещи происходят в этом датском королевстве. Сначала некая группа людей заявляет, что факт эволюции доказан наукой, что летопись ископаемых настолько красноречива, что ее распирает от доказательств родства с обезьянами... А при первой же просьбе показать эту родню оказывается, что все присутствующие разыгрывают некую сценическую миниатюру типа – кого бы вы предложили в родственники, если бы эволюция была правдой? Повторяю, так ведут себя люди, которым не нужны доказательства. Ведь как мы можем убедиться, незнание чего-либо об эволюции представляет всего лишь проблему для нашего любопытства. Читайте, господа, смотрите и слушайте. Вот оно, наглядное пособие, честное признание, полученное без применения угроз и пыток, отражающее позицию «современной эволюционной науки» – **отсутствие фактов и доказательств не является проблемой для теории эволюции.**

Представьте, что к вам в квартиру начальник ЖЭКа и участковый приводят незнакомого небритого субъекта и говорят, что он ваш родственник, родной брат, и на этом основании отныне будет жить у вас. «Но я этого человека впервые вижу! – возражаете вы. – У меня нет никаких неизвестных мне братьев! Тем более таких, табуированных и с железным зубом». – «Ну, это не важно, – говорит участковый. – Возможно, что он вам брат не родной, а двоюродный. Это ничего, что у вас нет ни дяди, ни тёти, да и он сам, по правде говоря, не знает, кто его родители. Но вы же понимаете, что мы говорим о вашем родстве в терминах вероятности. Ну, не род-

ственник он, зато вполне мог бы быть родственником. Незнание точных данных об этом человеке представляет проблему не для вашей семьи, не для безопасности вашей квартиры и не для сохранности ваших денег, а исключительно для вашего собственного любопытства – родственник он вам всё-таки, или же это просто какой-то уголовник так придушивается?».

Признание кого-то побочным, боковым предком **при отсутствии прямого** – на это способны, кажется, только адепты эволюгии. Впрочем, родственники в виде обезьян (обязательные, хотя и вероятностные), судя по всему, нужны только тем, кто их упорно ищет. В этих заметках я не поднимаю вопросы этического плана и не предлагаю читателю своих рассуждений об особой сущности человека, при наличии которой вопрос родства с животными просто не имеет смысла.

Часть II

Изучив предыдущие главы, посвященные поиску наших ближайших родственников среди ископаемых африканских гоминид, мы, хотя и смогли понаблюдать за модельным процессом типа «предложи свой вариант родственника», однако обещанного гвоздя программы – несомненных доказательств такого родства людей и обезьян – отыскать не смогли. Заявив в начале рассматриваемой части об этом родстве как о несомненном факте, нуждающемся лишь в уточнении деталей, Л. Вишняцкий в конце концов привел нас к пониманию, что таковое утверждение в эволюционном эпосе существует всего лишь как **вольное предположение, остро нуждающееся хотя бы в одном бесспорном доказательстве.**

Теперь перейдем к отношениям внутри собственно человеческого семейства.

«Последние полтора с небольшим миллиона лет эволюции человека, т.е. плейстоценовый ее отрезок, можно с большей или меньшей степенью условности разделить на три частично перекрывающихся периода или стадии: стадию питекантропин (*Homo ergaster*, *Homo erectus*), стадию неандерталлоидов (*Homo heidelbergensis*, *Homo neanderthalensis*) и стадию неантропов (*Homo sapiens* = люди современного физического типа)».

В этом утверждении автора выражено ничто иное как следование строгому партийному предписанию считать эволюцию эстафетным процессом – «примитивные» **хомо эректусы** постепенно превратились в более «прогрессивных» **неандерталлоидов**, а там уже, на последнем отрезке, возникли (пока непонятно от кого, но будем разбираться) и люди современного физического типа, **хомо сапиенс**. Не очень хорошо для общей эволюционной картины всегда было то, что эти три антропологических «отрезка», по выражению Л. Вишняцкого, «частично перекрываются». Ибо, разумеется, для эволюции всё же «приятней» плавное перетекание одного вида в другой, нежели запутывающее дробление, разветвление и пересечение предков и потомков в одном времени и пространстве. Мы

же скажем больше – эти три отрезка не только перекрываются, но все их реальные представители на протяжении рассматриваемой «эволюционной истории» существовали **одновременно**, хотя большую часть времени на разных территориях.

Если в отношении палеоантропологических находок следовать официальной эволюционной доктрине, в данном случае разделяемой и Л. Вишняцким, то в самых нижних, самых древних слоях плейстоценовой геоколонки должны находиться австралопитеки, чуть выше – хабилисы, затем эректусы, неандертальцы, и уже в последнюю очередь – сапиенсы. Тот казус, что представители человеческого рода хомо эректусы существовали буквально в одно время и буквально на одной территории со своими «предками» австралопитеками и хабилисами, мы уже упоминали.

Но о каком «частичном» перекрытии представителей человеческого рода говорит Л. Вишняцкий? Это «частичное» перекрытие – та неприятная малость, которая (например, в отношении неандертальцев и людей современного типа) была со скрипом признана еще антропологами последних десятилетий, однако, в реальности ситуация для эволюционизма складывается еще более неприятным образом. Даже несмотря на то, что археологи всегда копали и датировали находки «правильно», в соответствии с парадигмой, эволюционный принцип: «примитивное ниже, а сапиенсы выше» начал давать трещины еще на заре эволюгии. Можно вспомнить, как неандертальца не признавали из-за поклонения более желанному предку – пилтдаунскому (оказавшемуся подделкой), а гейдельбергского человека, «более продвинутого» – не признавали чуть позже уже из-за неандертальца. Вряд ли нужно здесь подробно рассказывать об общепринятых методах палеодатировок – напомним лишь кратко, что возраст древних находок определяется:

а). **По глубине залегания.** Но никакая находка и ни при каких условиях не может быть признана достоверной, если не соответствует эволюционному ряду. Анатомически современный человек не может жить во времена или раньше своих «предков», поэтому его аномальное положение в страте должно быть как-нибудь «объяснено», а сами останки должны быть передатированы. Примером подобного подхода могут служить, например, слова цитируемого автором в своей книге Н. Эйдельмана: «Немецкий вулканолог Рек ... в очень древнем слое обнаружил скелет человека, при-

чем, на удивление, человека вполне современного типа (позже выяснилось, что человека похоронили почти на самом верху 8–10 тысяч лет назад, но постепенно он опустился вместе с пластом).

© Hans Reck

Тот кто знаком с историей вопроса, может сам оценить уровень подобных «объяснений» (на фото слева изображен череп одного из скелетов, найденных Гансом Реком в Олдувайском ущелье в 1914 году, его обладатель жил по официальной шкале 1,7 млн. лет назад и изготавливал каменные инструменты, приписываемые обезьяноподобному хомо хабилису);

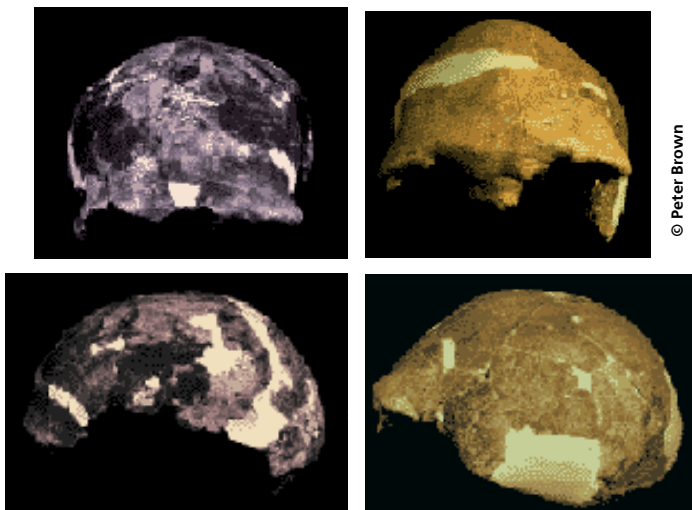
б). По радиоизотопному анализу. Углеродный метод датирования для окаменелостей не подходит, а калий-аргоновым можно измерить только окружающую породу, с которой за гипотетические миллионы лет могли происходить любые процессы, искажающие ее датировку. О датировках разговор отдельный, но в целом ситуация с «миллионами лет» напоминает в сегодняшней исторической науке нечто гротеско-свифтовское, фантастический мир, где все меры, например, были произвольно умножены на сто, а прежние забыты – температура нашего тела, оставаясь 36,6° С, в таком мире считалась бы равной 3660° С, а объем пивной кружки был бы равен 50 литрам. Так и наши измерительные приборы сегодня выдают повсеместно цифры со множеством нулей – но это цифры, а не реальные миллионы лет возраста. Кроме того, сам по себе радиоизотопный анализ – это настолько резиновый метод, что позволяет гнуть результаты измерения практически по настроению исследователя. Все мы прекрасно помним, как череп ER 1470, будучи «лицом гоминидной национальности», но найденный под туфом возрастом 220 млн. лет (что для гоминида нереально с точки зрения эволюции), передатировался до тех пор, пока не обрел пристойный эволюционный возраст в 1,9 млн. лет (из породы выбирались подходящие образцы, так что Кио и Акопьян в данном случае отдыхают. В конце концов череп привязали к сопутствующей фауне (см. ниже), но почувствуйте размах – 220 млн. лет и 1,9 млн.!).

в). По руководящим окаменелостям (сопутствующей фауне). То есть одни находки, имеющие несомненный возраст или вре-

менную привязку, должны свидетельствовать о других. Упрощенно говоря, если мы находим окаменевшего трилобита, то стратиграфический уровень должен быть признан кембрийским. Но здесь и непаханое поле для применения эво-фантазий. Вспомним самое начало истории – Эжена Дюбуа, который нашел черепа сапиенсов и черепную крышку так называемого питекантропа в одном стратиграфическом слое. Что в этом случае являлось для ученого руководящей окаменелостью для определения возраста породы? Правильно. Поэтому Дюбуа скрыл черепа сапиенсов, их костры и орудия труда ради лоббирования своего «древнего обезьяночеловека», не нуждавшегося в современных ему потомках (в итоге «питекантроп» Дюбуа сам оказался человеком). Примеры археолого-палеонтологического «субъективизма и волюнтаризма» можно приводить до бесконечности, но самым ярким продолжает оставаться, пожалуй, приписывание обезьянам хабилисам создание олдувайской культуры, когда каменные рубила людей были «волевым решением», в нарушение здравого смысла и даже с легкой потерей совести – приписаны хабилисам по принципу «пора уже взрослеть, дармоеды, пора уже становиться настоящими людьми!»;

г). **По внешнему виду породы.** Тут тоже никаких трудностей датирования останков не существует, ибо легче не поверить своим глазам, чем допустить присутствие в древней страте «современного» черепа. Здесь работает тот же самый принцип – найти для объяснения аномалии любую, пусть даже абсурдную причину – например, искусственно обработанный шар оказался в древней породе потому, что его обкатали и принесли сюда волны древнего моря. То, что шар состоит из мела, никого в подобном случае уже не интересует, так как важно не выяснение истины, а следование установленным правилам.

Возвращаясь к *частичным пересечениям* эректусов, неандертальцев и сапиенсов, замечу, что тут классический эволюционизм в последние годы значительно сдал свои позиции. Одна часть ученых все еще настаивает на том, что гоминиды претерпевали эволюцию и цепочка развития была более-менее эстафетной. Такая точка зрения сегодня может существовать только при одном условии – если закрыть глаза и заткнуть уши. Например, австралийские останки первых покорителей континента носят явные черты эректусов. Однако, согласно эволюции, Австралия могла быть заселена не

Черепы Mungo-1 (слева) и Kow Swamp-7 (справа)

раньше 30–40 тыс. лет назад и, разумеется, в этом случае могла быть заселена только представителями своего времени, сапиенсами. Каков же выход? Считать, что найденные черепа с чертами эректусов являются аборигенами, нельзя – ведь если даже признать, что эректусы развились когда-то в Австралии независимо от остального мира, то все равно им не от кого происходить – в Австралии никогда не было своих «диких обезьян», все жители континента пришельцы. Признать, что Австралия была заселена эректусами лет этак 200–300 тыс. назад, еще до эректусового вымирания и до появления хомо сапиенс? Ни за что! Рушатся принципы эволюции, рушится вся преемственность от древних недоразвитых эректусов к более современным и прогрессивным, завоевывающим землю сапиенсам. Тогда что? Признать, что эректусы жили 30–40 тыс. лет назад? Да вы что, смеётесь? Только через наш (эволюционистов) труп! Если разные формы живут параллельно сотни тысяч лет без изменений, не превращаясь из одной в другую, то это совсем никуда не годится. Ведь как хорошо было придумано – сначала стартуют южные обезьяны, полуобезьяны, потом полулюди эректусы, потом почти люди неандертальцы и архаичные сапиенсы, а потом уже мы, сапиенсы нынешние. Но теперь, если всю эту компанию признать современниками, то что остаётся от эволюци-

онной цепочки, и кто теперь поверит, что люди произошли от примитивных существ? Кроме того, таксон хомо эректус, будучи признан жившим на земле еще 30 тыс. лет назад, становится абсолютным рекордсменом консервативной человеческой формы – с самого своего появления он не демонстрировал признаков каких-либо эволюционных изменений на протяжении почти двух миллионов лет. Что же делать? Выход, видимо, только один – черепа первых и последующих поселенцев Австралии считать сапиентными, патологически или намеренно, в культовых целях, искаженными, тем более что по объему мозга они соответствуют современным черепам – порядка 1250 см³. А в общем случае желательно бы и всех австралийских аборигенов считать отдельной расой.

Так и поступили. Скелет Mungo-3 (показавший, кстати, по радиодатировке возраст 62 тыс. лет) всем эволюционным соратникам предложено усилием воли считать «более подходящим» по возрасту. Так же серию черепов Kow Swamp, черепа Mungo, Cossack и др., имеющих признанный возраст от 6,5 до 30 тыс. лет, принято считать сапиенсами (!). Если же вам кажется, что они не сапиенсы, а эректусы, не верьте глазам своим...

Правда, не очень ловкая история получилась с древними обитателями Явы. Черепа, найденные там на одном стратиграфическом уровне, но в разных (до 40 км) местах, опознали как безусловных хомо эректусов и датировали возрастом 200 тыс. лет. При последних уточнениях датировок, с применением более надежных методов выяснилось, что черепам не более 46–27 тыс. лет, причем дата 27 тыс. – более вероятная. Эректусы – наши современники? Эволюционная преемственность опять рушится! Что делать? Бросились было «отмотать ситуацию назад», объявить черепа сапиентными, да вот незадача – экспертное заключение уже было сделано и опубликовано до обнаружения «молодости» черепов – то есть, это несомненные эректусы и никто иной. Для яванских черепов не удалось найти никакого пристойного «сапиентного» объяснения, не удалось даже ввести новый «забалтывающий проблему» терминологический вид – ни «хомо эректус эректус» (дважды выпрямленный, видимо, проглотивший аршин), ни «человек яванский» (не совсем человек, но уж зато и не эректус!). Впрочем, для настоящего верующего в эволюцию ученого нет преград. Такой люд продолжает упорно именовать белое черным, а эректуса сапиенсом.

© Smithsonian Institute

Череп *Homo erectus*. Череп Соло-6 (слева) знаменит тем, что имеет возраст 27–46 тыс. лет по эволюционной шкале. Череп Омо-II (справа), имеющий ярко выраженные эректусные черты, был найден вместе с черепом *Homo sapiens*, подтверждая, что эректусы и сапиенсы проживали вместе и в одно время

...Однако же, есть и ученые, кто признает, что все три представителя человеческого семейства жили в одно время. К этому их подталкивает не только честность исследователя, но и факты, против которых возражать уже становится просто неприлично. Эректусы, неандертальцы и сапиенсы могли территориально проживать порознь (хотя в некоторых случаях жили вместе), но современниками все они были несомненными.

Применяя общепринятую временную шкалу (которую справедливо было бы назвать также и временной), позволю себе напомнить даты. Человек современного анатомического вида, ***Homo sapiens***, встречается во всех уровнях геологической колонки, начиная от 4,5 млн. лет назад (фрагмент плечевой кости КР 271) до наших дней, так сказать, в живом виде (слава Богу!). Официальная точка зрения относит его появление к периоду порядка 100 тыс. лет назад.

Другой представитель человеческого семейства, ***Homo erectus*** (которого Л. Вишняцкий по старой памяти называет представителем питекантропин), проживал, судя по сегодняшнему состоянию датировок в палеоантропологии, от 1,9 млн. лет назад до 27 тыс. лет назад (по времени – от «уже вышедших из Африки» обитателей Дманиси и африканских ER 3733 до обитателей побережья реки Соло на Яве). Судя по анатомическим исследованиям и сохранившейся культуре, эректусы в интеллектуальном плане ничем не отличались от других представителей человеческого рода. Географическая специализация эректусов – освоение и заселение на земле условной оси Китай-Австралия. Финальный отрезок жизненного пути этого таксона неизвестен. Не исключено, что малочислен-

ная «народность» хомо эректус не вымерла, а была ассимилирована (растворена) в поколениях ранних сапиенсов и неандертальцев (Некоторые любители экстремальной истории полагают, что снежный человек Юго-Восточной Азии есть никто иной как сохранившийся до наших дней и приспособившийся к высокогорному холодному климату хомо эректус. Однако, такая точка зрения является чисто умозрительной, для ее подтверждения лично я пока не встречал никаких серьезных доказательств). На сегодняшний день палеоантропологи располагают ископаемыми останками порядка 250 индивидов хомо эректус.

Третий член рода людей, *Homo neanderthalensis* (или *Homo sapiens neanderthalensis* как наш подвид) известен современным исследователям как житель периода от 300 тысяч лет назад до 30–35 тыс. лет назад. Название дано по находке 1856 года скелетных останков в долине Неандерталь (Германия). Останки 200 индивидов неандертальцев с тех пор обнаружены в Европе, главным образом во Франции. Считается, что они относятся к последнему периоду существования неандертальцев в истории, то есть ко времени 70–35 тыс. лет назад.

Череп *Homo sapiens* (современный человек), *Homo erectus* (хомо эректус, древний человек, двинувшийся осваивать ось Китай-Австралия) и *Homo neanderthalensis* (неандерталец, древний человек, заселивший Европу во время последнего оледенения). © E.R. Degginger и www.fotolia.com

О том, что **все три члена человеческой семьи проживали** вместе и в одно время, свидетельствуют, например, такие находки, как Омо-I и Омо-II. Два человеческих черепа найдены вместе, но один из них принадлежит «чистому» сапиенсу сегодняшнего типа, а другой носит несомненные эректусные черты. Будь они найдены порознь, палеоантропологи их развели бы по разным видовым рангам и уж, несомненно, по разным временам. Найдены также че-

репа, имеющие смешанные сапиентно-эректусные черты и именуемые в антропологии «человек разумный архаичный». С точки зрения эволюционистов это недоэволюционировавший хомо сапиенс, с точки зрения здравого смысла – это «следы» совместного проживания морфологически разных человеческих представителей. Напомню также и о черепах, носящих смешанные черты современного человека и неандертальца. Так же ярко выраженные следы «неандертальского присутствия», например, носит один из самых древних черепов хомо эректусов – ER 3733. Одним словом, утверждение, что эректусы, неандертальцы и сапиенсы происходили эволюционным путем друг от друга и жили в разные времена – является не более чем желанной эволюционной концепцией, за нудно говоря, не подтверждающейся имеющимися находками.

«...(было проведено сопоставление ДНК из кости неандертальца с ДНК современного человека), однозначно исключаяющих классических неандертальцев из числа наших предков (Krings et al. 1997)».

«Однозначно исключаяющих»? Отнюдь не однозначно, если

Находка возрастом 25 тыс. лет, сделанная в Португалии в 1999 году – останки ребенка, в котором соединились черты неандертальца и сапиенса – массивные кости скелета, свойственные неандертальцу и «современный» подбородок.

вспомнить, что исследования проводились лишь на «обрезках», сохранившихся и доступных для исследования лишь малых частях неандертальского генома. Это заявление похоже на то, например, как если бы один открытый наугад почтовый ящик мы обнаружили пустым и на этом основании объявили пустыми все остальные. Хорошо хоть, не сделали вывод, что газет вообще не существует! С «легкой руки» результатов этого исследования Крингса теперь практически во всей литературе, посвященной неандертальцам,

точка зрения о нашем неродстве преподносится как истина в последней инстанции. Но это прежде всего головная боль для самих эволюционистов. А вот что по поводу анализа ДНК неандертальца говорит биохимик К. Виолован:

«...Мы должны понять, что эти методы очень приближены, дают большой разброс и не отражают главного: накопление мутаций в разных частях генома идет с разной скоростью. ... Вот, например, сравнивали мтДНК одного (!) неандертальца и 1699 людей. Нашли от 22 до 36 отличий. Но у тех же 1699 людей между собой обнаружили 0–24 отличия. Так что же, среди них была пара существ разных видов – с 24 отличиями? [По такому тесту] люди ближе к обезьянам... чем неандертальцы к нам. Опять полет фантазии, кого из кого

От современного человека неандертальца отличали больший объем мозга, массивный скелет, выступающие надглазничные валики и сглаженный подбородок. На фото 1 и 2: реконструкция *BBC NEWS*, на фото 3 и 4: так называемый Гибралтарский мальчик, реконструкция Elisabeth Daynes

выводить. Еще раз повторяю: ни по сходству ДНК, ни по сходству внешнего вида в ОБЩЕМ случае нельзя делать вывод о близости – видовой или временной».

Кроме того, добавлю, что исследование проводилось на основе «материнской» (митохондриальной) ДНК, которая **вообще не показывает отцовский вклад** в дело продолжения рода. ...Но я всё никак не могу привыкнуть к этому эволюционному оптимистическому «размахиванию пашками», столь характерному для всех адептов эвословия и не знающему исключений: «Однозначно включающих неандертальцев...». Цитируемый Л. Вишняцким в начале главы Н. Эйдельман, помнится, говорил 30 лет назад:

«Некоторые расчеты Кенигсвальда вызывают сомнение у специалистов, но в целом вряд ли удастся сильно поколебать «анкету» питекантропов. Их время – 500–700 тысяч лет назад» («Ищу предка»).

Как говорится, составляя прогнозы, всегда лучше лишний раз промолчать... Вот что может ее величество описательная наука.

Вчера были «непоколебимые» 500–700, сегодня уже – 27–40. Страшно даже представить, что будет завтра...

Я разделяю крамольную мысль некоторых современных генетиков о том, что в катастрофические времена ранней истории **изменчивость в популяциях людей** (да и животных, кстати) была **значительно выше, чем сейчас**. Если не привлекать сюда Библию, а опираться исключительно на серьезные научные данные о «митохондриальной Еве» и так называемую гипотезу «Ноева ковчега» (это не шутка!), то некоторое время назад человечество прошло сквозь «бутылочное горлышко» – сократилось настолько, что возродилось с нуля фактически от одной «прародительницы» человечества, «митохондриальной Евы». Эти же расчеты (по скорости мутирования в митохондриальных ДНК) показали, что расселение «возродившегося» человечества произошло из одной географической точки (теория «Ноева ковчега») – понятно, что из

Череп австралийского аборигена Pintubi-1 (XX век)

Африки, ведь там «много диких обезьян» (кстати, по Библии это расселение произошло с территории современной Турции, об этом чуть ниже).

Так или иначе, разошедшиеся по земле представители человечества очень быстро обособились до таких морфологически отличных типов как эректус, неандер и сапиенс. Судя по всему, эректусы с неандертальцами так и не «поднялись» в своем, так сказать, общественно-социальном прогрессе выше уровня нынешних аборигенов, хотя неандертальцы и владели некоторыми технологическими изысками, имели бесспорные этические и эстетические понятия. В качестве примера скажу только, что неандертальцы были знакомы с диатонической музыкальной системой, лишь 40 тысяч эволюционных лет спустя ставшей основой европейской музыки.

Неандертальцы и эректусы, в отличие от осевших в Междуречье и на Аравийском полуострове сапиенсов, поначалу активно осваивали новые безлюдные послепотопные территории, и внезапное похолодание застало их «вдали от дома» – неандерсов в Европе, а эректусов – в Северной Африке, Восточной и Юго-восточной Азии. Для сапиенсов, устроившихся не в пример лучше своих собратьев,

эректусы с неандертальцами, скорее всего, так и остались чем-то вроде нынешних бушменов и пигмеев – «замученных тяжелой долей», вырождающихся аборигенов тех мест, которые «сытый» сапиенс принялся вскорости осваивать, расширяя границы своей нарождающейся молодой технической цивилизации, строя города и имея уже такие «демаркационные» признаки цивилизации, как письменность, металлургия, медицина и т. д. (разумеется, не развитые ими лично, а **сохраненные от предыдущей, погибшей в мировом водном катаклизме, цивилизации «отцов»**). Разумеется, что сапиенсы часто «роднились» с аборигенами, примером чему может служить множество «как бы переходных» черепов. К сегодняшнему дню вся черепная морфология человечества практически «сглажена», и все отличия не превышают расовых вариаций. Впрочем, у австралийских аборигенов, практически не контактировавших с индоевропейцами, еще, кажется, сохранились эректусовые черты – большие надглазничные валики, малый объем мозга (от 700 см³) и слабо выраженный подбородочный выступ (см. фото на стр. 54).

...«Питекантропины, судя по находкам на восточном и западном побережьях оз. Туркана (Рудольф) в Кении (местонахождения Кооби-Фора и Нариокотоме), появились не позднее 1,6–1,7 млн. лет назад (Brown et al. 1985), а возможно и несколько раньше (есть некоторые основания удревнить их до 1,9 млн. лет). Наиболее древних африканских представителей этой формы, отличающихся от остальных некоторыми особенностями строения мозгового и лицевого отделов черепа, иногда выделяют сейчас как *Homo ergaster* (Wood 1992; Walker 1994; Strait et al. 1997), но правомерность такого обозначения оспаривается. Указывается, в частности, что вариативность черепов гоминид возрастом от 1,7 до 0,5 млн. лет не превышает таковой внутри современного человечества, представляющего собой один биологический вид (Kramer 1993). По этой и по ряду других причин некоторые антропологи считают, что выделение в составе питекантропин нового таксона недостаточно обосновано, и предпочитают по-прежнему говорить о едином, хотя и политипическом, виде *H. erectus* (Rightmire 1995: 481)».

Итак, зафиксируем. Один из представителей семейства людей, *Homo erectus*, появился, согласно эволюции, 1,6–1,7 млн. лет назад (или более) в Африке. Будем держать в уме, что **переходных форм от обезьян к человеку мы не нашли**, но лишь условились – если мы принимаем эволюционную модель, то на эту роль со скрипом, за неимением лучшего (с паршивой овцы хоть шерсти клок) можно посадить подежурить и.о. переходной формы, искусственного «кожезаменителя» хомо хабилиса. Разумеется, не имея на это никаких серьезных оснований и доказательств, а из чистой любви к абстрактному моделированию, так как в реальности и сам хабилис, видимо, в декларируемом виде не существовал.

Не будем также спорить здесь о правомерности слияния разных морфологических типов хомо эректусов в единый таксон, ставлю сто против одного, что весьма скоро к *Homo sapiens* и *Homo sapiens*

Реконструкция женского облика человека хомо эректус из Дманиси, выполнена Elisabeth Daynes (слева). Музыка *National Geographic*, слова народные. Создавая портрет, художница приняла как данность эволюционную установку, что обладательница этого черепа пришла в Грузию из Африки. Отсюда следуют темнокожесть и негроидные черты лица. Однако, если расселение людей по земле шло из Азиатско-европейской части, то эта женщина-эректус могла в Африке никогда не бывать и иметь совсем другой облик. Кроме того, черепа из Дманиси принадлежат не к африканскому типу эректусов, а, скорее, азиатскому. Учитывая, что мягкие ткани лица по черепу в точности воссоздать невозможно, я попробовал немного «поиграть» – убрал в реконструкции Elisabeth Daynes наиболее яркие негроидные черты – крылья носа и пухлые губы, а заодно сделал стандартную «подтяжку», избавив лицо от лишних жировых тканей и морщин (в центре). Далее я попытался представить себе эректуса-европейца – полностью избавил лицо женщины от негроидных черт и осветлил кожу – получила вполне современная женщина, чем-то напоминающая скандинавский тип. Действительно, ничего не мешало европейскому хомо эректусу выглядеть именно так (справа). Прошу обратить внимание, что, в отличие от эволюционных реконструкций а ля *National Geographic*, я всего лишь предполагаю, а не выдаю свои варианты за истину в последней инстанции. Я хочу лишь продемонстрировать, насколько любая реконструкция является предметом спекуляции и изначально зависит от позиции, занимаемой тем или иным «реконструктором». Эволюционные «научные» варианты реконструкции таксона хомо эректус смотрите ниже.

neanderthalensis'у прибавится по абсолютному праву родства еще и *Homo sapiens erectus*. Что касается терминологии, то тут сегодня царит полный эволюционный беспредел. Ископаемая южная обезьяна до сих пор носит гордое имя *Homo habilis* – «человек умелый» – за грамотно проведенную семейством Лики боевую операцию по всучению этой безмозглой бестолочи человеческих каменных инструментов (с тем же успехом найденные в море галоши можно было приписать рыбе целаканту – мол, готовилась к выходу на сушу). При всем при том наш брат бедолага хомо эректус до

Современные реконструкции хомо эректуса. Слева – хомо эректус в трактовке Natural History Museum of Florence (Италия). На дворе уже 2004 год, а этим людям – хоть кол на голове теши. В центре: хомо эректус в представлении BBC NEWS. Лично меня всегда умиляет, почему эволюционные «реконструкторы» до сих пор не решили проблему одежды хомо эректусов – ведь они жили и мигрировали в эпоху оледенения. Справа: реконструкция, представленная порталом *Archaeologyinfo.com*. Если трудно отрицать человеческий облик эректуса, то пусть он хоть изобразит нам дикое, «животное» выражение лица!

сих пор носит какую-то позорную кличку, доставшуюся ему от поспешной, «забегистской» классификации. Дело в том, что, рьяно срывая ногти в поисках обезьяночеловека, господин Дюбуа дал это желанное название останкам разумного человеческого существа. Один из тех первых «бродяг», которые до периода последнего оледенения добрались по сухопутному мосту с Ближнего востока на Яву, получил идеологически выдержанное имя «питекантроп эректус», то есть, «обезьяночеловек выпрямленный». Тем самым подчеркивалась не только искомая «переходность» найденного существа, но и его первые «человеческие» потуги в виде попыток прямохождения. В результате дальнейших находок выяснилось, что «питекантроп» был не обезьяночеловеком, а обычным, «нормальным» человеком, владеющим огнем и орудийной культурой.

Тогда систематизаторы не нашли ничего более уместного как переименовать «питекантропа выпрямленного» в «человека выпрямленного», то есть хомо эректуса, что является полной бессмыслицей для характеристики этого таксона, а в русскоязычном варианте иногда даже заставляет самых скромных дам краснеть при обсуждении насущных проблем палеоантропологии. Что же заставляет уважаемого Л. Вишняцкого до сих пор именовать таксон *Homo sapiens erectus* какими-то заскорузлыми «питекантропинами» – ума не приложу. Старая систематика себя изжила уже лет как тридцать.

Вообще, рассуждая о хомо эректусах, Л. Вишняцкий, образно говоря, не может стряхнуть с себя старую пыль эволюционных стереотипов:

«В целом этот вид характеризуется, прежде всего, опережающим развитием посткраниального скелета, который по многим параметрам приближается к современному состоянию».

То есть, налицо вся та же «общеэволюционная» игра в обтекаемые формулировки, эвфемизмы в пользу эволюции. Если мы говорим о скелетах эректусов, то речь прежде всего идет, по-видимому, о скелете WT 15000, который обладая очень «древним» эволюционным возрастом в 1,5 млн. лет, практически ничем не отличается от скелета современного человека (кроме морфологии черепа, разумеется). Как назвать такое антиэволюционное безобразие?

Представьте себе только эту картину. Совершенно буквально в 100 м от этого Турканского человека пробегают его фальшивые, «палёные» предки хабилисы и «предки» самих хабилисов австралопитеки, разбегаются по деревьям, прыгают с ветки на ветку, а Турканский человек смотрит на них и говорит своим друзьям насмешливо: «Сегодня мне приснился сон, что мудрецы будущих времен придумают сказку, будто нас родили не наши матери, а эти обезьяны». Но теперь уже друзья посмеются над ним, ведь все прекрасно помнят предание, что их предки жили в стране, погибшей от большой воды, когда спаслись только прародитель Нуа с женой и трое его сыновей с женами. Так что, друг, не надо тут псевдоисторических баек, скажут ему. Пойди вон, лучше, костер поддержи, если больше заняться нечем.

© Stiven Hespil

Слева: Туркманский хомо эректус WT 15000 при живых обезьяньих «предках» 1,5 млн. лет назад имел уже современное строение скелета. Справа: А в нашем Датском королевстве... Показана ситуация, характерная для сегодняшних россий-

ских музеев и системы образования. Черепная крышка яванского человека хомо эректуса (бывший питекантроп Дюбуа, первый в группе), вдвое моложе Туркманского скелета, но череп «реконструирован», как водится, самым подложным образом, изображая дикое обезьяноподобное существо, якобы переходную форму к джентльменам справа – неандеру и сапиенсу. Меня иногда вообще посещают сомнения – а знают ли наши музейно-кабинетные ученые и эво-педагоги о хомо эректусе вообще?

Итак, как сегодняшним эволюционистам назвать подобное безобразие – что 1,5 млн.-летний человек имеет уже современный скелет (а более фрагментарные находки эректусов вообще имеют общепризнанный возраст 1,7–1,9 млн. лет)? Да очень просто – развитие этого скелета шло опережающими темпами! То бишь, мало того, что сам эректус был «недочеловек», мало того, что безоговорочно «шло» в его бедном организме какое-то развитие, так даже скелет его оказался человеческим как-то преждевременно... Да, говорю я снова и снова, эволюция и эвомыслие – страшная, монолитная, непобедимая (здравым смыслом) сила.

Однако «это еще не всё», и следующая фраза Л. Вишняцкого вгоняет меня в состояние глубокой депрессии:

«Череп изменяется меньше, хотя тенденция к росту объема мозговой полости, отчетливо наметившаяся уже у *H. habilis*, сохраняется».

Итак, «мы пошутили»? Если связь с хабилисами ничем не доказана (как и сами хабилисы), а лишь принята условно, в качестве заполнения дыры в модели, то какое отношение гипотетический рост мозга у обезьяны имеет к мозгу человека? Абсурд. Или это сказано в образном смысле? «Тенденция к моему дневному купанию в реке наметилась уже у проплывающей утром лодки»... Абсурд, абсурд. Вспомним:

«...других вариантов, кроме как выводить позднейших Номо из хабилисов не существует. «Массивные» австралопитеки для этого вряд ли годятся (слишком специализированы, а к тому же почти наверняка сосуществовали с *Nomo erectus*), а других ископаемых подходящего возраста пока просто нет».

Уважаемый автор! Но ведь как минимум 200–300 тыс. лет по эволюционным меркам эректусы (африканские эргастеры) уже проживали на одном пяточке с «фантомными» хабилисами. Даже «лоббируемые» эволюционистами хабилисы не имеют того *подходящего возраста*, чтобы согласно эволюционной модели, хоть как-то серьезно свататься в предки человеку. Если, по Вашим же словам, «*других ископаемых подходящего возраста пока просто нет*», то почему Вы опять за свое? Не проще ли сказать – в эволюцию мы верим всем сердцем, на то у нас есть свои причины, но вот чего у нас нет, так это доказательств.

...И еще вот что. В обычной ситуации, когда нет доказательств для какой-нибудь шаткой теории, еще можно как-то списать их отсутствие на вялые поиски или на то, что сторож, охранявший их, уснул. Но здесь... Когда **так** искали? Когда 140 лет искали изо всех сил, до последнего вздоха, сгребали весь мусор, подделывали рисунки эмбрионов, подпиливали обезьяньи челюсти, зуб свиньи выдавали за обезьяночеловека, и каждую косточку, каждый кусочек окаменелости пытались привязать к обезьяночеловеку... И вот когда **так** искать – и **ничего** не найти? Не кажется ли уважаемому автору и всей уважаемой эво-компании, что тут что-то не так? И даже как-то слишком не так? Не говоря уже о том, что всё это уже просто неприлично?

Впрочем, я согласен на мировую. В конце концов, я уже говорил, что таксон хабилис имеет прямое отношение к человеку – если убрать из него все обезьяньи кости, череп ER 1470 неясного таксономического положения и оставить только настоящие человеческие кости. Корзина с обезьяньими и человеческими костями впоремешку – вот истинно «переходный» таксон!

Итак, мы еще раз убедились, что на любого своего адепта эволюционная парадигма действует гипнотически – стоит даже самым добросовестным аналитикам придти к объективным выводам, как она неминуемо «берет своё». Переходных форм нет, но

развитие мозга эректусов наметилось еще у хабилисов... Логично ли это? Здоровое ли это рассуждение? «Свободная» ли это мысль?

Ну, хорошо. В конце концов, это вопрос веры. Никому не запрещено верить в теорию, построенную в отсутствие фактов лишь на упражнениях гибкого ума... Однако:

«...Наряду с увеличением мозга, на черепе сохраняется много примитивных черт: лобная кость низкая и покатая, с прямо выступающим надглазничным валиком, затылок угловатый, стенки толстые, наибольшая ширина приходится на основание черепа. Для лицевого скелета характерен еще выраженный прогнатизм, нижняя челюсть лишена подбородочного выступа и убегает назад, моляры и премоляры крупнее, чем у современных людей, резцы тоже, а у яванских питекантропов встречается даже диастема».

Эволюционным «загогулинам» можно только поражаться. В одно касание, в одной компании с австралопитеками и хабилисами ее величество эволюция произвела на свет «человека разумного выпрямленного», чтобы потом, в течение почти двух миллионов лет заботливо сохранять его «примитивные» черты, да какие эволюционно значимые – выпуклые брови и гладкий подбородок! Опять и опять неувязка. И опять эта знакомая эволюционная софистика – «примитивные черты». Что значит «примитивные»? Примитивные с точки зрения кого? Чьей? Нашей? Тогда с точки зрения неандертальца и так называемого «кроманьонца» более примитивные существа – лично мы с вами, так как по объему черепа уступаем вышеназванным субъектам. Или примитивное – это менее функционально развитое? Но знающие люди по секрету сказали мне, что не встречали в этом мире ни одного функционально несовершенного органа. Если земноводному существу протее, живущему в подземных пещерах, не нужны глаза, то они атрофируются, но глаз «первого» трилобита был уже «закончен» и совершенен для выполнения именно своей функции. Каждый орган для выполнения своей функции оптимален. Нельзя «упростить» эректуса и получить из него «менее сложного» австралопитека – все части и органы обезьяны для нее оптимальны, а сама он обладает **целостностью**. Не бывает существ с «недоделанной» рукой или «несо-

вершенной, но уже приближающейся к человеческой» походкой – такие существа не живут миллионы лет, передавая свои «уродства» из поколения в поколение, а уничтожаются в первом же поколении в результате того же дарвиновского отбора. Этот ЕО, естественный отбор, надежда и опора эволюции, сразу безоговорочно уберет любые «будущие полезные через миллион лет признаки» вместе с его носителем, мир его праху.

«Первые полмиллиона лет своего существования *H. erectus* провели, по-видимому, почти безвыходно в Африке. Правда, для индонезийских питекантропов докладывались даты и в полтора, и даже в два миллиона лет, но, как и в случае с восточноазиатскими австралопитеками, обоснованность их оставляет желать много лучшего и большинство исследователей встречают сообщения такого рода весьма сдержанно».

Еще бы не сдержанно. Два миллиона лет назад, не успев «развиться из более примитивного существа» (неизвестно какого, но непременно более примитивного) в Африке, сей же секунд оказаться на пути в Австралию? Да вы что, только через наш эволюционный труп! Поймать эмигранта!

Итак, мы приняли возраст возникновения эректусов в Африке как 1,6–1,7 млн. лет назад. Но в 2002 году в грузинском селении Дманиси был найден череп женщины-эректуса возрастом 1,8 млн. лет по общепринятой шкале. То есть, опять прокол. Мало того, что эректус, не успев появиться на свет, уже совершил свой исторический «выход» из Африки, так еще и череп по своему типу относится

© archaeology.org и BBC News

На фото слева: череп хомо эректус D2700 из Дманиси (Грузия), возраст 1,8 млн. лет по эволюционной шкале. Справа – раскопки в Дманиси в 2002 году

не к африканским, а, скорее, к азиатским эректусам. Казалось, не проще ли было предположить, что центром «исхода» была не Африка, а места, находящиеся в районе нынешней Грузии? Но нет, в Грузии эректусу происходить было не от кого.

Рассуждая о первых найденных черепах из Дманиси, Л. Вишняцкий говорит замечательные вещи, явно не без гуманного расчета дать читателю отдохнуть и повеселиться:

«...проникновение наших предков в Европу началось, несомненно, еще в раннем плейстоцене (1,7–0,7 млн. лет), на что указывают находки в соответствующих отложениях обработанных камней и других следов жизнедеятельности гоминид, но это были, скорее всего, спорадические короткие вылазки».

Я и отдохнул, и повеселился... Представьте себе «спорадическую вылазку» из Африки в Европу, да так, чтобы через 1,7–1,8 млн. лет нашлись и останки, и костры, и инструменты этих разведчиков... Где же тогда неисчислимые горы и тонны всех остальных эректусовых останков в Африке, их кострищ и инструментов за почти двухмиллионнолетний период истории? И то ведь, останки 250 эректусовых особей – вот вся наша сегодняшняя коллекция, а мы находим черепа отдельных смельчаков! Нет уж, гораздо более вероятней, что найдены черепа не разведчиков, а «местных», в древности «не захотевших исходить» из этих мест для заселения Африки и Азии. В самом крайнем случае вернувшихся из ближайших районов Азии в родные пенаты. Разумеется, что для эволюции эректусы возрастом 1,8 млн. лет в Грузии, да еще, кажется, не африканского происхождения – ситуация крайне ненормальная.

«Согласно преобладающей сейчас точке зрения **лишь африканские** представители этого вида могут иметь прямое отношение к происхождению людей современного физического типа. Те, кто признает валидность *H. ergaster*, именно его помещают в основание филетической линии, ведущей к *Homo sapiens* (Wood 1994; Strait et al. 1997: fig.11, 12), отводя остальным питекантропам – и азиатским, и африканским – роль боковых побегов на нашем генеалогическом древе».

Согласно регламенту... Ничего не поделаешь, догма есть догма. Но хомо сапиенс от хомо эргастера (эректуса африканского типа), судя по всему, не происходил. Я уже говорил, да и сам уважаемый Л. Вишняцкий знает о том, что эректусы, сапиенсы и неандертальцы **были современниками** и происходить друг от друга никак не могли, а, скорее, ровно наоборот – их просто «разнесло» на столь полиморфный треугольник в условиях быстрых генетических изменений и в изолированных друг от друга группах. Да и вообще, разговоры о том, кто из представителей древней человеческой семьи от кого произошел – это гадания из разряда: от кого произошли мулаты, от негров или от европейцев? Если немного «подправить» официальную модель и «всё пересчитать заново», сделав центром исхода нынешнюю Турцию или Армению (библейский вариант), то у такой точки зрения доказательств окажется не меньше, чем у афро-эволюционной, а все находки выстроятся в цельную непротиворечивую картину.

Интересно, что возраст «неудобных» черепов из Дманиси автор в примечании ставит под сомнение на том основании, что вид у этих эректусов какой-то уж совсем не африканский:

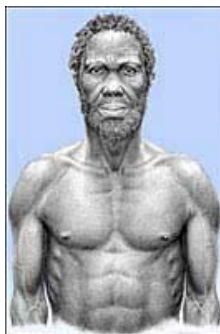
«...вопреки первоначальному выводу о весьма архаичном морфологическом облике челюсти, близком якобы к *H. ergaster* (Gabunia & Vekua 1995), она, скорее, должна сопоставляться с поздними *H. erectus* (Brauer & Schultz 1996), да и датировка явно нуждается в уточнении в сторону омоложения (Bar-Yosef 1994: 228; Dennell & Roebroeks: 539), но все же древность около и даже более 1 млн. лет вполне вероятна».

Повторюсь – уже после написания вышеприведенных строк, в 2002 году был найден еще один дманисский череп D2700, также подтвердивший «эволюционные» 1,8 млн. лет. Если кто не понял, то эволюционистам было бы весьма желательно если уж не вернуть беглецов в Африку, то хотя бы сделать более поздними из нее «выходцами». Прокол, еще прокол. Все меньше и меньше у эволюционной модели концы сходятся с концами.

Есть пословица: «Враг моего врага – мой друг». Повествуя о неправоте тех исследователей, которые отстаивают так называемую «мультирегиональную» теорию, автор невольно входит в некое подобие «политического блока» с... креационистами.

«...некоторые исследователи активно защищают так называемую «мультирегиональную» теорию, согласно которой эволюционное превращение *Homo erectus* в *Homo sapiens* происходило повсеместно, то есть и в Африке, и в Азии, и в Европе, при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями этих регионов, но появляющиеся в последние годы во все большем количестве новые факты свидетельствуют все же, скорее, в пользу иного хода событий. Имеющиеся данные гораздо естественней укладываются в рамки гипотезы (иногда ее называют гипотеза «Ноева ковчега»), предполагающей, что неантропы (люди современного типа. – А. М.) появились сначала в одном регионе (а именно в Африке), откуда распространились впоследствии по всей земле (Lahr 1994; Klein 1995; Lieberman 1995; Stringer 1995)».

Кажется, уже немного теплее. Ну а что, если все-таки не в Африке, а в сегодняшнем азиатско-европейском регионе? Автор никак не может оставить выяснение вопроса – кто из людей был предком друг другу и «изобретает» очередное бесполезное «переходное звено» между эректусами и сапиенсами. Это «переходное звено» – человек, известный в палеоантропологии как «архаичный сапиенс».

© Nature

Полиморфизм (внешнее разнообразие внутри вида) в древности был настолько значителен, что эволюция всё никак не может разобраться с классификацией находок. На фото – новая переходная форма (с объявленным возрастом 160 тыс. лет) меж архаичным человеком и нами, дважды сапиенсами – некто *Homo idaltu*, по-нашему, обычный хомо сапиенс. Как бы там ни было, а ведь мы, сапиенсы, скоро уже совершенно официально с эректусами в истории встречаемся. Не пропустите! Чем этот *idaltu*-сапиенс нравится лично мне, так это тем, что ископаемые находки сапиенсов становятся всё древней, а современный человек ни от кого происходить так и не собирается.

По-русски говоря, это тип сапиенса, несущий в своем облике черты и эректуса, и неандертальца. Разумеется, что никакой переходной формой он быть не мог, а был плодом семейных отношений внутри полиморфного (разнообразного внешне) человеческого рода. Кстати, летом 2003 года был найден очередной представитель «архаичного» человека, удлинивший род хомо сапиенс уже до 160 тыс. лет. Внешне он ничем не отличается от нынешних людей, но наличие некоторых «архаичных» черт было с удовольствием воспринято ученым миром как «легкое несовершенство» – в итоге этот хомо сапиенс не набрал необходимого проходного сапиентного количества баллов и был записан в некие предсапиенсы, недосапиенсы, в странное существо *Homo idaltu* (думаю, что ненадолго).

Говоря о гипотетических предсапиенсах (по-нашему, интернациональной бригаде первых послекатастрофных расселенцев по земле), автор пишет:

...«Возраст большинства перечисленных находок не определен сколько-нибудь точно, но в целом они могут быть размещены в хронологическом диапазоне от 100 до 500 тыс. лет (Smith 1985: 20; Mehlman 1987). Что же касается Европы, то здесь, видимо, вообще все имеющиеся к настоящему времени палеоантропологические материалы, кроме, разумеется, относящихся уже к собственно *Homo sapiens*, следует рассматривать как останки неандерталоидов (Bonis 1986; Hublin 1988)».

И тут же следует эволюционная догма как руководство к действию:

«Правда, археологические следы нижнелейстоценового присутствия людей на нашем континенте, о которых упоминалось выше, не оставляют сомнения в том, что в числе первых европейцев были и *H. erectus*, но их ископаемые кости еще только предстоит найти».

Автор полагает, что следы выхода эректусов из Африки могут быть еще найдены в Европе в некоем достаточном количестве, но если следовать модели расселения людей из Европы, то именно в Европе эректусы как раз должны быть экзотикой. Разой-

дясь по свету, эректусы стали «эректусами» уже «вдали от дома», в результате того, что генетически древние люди были стократно более «отзывчивы» на изменения среды. В конце концов такие изменения могли быть записаны в генетическом коде первых слепопотопных расселенцев как «обязательная программа». Интересно, что дальнейшие запутывающие находки в Европе эволюционным антропологам гарантированы. Находя в будущем еще более древние черепа эректусов, чем в Дманиси, ученые вынуждены будут делать нелегкий выбор – или поступать по принципу *«датировка явно нуждается в уточнении в сторону омоложения»* (Л. Вишняцкий) или еще более удревнять возраст всего прогрессивного человечества (а это совсем нехорошо для идеи происхождения от хабилисов). Разумеется, что не-африканский тип найденных в будущем в Европе эректусов (не-эргастер) без насильственного омоложения находок никак объяснён быть не сможет.

Далее. Отношения неандертальцев и сапиенсов автор видит такими:

«...преобладающей является точка зрения, что Homo sapiens пришли в Европу извне и не ранее 40 тысяч лет назад, а ее исконные обитатели, неандертальцы, скорее всего, не выдержали конкуренции с пришельцами и разделили незавидную участь многих других видов млекопитающих, исчезнувших в конце плейстоцена с лица земли (мамонт, шерстистый носорог и т.д.). Не исключено, правда, что отдельные их группы все же внесли какой-то вклад в генофонд современного человечества, хотя бы в результате ассимиляции их неантропами (Козинцев 1994)».

А была ли конкуренция вообще? Здравый смысл подсказывает, что в подавляющем своем большинстве сапиенсы шли из теплых мест на край ледяного щита Европы не для того, чтобы бороться с неандертальцами за право жить в пещерах. Ко времени появления сапиенсов в Европе у них с неандертальцами должны были явно наметиться разные «социально-экологические ниши». Сапиенсы занимали земли своих дальних родственников, будучи гораздо более цивилизованными колонизаторами, в то время как неандертальцы (да и эректусы на «китайско-австралийской оси»), вероятно, существовали, тратя на выживание последние силы. Впрочем,

хочу подчеркнуть, что разделяя в данном случае общепринятую версию, которая настаивает на более позднем появлении сапиенсов в Европе, я, тем не менее, отвожу всем этим событиям гораздо более сжатые временные сроки, на что есть серьезные причины.

Интересно, что главу об отношениях в семействе людей предваряет выбранная автором цитата из ныне покойного Н. Эйдельмана, сравнивая с которой текст Л. Вишняцкого, понимаешь, так сказать, всю «прогрессивность» современного подхода (к палеоантропологии в частности и к истории в целом) в отличие от приснопамятных большевистских мотиваций:

«Кроманьонец вторгся в охотничьи угодья европейского неандертальца, победил, частично истребил прежних владельцев (вероятно, с какой-то частью породнился, ассимилировал ее). Остальные были обречены на голодную смерть. Однако прошло много веков, если не тысячелетий, прежде чем где-то в глухой, неприступной пещере вымерли последние неандертальцы».

Несомненно, что цитата впечатлила Л. Вишняцкого – сказано уверенно, задорно, с огоньком. Хотя справедливости ради надо сказать, что один этот короткий абзац содержит **пять** необоснованных утверждений (вторгся, победил, истребил, вымирание части неандертальцев связано с голодом, плюс неандертальцы не были ассимилированы полностью, а вымерли как целостный тип «при живых» сапиенсах), **два** предположения, противоречащих смыслу абзаца (сапиенс одновременно и истреблял, и рождался + несколько тысячелетий совместного проживания трудно назвать оккупацией) и **один явный абсурд** – дети «остальных» неандертальцев, не попавших в мясорубку кровавой резни и шумных «интернациональных свадеб», отчего-то еще несколько тысячелетий рождались, будучи «обреченными на голодную смерть». Создается ощущение, что целью сапиенсов было извести неандертальцев любой ценой, а все остальное их просто не волновало. Стоит здесь, однако, отметить, что до сих пор археологи не знают ни одного факта, подтверждающего геноцид неандертальцев со стороны сапиенсов. В Европе есть пещеры, где неандертальцы и сапиенсы проживали «по очереди», при этом полностью отсутствуют следы каких-либо

конфликтов, так же как и следы от орудийных ран на скелетных останках неандертальцев. Есть масса доказательств тому, что сапиенсы и неандеры сосуществовали мирно, так что все эти безапелляционные утверждения – победили, истребили, всех к реке прижали (а ведь нашим детям именно таким манером каждый день промывают мозги на уроках истории) – являются чистой воды вымыслом.

...«Выше говорилось уже вкратце о биомолекулярных методах изучения филогенеза. Особую популярность среди них приобрело в 80-е годы сравнительное изучение митохондриальных ДНК. Как известно, основная масса молекул нуклеиновой кислоты сосредоточена в клеточном ядре, но некоторое количество их имеется и в митохондриях. Считается, что скорость мутирования в ДНК митохондрий выше, чем в ядерных, а кроме того, они наследуются исключительно по материнской линии. Обе эти особенности повышают их ценность для филогенетических исследований. С начала 80-х годов стало появляться все больше работ, в которых сравнивались последовательности нуклеотидов (многокомпонентные звенья цепи нуклеиновых кислот) в митохондриальных ДНК разных групп приматов, в том числе и людей. Было установлено, сначала на небольшом количестве выборок из разных расовых групп, что различия в этих последовательностях у людей очень невелики – гораздо меньше, чем у других видов живых существ. Это было истолковано как свидетельство того, что в эволюционной истории человечества сравнительно недавно имело место явление, называемое генетиками эффектом «бутылочного горлышка».

Ну вот, кажется пришла пора немного и о правоте Библии поговорить. Итак, животного предшественника у человека нет, по крайней мере, науке таковой неизвестен. Это раз. Все современное человечество вышло и расселилось по земле из одной точки. Эволюционисты считают, что этой точкой была рифтовая зона Африки, мы же предположим, что эта точка находилась чуть выше, в районе Араратских гор. Это два. Почему же человечество вышло из одной точки? Потому, что в один момент по неизвестным науке причинам его численность резко сократилась. Мы предположим, что

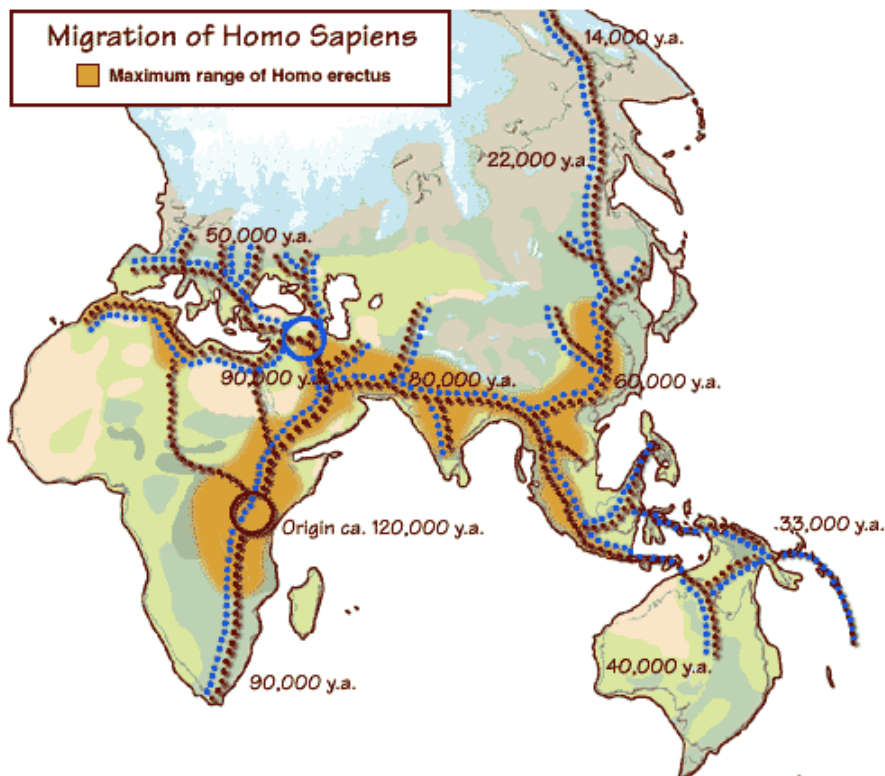

Схема расселения людей по земле. Траектория, обозначенная на схеме красным цветом, показывает общепринятый вариант выхода человека из Африки 120 тыс. лет назад. Синим цветом показана траектория расселения людей согласно модели, соответствующей библейскому рассказу (с центром в районе Араратских гор, на схеме он обозначен синим кружком). Если человечество, согласно новым данным Ann Gibbons, опубликованным в *Science*, прошло через «бутылочное горлышко» 4–8 тыс. лет назад, то общепринятая схема со 120 тыс.-летним возрастом выхода (красная траектория) просто теряет смысл – ведь актуальной теперь будет схема нового расселения, из другой точки и с другими сроками. По: Bruce MacEvoy

до восьми человек: Ноя, трех его сыновей и четырех жен, от которых пошло возрожденное человечество. Это три.

«Суть его («бутылочного горлышка». – А.М.) состоит в том, что, если в какой-то период существования данного вида численность его представителей по тем или иным причинам резко сокращается до размеров небольшой популяции, насчитывающей десятки, или, может быть, даже лишь единицы

особей, и если затем эта популяция каким-то чудом все же не вымирает, а наоборот, растет количественно, что приводит к восстановлению вида, то для последнего очень долго будет характерна весьма низкая степень генетического полиморфизма, близкая к той, какая была у популяции-основателя. Американский генетик У. Браун одним из первых не только обосновал вероятность прохождения человечества через подобное же «бутылочное горлышко», но и попытался рассчитать, какой могла быть древность этого события. Согласно его оценке, оно случилось в промежутке между 360 и 180 тысячами лет назад (Brown 1980). Эта датировка, **во многом зависящая от того, какая величина принимается за скорость мутирования в митохондриальных ДНК**, неоднократно подвергалась сомнению, но результаты предпринятых впоследствии многочисленных новых исследований в целом подтверждают выводы, к которым пришел Браун.

Здесь уместно дать слово специалисту, биохимику К. Виоловану:

«Даже в устаревших данных о скорости мутаций в «женской» митохондриальной ДНК (1 мутация в 6–12 тыс. лет) этот возраст не должен превышать 120 000 (до 6–10 отличий у любых 2 человек, доходящих до 20 отличий в отдельных случаях). Однако новые данные (Ann Gibbons: Calibrating the mitochondrial clock. Science 2 January 1998, 28–29) свидетельствуют о повышенной скорости мутирования мтДНК – 1 мутация в 500–800 лет! Тогда Еве (точнее, женам Сима, Хама и Иафета) **4000–8000 лет!** Вот она, «современная наука» – вчера 800000 лет, сегодня 8000!».

«Таким образом, – продолжает Л. Вишняцкий, – подводя итоги, можно констатировать, что наиболее древние останки *Homo sapiens* происходят из Южной и Восточной Африки (где с наибольшей полнотой представлены и переходные от *H. erectus* к *H. sapiens* формы) и с Ближнего Востока...»

Пропустим в очередной и последний раз эти «переходные формы» между людьми. Я уже упоминал о находке двух черепов из Омо, один из которых принадлежал человеку современного вида, а

другой эректусу. Я понимаю, что эволюционная модель предполагает не только тщательное выяснение родословной человека, но даже непременно **успешное** выяснение этой загадки! Но вот то, что наиболее древние останки *Homo sapiens* происходят и с Ближнего Востока, больше похоже на истинное положение дел. Откуда же им, родимым, еще происходить?

«...а, согласно биомолекулярным данным, все современное человечество ведет свою родословную от весьма мономорфной в генетическом плане и, следовательно, количественно сравнительно небольшой популяции, мигрировавшей некогда из Африки. Точное время этой миграции неизвестно, хотя на основе опять же биомолекулярных данных предполагается, что она произошла в интервале от примерно 90 до примерно 160 тысяч лет назад (Cavalli-Sforza et al. 1989; Stoneking et al. 1992; Goldstein et al. 1995; Horai et al. 1995)».

То есть, те же несколько тысяч лет назад, согласно новым данным *Science*.

«Возможно, эта широкая датировка фиксирует только **период проникновения сапиентных африканских групп на Ближний Восток**, явившийся первым и главным форпостом на пути их продвижения в заселенные гоминидами иных типов пространства Евразии».

Итак, Африка была только колыбелью? Почему для эволюционной модели родиной человечества считается Африка, а не Ближний Восток – в целом понятно. Но отметим сейчас, что плацдармом для броски, для расселения по земле признан все-таки Ближний Восток. Случайно ли эти места совпадают с памятью человечества о бывшем в этих краях **потерянном рае**, с библейским свидетельством о месте **остановки Ноева ковчега** и с **зарождением первой цивилизации** в Междуречье? Наверное, это четыре.

* * *

Следующую часть этих заметок я сознательно отделяю от всего сказанного Л. Вишняцким прежде. Дело в том, что в рассуждениях на тему возможного родства гоминид и человека мы опирались хоть на какие-то, хоть на плохонькие, да факты. У нас в руках были

осязаемые предметы – ископаемые кости и черепа, которые можно было реально «пощупать», измерить, сравнить и уже на основании этого попытаться угадать особенности некоторых отрезков человеческой истории.

Но теперь мы дошли до некоей границы, где нет «осязаемых» предметов, но лишь туманные области, увлекающие своим фантазийным скрытым многообразием, своеобразный эволюционный Диснейленд, классическое, до боли знакомое шоу а ля сказки дя-дюшки Римуса...

Здесь мы, наверное, попрощаемся со здравым смыслом эволюционных участников нашего представления, ибо теперь нет фактов «наших» или «общих» – теперь мы в гостях у эволюционной стороны, на их законной территории, теперь «их неделя»...

...Страшно сказать, но начиная с главы под названием «Антропогенез и различные теории эволюции» создается ощущение, что уважаемого Л. Вишняцкого подменили. В этом убеждает первый же абзац новой, «беспредметной» главы.

«Как явствует из предыдущей главы, палеонтологический материал, будучи расположен в хронологической последовательности, позволяет достаточно хорошо проследить, какие изменения претерпели наши предки на протяжении кайнозойской эры, как маленький насекомоядный зверек, по уровню интеллекта уступавший кошке (да не примут кошки это сравнение себе в обиду), превращался постепенно в крупное всеядное существо со сложнейшим мозгом и совершенно специфическим образом существования».

О, Боже... Что случилось с автором? И что мне делать дальше – ведь есть реальный риск утонуть в этих оксюморонах и «несогласованных» терминах.

«Как явствует из предыдущей главы... материал... позволяет достаточно хорошо проследить, какие изменения претерпели наши предки» – из предыдущей главы это отнюдь не «явствует».

«...Палеонтологический материал, будучи расположен в хронологической последовательности...» – отлично сказано, особенно если заранее выучить наизусть, каковой именно должна быть

эта последовательность и беречь ее от посягательств, как карту сражения от шпионов. Это, извините, не довод, потому что тут крайне важно – кто именно раскладывает. Сергей Головин разложит, я уверен, совсем иначе. Вуд с Коллардом придут и разложат по-своему. Лики с Джохансоном, помнится, всегда боролись, чей расклад более «правильный». Имейте совесть, господа эволюционисты – после всех фокусов с изъятием из оборота «неправильных» черепов, всех этих подлогов, передатировок и травли «диссидентов» (В. Стин-Макинтайр и др.) еще можно, оказывается, всерьез рассуждать о какой-то последовательной хронологической цепочке палеонаходок... Абсурд. Включить бы в эту цепочку все находки, опровергающие эволюционную концепцию – и что бы от этой концепции осталось?

«...Позволяет достаточно хорошо проследить...». Напомню, что в первой части мы с Л. Вишняцким и читателями в качестве предковой формы не смогли подобрать ни одной кандидатуры даже для австралопитеков, сойдясь на том, что о рамидусе ничего не знаем, но обезьяны типа Люси (афарские) могут дать приблизительное представление о том, как такая предковая форма выглядела. Впрочем, тут же и оговорились, что эту гипотезу о возможности афарских обезьян быть напоминанием о вероятном внешнем виде предка еще предстоит проверить временем... Или не проверить... **Мы не нашли начала, а смеем говорить о концах.** Если эта игра называется «достаточно хорошо проследили», то, пожалуйста, дело хозяйское, но какое это отношение имеет к истине? К науке, в конце концов?

«...Какие изменения претерпели наши предки...». Интересно, найдется ли человек на земле, который смог бы привести **хотя бы один реальный пример** подобного изменения – не приспособительного, не микроэволюционного, программно записанного в нашем ДНК, а именно такого МАКРОэволюционного изменения, в результате которого у обезьяны появляется новая конечность – изменения, создающего новые, информационно более сложные формы. Не обольщайтесь, г-н Вишняцкий, таких изменений никогда ни одно из живых существ не «претерпевало». Этого никто никогда не наблюдал, этому нет ни одного доказательства, нет даже ни одной внятной модели такого превращения, ничего нет кроме голых эволюционистских деклараций: «Мы знаем (верим), что было так!».

«...Наши предки на протяжении кайнозойской эры...» – из того же разряда. «Кайнозойская эра» – это условность, модель, умо-зрительный период, определенный в 70 млн. лет исключительно из убеждения, что для эволюции требуются огромные временные сроки. Ни один прибор, ни одно ископаемое, ни один разрез геоло-лонки не определяет количество лет; все цифры являются интер-претацией тех или иных показателей, в данном случае интерпрета-цией сугубо эволюционной.

«...Как маленький насекомоядный зверек...» – фантазия? Вы-мысел? Подлог? Как назвать бодрый рассказ о том, чего никто не видел, не слышал, не имеет на то ни малейшего намека, но только лишь страстно **хочет, чтоб так было?**

«...По уровню интеллекта уступающий кошке (да не примут кошки это сравнение себе в обиду...» – я, кажется, придираюсь к словам, но не могу не отметить самый «легкий» случай в рассмат-риваемом предложении – это всего лишь логическая ошибка. Кош-ке излишне обижаться на то, что у кого-то интеллект ниже (шутка).

«...Превращался постепенно в крупное всеядное существо со сложнейшим мозгом и совершенно специфическим образом суще-ствования» – слов нет, одна музыка сфер... Спасибо, мы уже уви-дели, как он «превращался»...

Гм, гм. Однако, что дальше-то будет? Мы разобрали только пер-вое предложение новой главы, занудно отыскав в нем семь явных непоследовательностей. Такое не снилось ни одному производе-лю и ни одному рекламщику – семь в одном! «Ты молод, смел, не боишься реальности? Собери семь веселых противоречий, и ты сможешь посетить страну, где истина никого не интересует, потому что никто и ни за что здесь не отвечает!».

Если так пойдет дальше, то мы рискуем никогда из этой «стра-ны фантазий» не выбраться. Каким же будет второе предложение? О-о, нет! Только не это!

«Все это – результат эволюции».

Смею утверждать, что ни прежде, ни потом – в тексте Л. Виш-няцкого не было боле удивившей меня фразы, даже его оригиналь-ная, эксклюзивная конструкция «почти всё знаем, хотя не знаем почти ничего».

«Однако, зафиксировать и описать основные вехи эволюционного процесса – еще не значит понять его. Для этого необходимо объяснить, в чем причина имевших место изменений, почему и каким образом они происходили, каков был механизм их осуществления».

Я бы не стал так быстро двигаться вперед, ставя проблемы. Есть проблемы еще и «до этих». Интересно, как можно зафиксировать и описать то, чего не было в действительности? Можно зафиксировать и описать основные вехи процесса гадания по ладони, составления астрологических прогнозов и заговора на богатство – дальнейшие попытки понимания этих процессов их сути уже не изменят. Впрочем, если хотите ставить «второстепенные острые вопросы», дело Ваше.

«Возможно, кому-то покажется, что никакой проблемы здесь нет, поскольку искомое объяснение дает всем известная еще со школьных лет эволюционная теория. На деле, однако, эволюционная теория лишь утверждает сам факт эволюции, или изменчивости органического мира во времени, тогда как относительно механизма этого процесса существуют самые разные, часто несовместимые в рамках единой теории, точки зрения».

Как говорил Черномырдин, «Вы думаете, это далеко просто? Нет, это далеко не просто!». То есть, разумеется, мало просто верить в эволюцию, хотя есть еще такие некритично мыслящие люди, что верят в эволюцию слепо, без всякого анализа. А ведь надо еще знать механизмы этой эволюции! Несмотря на удивление по поводу несколько припозднившегося терминологического ликбеза, выражу все же свое согласие с тем, что эволюционная теория лишь **утверждает сам факт эволюции**. Действительно, в отличие, например, от теории Эйнштейна, теория эволюции ничего не объясняет, а уж тем более не позволяет делать каких-либо прогнозов. С практической точки зрения она также бесполезна – нельзя, например, теорию эволюции каким-нибудь таким хитрым способом использовать в народном хозяйстве (этологию, эволюционные алгоритмы и т. д. не предлагать). Примечательно, но Л. Вишняц-

кий впервые в тексте даёт то, с чего в принципе следовало бы начинать – с определения эволюции как «изменчивости органического мира во времени».

Если рассматривать формулировку автора в строгом смысле, то в принципе от нее через пять секунд не останется камня на камне, ибо во времени изменяется даже неорганический мир. Но не будем сейчас придираться. Думаю, не ошибусь, если предположу, что автор имеет в виду возможность образования, скажем упрощенно, лапы амфибии из плавника рыбы. А в применении к человеку – руки человека из руки древней обезьяны.

«Таким образом, хотя эволюционная теория одна, теорий эволюции несколько, и выбор между ними не прост. Тем более, повторюсь, он не прост, когда речь идет о таком явлении, как эволюция человека».

М-да... Вот так бы в точных, «настоящих» науках... «Хотя теория Эйнштейна одна, теорий относительности несколько, и выбор между ними не прост. Тем более он непрост, когда речь идет о таком явлении, как единство материи, времени и пространства. Вы уже выбрали себе теорию относительности?».

Говоря «безотносительно» к уважаемому Л. Вишняцкому, это называется раздвоение (растроение, расчленение) сознания. Проще – шизофрения (греч. *schizo* – расщепляю и *phren* – ум, мысль). Действительно, лично мне известно семь определений эволюции, но одна меня устраивает, а остальные нет. Пропустим в тексте рассуждения автора о метафоричности энгельсовского определения. Перейдем к рассмотрению собственно «механизмов эволюции».

... «Сейчас во всех течениях биологической мысли, где признается сам факт эволюции или необратимого изменения органических форм во времени, признается и участие в этом процессе естественного отбора. Однако, в разных теориях ему отводится разная роль. Наибольшее значение придают ему сторонники синтетической теории эволюции (СТЭ). ... Согласно СТЭ, естественный отбор, работая как сито, через которое процеживаются особи, а в конечном счете генетический материал, служит главной движущей силой эволюционного процесса».

Итак, естественный отбор, это движущая сила. Сила есть... А где же, так сказать, «ум» эволюции?

«Ситом отбора **управляет** среда, в нем удерживается лишь то, что она **приемлет**. Именно среда – фактор нестабильный, подверженный разного рода изменениям, иногда колебательным, а иногда идущим в одном направлении, **диктует** необходимость эволюционных преобразований и во многом **влияет** на их характер».

Итак, еще раз предупреждаю слабонервных, что мы вступаем в область бессмысленных тавтологий, противоречий, толчений воды в ступе и сомнамбулических хождений по кругу. Просьба пристегнуться и поднять спинки кресел в вертикальное положение. Можно понять уважаемого автора. Он «нутром чувствует», что «эволюция была», и именно в силу того, что этому нет никаких доказательств, пытается донести до нас свою убежденность в виде художественных образов, метафор и семантических изысков.

Согласимся, что прослушанное нами заявление автора об управляющей, диктующей и оценивающей полученное «изделие» среде не выходит пока за рамки какого-нибудь теологического определения, то есть, уважаемый автор предлагает нам для объяснения механизма ЕО некую практически **разумную управляющую силу**, в узких кругах известную под эвфемизмом «среда». Плохо, правда, вяжется управляющий и диктующий характер среды с ее собственной зыбкостью и нестабильностью, ну да ладно.

«Все виды живых существ – от простейших до самых сложных – должны были приспосабливаться к тем условиям, в которых им приходилось существовать, а в случае изменения этих условий – приспосабливаться к новым».

Чем хороша теория эволюции, так это тем, что ее не убивают даже смертельные противоречия. Концы не сходятся с концами. Если эволюцией (в целом) и отбором (в частности) управляет «рука среды», то какие, например, «хабилисообразующие» факторы могли возникнуть у одной из групп австралопитеков, если все они жили в одинаковых условиях? Землетрясения, хищники, радиация? Тогда все эти давления среды – беда общая. Какой бы агрессивной

в течение гипотетического эволюционного периода ни была среда, но она **не была настолько разной для всех**, чтобы так радикально развести жизнь по разным углам. И что самое главное – давлением среды можно объяснить приспособление, адаптацию животных к этой среде, но хоть убей – **давлением среды не объяснить прогрессивный характер эволюции.**

То же противоречие и с естественным отбором. На этом проклятом отборе любой эволюционист буксует, так как само это понятие по определению содержит в себе неразрешимое противоречие. Если отбор носит стабилизирующую, охранительную функцию, то он **не допустит никаких новых признаков**, и в целом **никакой эволюции**, потому что знать о том, какое случайно возникшее мутационное уродство через миллион лет станет «полезным», отбор не может. Но второй вариант «еще хуже». Если мы припишем отбору творческую роль, функции некоего механизма, направляющего и заранее знающего свои конечные цели, то тем самым мы автоматически **вводим в управление эволюцией Бога**, просто под другим именем, видимо, из нашей врожденной скромности.

Так отбор – это всего лишь сито, просто инструмент эволюции, которым управляет среда? Тогда кто или что не дает погибнуть животным, убирая из жизни особей с «неправильными» мутациями, но вместе с тем закрепляет «полезные в будущем признаки»? Похоже, что у «сита» с «управляющей силой» нет согласованности. Ведь если среда гнетёт и «ломает» животных, заставляя их приспосабливаться к новым условиям, то **отбор просто обязан уничтожить на корню все новоприобретенные признаки как нефункциональные.** В советской терминологии это называлось «отсутствие межведомственных связей». Изменить защитную окраску рыбе за несколько поколений – да. Превратить каплю слизи в глаз – нет, так как естественный отбор просто не имеет права терпеть в течение миллионов лет передаваемый по наследству, абсолютно «пока еще» нефункциональный «недоглаз». Прошу обратить внимание, что эту путаницу в выяснение механизмов эволюции через сито-отбор, которым управляет некая сила в виде окружающей среды, вношу не я.

«Единственное же существенное отличие эволюции гоминид от эволюции других групп организмов заключается, веро-

ятно, в том, что нашим предкам приходилось приспосабливаться не только, а с известного момента и не столько к естественной среде, сколько **к среде искусственной**, которая сама **возникла и развивалась как средство адаптации**. Эта искусственная среда, к которой специализирован наш вид, называется культурой, и именно ей человек обязан своим существованием. Крупный и сложный мозг, способные к многообразным манипуляциям верхние конечности и ряд других, свойственных только людям анатомических признаков – все это результат действия отбора в направлении, **диктовавшемся культурой** (см. напр.: Hiernaux 1981), которая, таким образом, будучи созданием человека, была в то же время и его **«творцом»**.

Ну, вот мы и пришли к «порочному кругу» в доказательстве. Выехали на ослике на цирковой манеж, и теперь можно кататься по кругу, сколько душа захочет. *Circulus in demonstrando*, господа, круговое доказательство, принятие доказываемого за уже доказанное. Судя по приведенному выше отрывку, барону Мюнхгаузену все-таки удалось вытащить себя за волосы из болота. Ведь чем больше он погружался в болото, тем с большей силой болото его выталкивало вверх. Они с болотом взаимно «дополняли» друг друга, взаимно работали на спасение. На последнем этапе Мюнхгаузену осталось только чуть-чуть поддержнуть себя вверх за волосы и – победа!

Примечательное, парадоксальное рассуждение – наши предки стали людьми потому, что им, в силу общей традиции приспосабливаться к среде, пришлось приспосабливаться к культуре. Со временем эта культура заменила давление среды и сама вместо нее стала диктовать «ситу» отбора свои условия – каким должен быть мозг человека, какая морфология... А откуда взялась эта культура? Так я ж говорю, человек ее и создал! И ему пришлось к ней приспосабливаться! Человек создал культуру, и эта культура создала человека. Папа Карло создал Буратино, и Буратино сделал из него столяра – научил пользоваться пилой и рубанком. Художник нарисовал картину, и эта картина развила его эстетические чувства... Обидно, конечно, но иначе нельзя – без привлечения какого-либо «творца» со стороны схема вообще не работает...

...Итак, естественный отбор по Л. Вишняцкому – не какая-либо сила ли механизм, а исключительно процесс, действие, которым уп-

равляет некая **вышестоящая управляющая сила**. Для природы в целом такой силой автор считает среду, для человека – культуру. То есть, автор попадает в традиционную ловушку всех эволюционистов – пытаюсь «замять» стабилизирующую функцию отбора (не допускающего эволюции) и считая его всего лишь неким инструментом, ситом, автор в любом случае вынужден вводить в свою схему Начальника этого сита, силу, управляющую восходящим эволюционным процессом. Как ни крути, а «случайной», «слепой» эволюции ни у одного эволюциониста **никогда не получается**.

Перечисление других теорий эволюции к сказанному почти ничего не прибавляет, кроме одного примечательного варианта:

«Не исключено, что одним из наиболее значительных и трудно усваиваемых «ингредиентов», которые синтетической теории предстоит «переварить» уже в ближайшем будущем, станет явление **направленного мутирования**. Эта тема все активней обсуждается сейчас в биологической литературе (Красилов 1986: 64–73; Sarkar 1991; Lenski, Mittler, 1993; Jablonka & Lamb 1995; Jablonka & Szathmary 1995), и, если существование направленных – в адаптивном смысле – мутаций будет доказано, то придется пересмотреть один из основных постулатов СТЭ – тезис об исключительно случайном характере наследственной изменчивости. Такой пересмотр, в свою очередь, повлечет ряд других изменений в господствующей теории (Jablonka & Lamb 1995:287), но вряд ли приведет к ее падению. Скорее, это лишь увеличит ее объяснительную силу. Однако, если даже существование направленной изменчивости не подтвердится, это ни в коем случае не будет означать, что эволюция вообще лишена направленности».

Направленность-то она направленность, **да вот Кто же ее направил?** Неужели эволюция всерьез полагает, что у какого-либо направленного явления не может быть направляющей программы, а запрограммировать может только Программист? Где начало этой направленности? Л. Вишняцкий пишет в примечании к этим рассуждениям:

... «Иногда в подобных воззрениях присутствует и даже преобладает тенденция рассматривать в качестве основной

причины эволюции некую непознанную или непознаваемую, внутреннюю или внешнюю по отношению к организмам силу, ведущую их по пути все большего совершенствования, но доказать наличие, а тем более объяснить природу такой силы, практически, невозможно, и главным аргументом в пользу ее существования неизменно служат не столько позитивные доводы, сколько ссылки на те или иные слабые места в теории селектогенеза».

С этим абзацем, нарочито, кажется, убранным из «научного» текста в примечания, я полностью согласен. Но скажу, что и нелепые выдумки о неких факторах, задающих эволюции прогрессивное направление, ничуть не лучше и не научнее. Ни проверить, ни опровергнуть эти умозрительные гипотезы невозможно, и годятся они только для единоверцев.

Итак, что же придает эволюции прогрессивный характер?

«...Эволюционирующая система всегда имеет в перспективе какой-то более или менее широкий спектр возможных направлений развития, и выбор одного из них зависит как от состояния самой системы (внутренние факторы), так и от характера требований среды (внешние факторы)».

Замечательно. Ну, коль по второму кругу, так по второму. Пытаясь объяснить механизм эволюции, мы объясняем его на примере того, как ведут себя... эволюционирующие системы.

«Внутренние факторы, или, как писал Дарвин, «природа той организации, которая подвергается влиянию», лишь канализируют, то есть вводят в определенное русло процесс эволюционных преобразований, а не предопределяют их абсолютно жестко и однозначно».

Но что же все-таки управляет этим процессом? Почему эти внутренние факторы упорядочивают процесс преобразований? Им что, кем-то предписано этот процесс «канализировать»? Или это происходит исключительно в силу дарвиновского определения о такой их уникальной возможности? Внутренние факторы канали-

зируют процесс только потому, что могут его канализировать. А могут и не канализировать. Но раз уж можно, то, чего уж там, канализируют.

«Вместе с тем, степень предопределенности может со временем возрастать. Сколь бы ни было широко «русло» возможных преобразований, оно все же имеет свои «берега», которые, по мере движения эволюционного процесса от «истока» к «устью», скорее всего, не расширяются, как берега реки, а, напротив, сужаются».

Так вот, господа неверующие в эволюцию, зарубите себе на носу и больше не задавайте глупых вопросов, почему эволюция носит прогрессивный характер. Потому что степень предопределенности может со временем возрастать. Всё-таки почему? Да потому что она обладает такой возможностью!

Гм, гм. Я сам, так сказать, литератор, но мне никогда не пришло бы в голову из сравнения, призванного именно своей реальностью проиллюстрировать мою абстрактную мысль, делать такую отбивную котлету, «сказку на ночь». «Это река, которая от истока к устью сужается». Нет, каково, а? Говорите лучше прямо – эволюция, это река, но не обычная, а такая, что течет в гору! Эволюция, это камень, который не падает на землю, а летит вверх, к облакам. Эволюция, это стакан холодной воды, который при комнатной температуре нагревается до кипения.

Что, не верите, что камень летит, а вода нагревается? Так ведь это всё не сразу, а постепенно и с вариантами... Все равно не верите? А вы попробуйте себе это представить... Как в кино, например. Представили? Вот так оно и было!

«Иначе говоря, можно думать, что направленность эволюции становится все более и более выраженной в том смысле, что с повышением сложности и уровня организации эволюционирующей системы...»

Видите, как оно всё хорошо складывается... Вот уже и уровень сложности системы повысился. А вы говорите, оно само не может. Может! Еще как может!

«...происходит сужение спектра возможных и действительных осуществляемых направлений ее дальнейшего развития.

Представим себе условную группу организмов, находящихся еще на стадии, скажем, протобионтов (доклеточных), то есть на самой начальной ступени эволюции живого. Спектр потенциально доступных путей дальнейшего развития здесь огромен (хотя и не безграничен, вследствие наличия запретов, проистекающих, например, из ограничений в изменениях биохимических элементов и структур (Голдовский 1974)), как минимум он включает все известные царства живой природы с их представителями. Для групп организмов, находящихся на все более и более высоких ступеньках эволюционной лестницы, спектр возможных направлений дальнейшего развития будет все более и более сужаться, уже хотя бы в силу необратимости эволюции, а главное – в силу того, что при усложнении биологической системы, сопровождаемом ростом числа признаков, количество разрешенных их комбинаций растет медленнее, чем количество комбинаций запрещенных (Заварзин 1969: 35). Любое новое эволюционное приобретение, таким образом, в какой-то мере ограничивает дальнейшее развитие, одни его варианты делая более вероятными, а другие отсекая. Чем больше таких приобретений, тем больше и ограничений».

Конечно, это софистика чистейшей воды, тот же некорректный подход, когда мы рассуждаем, уже зная случившееся, «после футбола». А что будет, если убрать всех наблюдателей, способных оценивать процесс с нашей точки зрения? То есть представить себе систему если и не изначально «мертвой» (каковой она в действительности изначально и была), а «просто» **ничем и никем не управляемой**. Кто знает, кому и что там надо будет делать, ау? Грубо говоря, какая сила должна «дать пинка» протобионту, чтобы тот «не залеживался», а эволюционировал? Откуда вектор? Кто разрешит, запретит и сосчитает комбинации, оценит процесс, который сам о себе ничего не знает? Иными словами, тот же вопрос – «за каким чертом вы потащили меня в обход?», то есть с какой стати протобионту нужно эволюционировать, и какими силами вся система будет именно усложняться, а не распадаться? Потому что коммунизм неизбежен, а

эволюция необратима? Здорово, надо сказать, устроились.

Хочу обратить внимание, что все «художественные» примеры эволюционистов, призванные самым сердечным образом проиллюстрировать сказанное, обладают одним общим (характерным для них для всех) свойством, выражаемым строкой поэта-песенника Вознесенского: «Мы дети полдорог, нам имя полдорожье». Дело в том, что ни один из эволюционных примеров не может быть приведен с «нулевой точки», но всегда ситуация берется с «полдороги», с середины пути, когда система находится уже в достаточно «готовом» виде. Кроме того, эволюционисты **без всякого исключения** вынуждены вводить в свои построения или некую начальную силу («мальчик пробежал, толкнул шар – так началась и Вселенная») или силу, управляющую процессом («живая природа», «среда, управляющая ситом отбора»), то есть, по сути того же Бога, но под другим именем. Эволюционисты, так сказать, прекрасно понимают, что любая неупорядоченная система сама по себе будет распадаться, но **упорядочивающий фактор придумать не могут**.

«Для обозначения рассматриваемого явления необходим специальный термин. В качестве такового можно использовать, например, встречающееся в литературе понятие «спектр эволюционных потенций» (Иорданский 1994: 102) и говорить о сужении этого спектра в ходе эволюции жизни.

... Описанный процесс имеет множество аналогий в областях далеких от биологической эволюции. Его можно сравнить, например, с шахматной партией. Как известно, число возможных вариантов игры, практически, безгранично. Однако каждый сделанный ход подталкивает развитие событий на доске в определенном направлении. Разыграв королевский гамбит, вы уже вряд ли получите в дебюте позицию, характерную, скажем, для сицилианской защиты. Чем дальше идет партия, тем больше сокращается число возможных в ней вариантов игры, а наиболее точных, подчас просто единственных, ходов требует от соперников, как правило, эндшпиль».

И опять мимо. В случае с шахматами очередную комбинацию применяют не сами фигуры, а личность, Разумный Шахматист, роль которого можно уподобить божественному управлению природой. В данном случае не имеет значения, что шахматистов двое

– можно привести пример хоть с целой хоккейной командой и шайбой, которая «сама» повышает свои шансы попасть в ворота.

«Если сужение спектра возможных направлений развития действительно происходит по мере усложнения эволюционирующей системы, то следует ожидать, что для тех филумов, эволюционная история которых достаточно хорошо изучена, будет наблюдаться наступающая после первичной адаптивной радиации тенденция к сокращению таксономического разнообразия. Палеонтологические данные, имеющиеся для ряда групп высокого ранга (отряды, семейства), занимающих разные экологические ниши (морские беспозвоночные, наземные млекопитающие), подтверждают эти ожидания. Кладогаммы, построенные для таких групп, имеют, как правило, максимальное расширение в нижней, «придонной» части, то есть наибольшее разнообразие приходится на ранние этапы истории высокоранговых таксонов, а затем начинается его сокращение (Gould et al. 1987)».

И опять пример «предсказания задним числом», когда подходящий тебе результат уже тщательно выбран. Карл Поппер, кстати, именно для таких случаев и вводил критерий фальсифицируемости, советуя поменьше обращать внимания на притянутые за уши «доказательства». Меня интересует вот что. Если это – наука, то нельзя ли **в память о принципе воспроизводимости научного эксперимента** вместо поиска аналогий воспроизвести искомое «затухание спектра эволюционных потенциалов» хотя бы один раз? А что касается сужения спектра эволюционных потенциалов вообще, то меня терзает какое-то смутное подозрение – а не ведут ли такие «благоприятные» ограничения уже изначально к затуханию, **свертыванию всего эволюционного процесса** как такового? Было сто дорог, стало три. Было три, стала одна. Была одна, а стало... Впрочем, у автора тоже нервы вскоре не выдерживают и он, как завязтый пантеист, срывается на «гипотезу Бога»:

«...Все известные типы организмов ... сформировались уже к началу либо в начале фанерозоя ... когда **живая природа методом проб нащупала** наиболее эффективные ... пути развития...».

Живая природа! Зачем еще искать какую-то управляющую силу? Поставим лучше идола, разожжем костер, попрыгаем, с девушками хороводы поведем...

«...Наименьшая канализированность хода эволюции была характерна для ее самых ранних этапов, когда не был еще накоплен большой груз внутренних потенций, и инерция прошлого сравнительно мало влияла на выбор пути в будущем».

Интересно, что, увлекшись «канализированием» на примере ранних этапов жизни, Л. Вишняцкий неосмотрительно опирается на то, что само по себе является проблемой для теории эволюции, тем самым порождая очередное, «дежурное» эволюционное противоречие. Дело в том, что существование богатых и разнообразных форм «кембрийского взрыва» подразумевает безусловное наличие в предшествующем отрезке времени бесчисленного количества форм, сформировавших, собственно, всё это кембрийское буйство и разнообразие. Тот факт, что в нижележащих слоях отсутствуют какие-либо следы предшественников – головная боль эволюции, поэтому, приводя подобные примеры, не мешало бы для начала объяснить возникновение этого «спектра возможных дальнейших направлений эволюции», а не традиционно брать его с полдороги. Опять же, согласно эволюционизму, одна примитивная форма дает начало целой ветви своих «прогрессирующих» вариантов, имея на выходе гораздо большее разнообразие, что тоже вступает в очевидное противоречие с приводимыми Л. Вишняцким (со ссылками на Иорданского и Гулда) примерами. Да и, собственно, что касается ранних форм – уверены ли эволюционисты, что подобное изначальное их разнообразие, готовое к «уменьшению количества вариантов», было вызвано расписанными здесь эволюционными сценариями, а не какой-либо единой глобальной катастрофой, уничтожившей все «потенции» без разбору и оставившей нам лишь музейную «витрину» ушедшего мира?

...Но теперь я, по крайней мере, знаю, что какой-нибудь авиарейс «Москва-Хабаровск» может проходить без участия пилотов. Да, для управления самолетом летчики не нужны. Не будем отвлекаться на частности типа невозможности взлёта, возьмем ситуа-

цию с середины, как это принято в эволюгии. Итак, самолет уже летит из Москвы в Хабаровск, кабина пилотов пуста, стюардессы разносят по салону напитки, пассажиры лениво дремлют. Долетит ли этот самолет именно до Хабаровска?

Хм, вы еще спрашиваете... А что ему будет? Если уж он смог взлететь сам (это было не обязательное условие, а только возможность, которую самолет и использовал), то почему он не сможет лететь дальше? Смотрите, сначала впереди (и вокруг) огромное количество самых разнообразных городов, каковое количество будет сокращаться по мере продвижения лайнера вперед. Самолет мог бы сначала полететь в Стокгольм, Харьков, Эль-Кувейт, но, случайно полетев в направлении Дальнего Востока, канализировал свой маршрут. Теперь он мог бы лететь в Сургут, Талды-Курган и Новокузнецк, но по мере дальнейшего продвижения, учитывая необратимость маршрута, отпали и эти варианты. Дальше совсем просто. Спектр потенций сократился в конце концов настолько, что из двух оставшихся городов, Хабаровска и Йокагамы, наш лайнер приземлился именно в Хабаровске. Вы скажете, случайность? Да, может быть, и случайность... Но и эволюционная предрасположенность присутствует тоже!

...Впрочем, если говорить чуть серьезнее, то идея *сужения потенций выбора* для нашего гипотетического самолета будет, действительно, «работать», и она выразится вот в чём – самолет, имеющий изначальную возможность упасть на сто городов, упадет только на один, причем первый же, ближайший. Понимает ли автор, что сами по себе возможные варианты – пустой звук, но всё дело в механизме их реализации, «направляющей руке», которую мы в эволюционном варианте так до сих пор и не смогли лицезреть?

И то. Далее мы узнаём, что проблему «векторизованности развития» автор считает менее важной, чем проблему эволюционной предопределенности как таковой:

... «Так обстоит дело с первым из двух выделенных выше аспектов проблемы направленности эволюции. Он, однако, гораздо менее важен для нашей главной темы, чем второй аспект. Ведь та направленность, о которой речь шла до сих пор, объясняет лишь векторизованность развития в конкретных

филогенетических линиях, безотносительно к тому, каковы итоги этого развития».

Ну да ладно. Как говорится, нам не привыкать к тому, как главные проблемы эволюционизма легким движением руки превращаются в элегантные второстепенные аспекты. Сдается мне, однако, что если мы не выяснили, кто и как извлекает из флейты ноту до (не говоря уже откуда взялась сама флейта), то вряд ли мы объясним и происхождение мелодии. Однако ж перейдем к «более важному аспекту».

«По-прежнему неясно, можно ли говорить о **предрасположенности эволюции** к созданию каких-то определенных форм организации живой материи. Считать ли, в частности, возникновение человека результатом игры слепого случая, осуществлением одной из множества примерно равновероятных возможностей, или, напротив, проявлением некоей **общей тенденции** в эволюции живого, следствием ее **объективной устремленности** к созиданию сознания и разума?».

«Спрошено», надо сказать, несколько лукаво, поскольку любой эволюционист уже знает ответ на этот вопрос. Да, именно *предрасположенность* и *объективная устремленность*, но при одном непременном условии – «оно всё само», без Бога. Судя по дальнейшим упорным усилиям Л. Вишняцкого «сделать из шимпанзе человека», я наверняка не ошибусь, если предположу, что и он для себя уже на этот вопрос ответил.

... «С самого момента своего возникновения жизнь на Земле должна была приспосабливаться к внешним условиям существования. Эти условия в силу нестабильности абиотических (т.е. связанных с неживой природой) факторов и нарастающей экспансии самой жизни (размножение организмов, появление все новых и новых их разновидностей) постоянно менялись».

У меня такое ощущение, что я это уже где-то слышал... Жизнь должна была приспосабливаться к условиям, которые сама же и

создавала. То есть, жизнь изменялась потому, что была вынуждена приспособливаться к условиям, которые появлялись в результате изменения жизни. Мюнхгаузен никогда не утонул бы в таком болоте.

«Изменения среды влекли за собой изменения связанных с ней форм живого, а поскольку последние сами являются одной из составляющих среды, то это, по принципу обратной связи, делало неизбежными дальнейшие преобразования».

То есть, опять тот же порочный круг в действии. У попа была собака... Да простит меня автор за невнимательность, но мы – что? – говорим уже о *более важном аспекте*, или всё еще о векторах?

«Вечный двигатель» эволюции, известный в биологической литературе под названием закона Красной королевы (той, которая должна была «бежать, чтобы оставаться на месте» в своей Стране Чудес), появился вместе с жизнью и работал без перебоев».

А вечному двигателю и законы термодинамики нипочем. Не надо нам вашего Бога, у нас есть Вечный Двигатель. Увы, увy. Как ни вводи новые термины, проблемы это не решает. Курица снесла яйцо потому, что из куриных яиц рождаются куры. В таких случаях логика эволюционизма проста и стара как мир – если невозможно что-либо объяснить, то надо дать этому явлению наукообразное или «отвлекающее» имя: «флуктуации», «хомо хабилис», «спектр потенциалов», «закон Красной королевы». Сразу создается ощущение, что явление можно едва ли не пощупать руками. Простое **описание процесса** у эволюциониста отчего-то равно объяснению его происхождения. Попробуйте теперь спросить, какая сила направляла эволюцию – любой ее адепт вправе удивиться вашему невежеству. Ведь вам уже представили «модель» этого процесса! Чего ж вам еще?

«Среда, однако, не просто менялась – она усложнялась. Экспансия жизни, нарастание плотности ее физической массы требовали освоения все новых экологических ниш, новые

виды должны были приспосабливаться ко все более сложным и разнообразным условиям. Таким образом, обратная связь осуществлялась и здесь: усложнение среды вело к усложнению организмов и их сообществ и наоборот. Вследствие этого неизбежно росла экологическая пластичность жизни, естественный отбор благоприятствовал формам, которые, благодаря особенностям их морфологии, физиологии и поведения имели сравнительно больший запас прочности, были надежнее застрахованы от разного рода неприятных сюрпризов, связанных с изменениями условий существования. Такие формы не только получали больше шансов на выживание, они – и это, пожалуй, главное – платили за него меньшую цену, их существование (идет ли речь о популяции, подвиде или виде) обеспечивалось меньшим числом смертей отдельных особей. Все более выраженной становилась, таким образом, объективная устремленность живого к самосохранению и, как следствие этого, к автономизации, усилению независимости от среды – источника непредвиденного».

Нет, я точно это сегодня уже где-то слышал. Но опять перед нами лишь описание некоего процесса, выдаваемое за его **объяснение**. Невозможность события здесь просто изощренно маскируется: «А лягушка раздувалась всё больше и больше, и росла, росла – и вследствие этого неизбежно росла степень ее превращения в царевну!». Повторяю еще раз – это не объяснение, это описание! Оно не несет в себе никакой новой информации, кроме «дерево упало потому, что однажды упало». Усложняющаяся среда – терминологическая бессмыслица. Жизнь существует на всех средовых уровнях, от подземных и океанических глубин до Австралии с ее огромной вакантностью экологических ниш. Описанный автором процесс самодостаточен и тавтологичен. Естественный отбор благоприятствовал наиболее приспособленным, то есть тем, кто не умер в результате отбора. Чтобы не примкнуть к числу тех, кто умер, они вынуждены были выживать. Так можно описать практически всё. Обнаружив, к примеру, слона с крыльями, можно таким же замечательным образом «объяснить», как эти крылья у слона появились. Вроде того, что такой слон получил больше шансов на выживание и платил за это меньшую цену.

«Рассуждая таким образом, логично сделать вывод, что **направленность эволюции** присуща не только конкретным, отдельно взятым линиям развития органического мира, где она обуславливается прогрессирующим сужением филогенетической нормы реакции, но и **живой природе** в целом. **Живое естественным образом предрасположено** к самосохранению, а единственная гарантия такового – повышение устойчивости против разного рода негативных внешних воздействий. Поэтому развитие в сторону автономизации от среды может рассматриваться как стратегия жизни, как «магистральное» (хотя и не единственное) направление эволюции форм живого».

No comments. «Логично сделать вывод» – это сильный ход, особенно если учитывать, что выводы нам предлагается сделать из словесных высокохудожественных попыток замаскировать проблему. В итоге мы сталкиваемся лишь с «сердечным убеждением» автора, своеобразной религиозной верой, где вся логика сводится к декларации «так было угодно Эволюции». «Рассуждая таким образом», выводим, что не только у отдельных процессов, но и у природы в целом есть совершенно конкретный **Управитель**, которого мы из скромности именуем не Богом, а Управляющей Средой, Общей Тенденцией к эволюции и Живой Природой, направляющей эволюцию по восходящей линии вверх (в нарушение законов термодинамики заставляющей реку течь в гору, а систему усложняться). Этот абстрактный и обезличенный Управитель **запрограммировал генеральную стратегию развития** – стремление любого существа к сохранению жизни (что логично, так как червяк или рыба себя не осознают) и постепенное развитие жизни в сторону освобождения от «случайностей» среды к созданию среды собственной, то есть разума и культуры. Всё. Можно идти за топором и начинать рубить идолов.

А. Москвитин, автор работы «Теория эволюции в теологическом аспекте», говорит по этому поводу:

«Теория, не могущая обойтись без Создателя, но всячески это скрывающая, отрицающая свое родство с религиозными воззрениями, может быть названа только **ересью** в изначальном смысле этого слова. Таким образом теория эволю-

ции в той ее части, которая описывает возникновение новых видов, а не репродуктивно изолированных популяций, есть еретическое религиозное учение».

Но Л. Вишняцкий продолжает в том же ключе:

*...«Поскольку же усложнение эволюционирующих систем влечет за собой нарастание направленности их дальнейшей эволюции, то **устремленность живой природы к созиданию сознания и разума** становится все более определенной. Ее можно рассматривать как главную тенденцию в истории органического мира, тенденцию, в рамках которой **жизнь нашла** наиболее радикальное средство автономизации от среды и наиболее эффективный способ самосохранения».*

Итак, Бог есть, только называется он по-другому.

И все бы хорошо, но беда в том, что уважаемый Л. Вишняцкий попадает здесь в старую добрую ловушку всех эвословов – человекоцентризм (антропоцентризм), когда собственные желания и представления о природе приписываются и самой этой природе как ее собственные «желания» и «цели», то есть, образно говоря, опять вводится сторонний наблюдатель, по сути некий бог, который смотрит и знает, как надо «правильно играть в футбол». С сожалением вынужден предположить, что без участия уважаемого Л. Вишняцкого та «жизнь», которую нарисовал нам автор, и та «живая природа» – вряд ли сами догадываются о каких-либо своих «устремленностях».

Далее следуют примеры «человекополезности», которой добрые люди наделили мать-природу:

«...Для жизни хорошо (прогрессивно) то, что способствует борьбе со смертью и, соответственно, утверждению самой жизни».

С точки зрения, извините, кого? Для выживания лисы хорошо (прогрессивно) перерезать всех кур в деревне, но что-то мне подсказывает, что для более эффективного «утверждения жизни» деревенским мужикам срочно нужно чью-то «прогрессивность» пре-

сечь на корню, не так ли? Кто прогрессивней – убегающий заяц или догоняющий волк? По этой логике бактерии галофилы прогрессивней человека, так как приспособлены гораздо лучше нас – выживают в жерлах действующих вулканов и в арктических льдах. Кого мы ставим в центр, что определяем как «жизнь»? Без каких-либо **знаний о сути управляющей силы, без определения ее в этических категориях и без понимания нашего места в процессе жизни на земле** мы никогда не выберемся из этого болота абстракций, а все наши эксклюзивные представления о жизни и полезности будут лишь источником разногласий и раздоров.

«... Весьма четкую формулировку дает, например, Н.Н.Моисеев, по мнению которого возникновение разумных форм жизни **«диктуется всей логикой развития живой материи»** (Моисеев 1982:113)».

Чем же заменить Бога? Чем Бога заменить-то? Ищем, ищем. Голосу сломали, но ничего не получается. Если – спрашиваю я, – у случайного процесса есть логика, диктующая материи необходимость развития, то чем, простите, эта «модель» отличается от управления Разумной личностью? Процесс, имеющий логическую последовательность, не может быть случайным, кроме того, у процесса не может быть логики развития без осознания предыдущего результата, а это опять же под силу только Разумной личности. Прокол за проколом. Тавтологии, порочные круги, цирковые манежи...

«...А французский генетик Ф.Л'Эритель рискнул даже утверждать, что, «если бы существовал некий наблюдатель, который с самого начала знал бы о возможностях, открытых макромолекулярным механизмом для воспроизводства и передачи информации, осуществляемых игрой нуклеиновых кислот, он, без сомнения, мог бы предвидеть, что процесс усложнения материи, начавшийся на Земле около четырех миллиардов лет тому назад, приведет в конце концов к возникновению психики типа человеческой» (Л'Эритель 1970:32)».

Аминь. Я и смеялся, и «плакал». Цитата 70-го года, времени так называемой НТР, когда казалось, что еще чуть-чуть, еще одна кав-

лерийская атака... Хочу напомнить уважаемому Л. Вишняцкому, что сегодня генетики спрятали свои шашки подальше и вряд ли расскажут столь бодрым голосом нечто подобное. Сейчас эта цитата посмотрится, по крайней мере, архаично и напыщенно, вроде того как «космонавты летали в космос, но никакого Бога там не видели». И опять, уже в который раз, в приведенном примере выделяет эволюционистское безграмотное круговое доказательство, принятие доказываемого за доказанное – если мы наблюдаем некий, уже реализованный, финальный результат, то, значит, к этому всё и шло!

Успехи современной науки антропологии – если бы у бабушки были усы... Журнал «Итоги» воспроизводит эти фотографии без ссылки на источник (по стилю это всё те же проэволюционные *National Geographic* или *BBC-Discovery*) и пишет: «Так, по мнению палеонтологов, мог выглядеть современный человек, если бы древние ящеры в незапамятные времена не исчезли с лица земли»

...Только как же напоследок нам еще не пофантазировать, как «отпустить» такую благодатную тему?

... «Конечно, тот факт, что именно приматы, или, точнее сказать, гоминоиды оказались «на острие прогресса», имеет свои причины, но в принципе вполне допустимо, что при несколько ином развитии геологических или, скажем, астрономических процессов первыми в движении к мысли могли оказаться какие-то иные существа. ... Сознание так или иначе должно было нарастать, но конкретные формы протекания этого процесса не были предопределены (см. об этом напр.: Пономаренко 1972; Моисеев, Поспелов 1990). В программу развития **природой «закладывалась» тенденция**, но не конечное состояние... В качестве одной из такого рода случайностей довольно часто рассматривают сейчас, например, вымирание динозавров, которые были, возможно, «первыми претендентами на продвижение в категорию мыслящих существ» (Будыко 1990:16). Некоторые исследователи, объясняющие исчезновение крупных ящеров в конце мелового пе-

приода катастрофой космического происхождения, допускают, что, не произошли этот катаклизм, нарушивший естественный, органичный ход развития земной природы, то нашей планетой сейчас владели бы ящеры, и разум появился бы не в своей нынешней материальной оболочке, а в мозгу каких-то из этих животных, например, целурозавров (Russell & Seguin 1982, по: Татаринов 1987:186–188; см. также Саган 1986:140; Моисеев, Поспелов 1990:6). Конечно, это не более чем гипотеза, к тому же гипотеза непроверяемая, но в принципе в ней нет ничего невероятного, и она прекрасно иллюстрирует идею потенциальной многовариантности эволюционной истории».

А вы говорите, что история не терпит сослагательного наклонения. *«Конечно, это не более чем гипотеза, к тому же гипотеза непроверяемая...»*. А описанная выше гипотеза эволюции, конечно же, проверяема? И, наверное, воспроизводима в эксперименте? И, наверное, подтверждается свидетельствами наблюдателей? И, наверное – конечно, обязательно! – имеет принципиальную возможность быть или доказанной, или опровергнутой?

А уж по поводу того, что байка с динозаврами *«прекрасно иллюстрирует идею потенциальной многовариантности эволюционной истории»*... Не кажется ли уважаемому автору, что существование человека прекрасно иллюстрирует идею именно безвариантности истории? Или, по крайней мере, потенциально другой вариантности, но исключительно в рамках **человеческого** выбора?

«По-видимому, в «гонке» к разуму было несколько участников, имевших при определенном стечении обстоятельств некоторые шансы завоевать главный приз. Кроме отдельных видов динозавров и млекопитающих в их числе называют иногда еще головоногих моллюсков и некоторые другие формы. Однако, победитель гонки давно уже известен, а его соперники **либо все еще в пути** (sic! – А. М.), либо, что более правдоподобно, сошли с дистанции. Наверно, нам повезло, что финишную черту пересекли первыми именно наши предки. Но почему и, главное, благодаря чему им удалось это сделать?».

Ладно, коли уж «наука» тут совсем закончилась... Представьте, сидел бы сейчас некий Наутилус Помпильевич и нервно записывал бегущими «от головы к ногам» строчками: «Наверно, нам повезло, что финишную черту пересекли первыми именно наши предки. Но почему и, главное, благодаря чему им удалось это сделать? А ведь на нашем месте могли быть и люди, если б, чего доброго, эти тупые неразвитые существа, несмотря на давление среды и требования эволюции, не отказались в свое время слезать с деревьев».

...Но о слезании с деревьев – в четвертой части наших комментариев, а в следующей мы поговорим о том, как нужно правильно доказывать эволюционные процессы с помощью имеющейся у нас живой обезьяны.

Часть III

«Народного академика» Лысенко, было дело, спросили – почему его опыт по выведению птицы пеночки из яйца кукушки никто не может больше повторить. «Для того, чтобы получить какой-либо результат, – мудро сказал Лысенко, – нужно просто хотеть его получить».

Запомним эту гениальную фразу, ибо в третьей части наших записок мы вступаем именно в область, очерченную академиком, а именно – в область страстного хотения эволюционистами «нужного результата» и тяжелых творческих потуг получить его с помощью любых манипуляций, фокусов и софизмов. В предыдущих главах рассматриваемой книги нам не удалось увидеть ни нашего обезьяноподобного предка-прародителя, ни «недостающего эволюционного звена» меж ископаемыми обезьянами и «настоящими» людьми. Нам не удалось пощупать реальные кости реальных эволюционных «родственников», не убедила нас и «философия» эволюции – все рассуждения о ее механизме оказались не выше уровня неловких фантазий и описаний, придуманных постфактум, в качестве подгонки под уже произошедшие события.

На этот раз, при рассмотрении главы «Культура и карьера шимпанзе» объектом нашего внимания будет еще один изящный софистский трюк современного эволюционизма, широко бытующий ныне «научный» прием – коль уж палеонтология оказалась нам плохой помощницей, всю эволюционную энергию нужно сосредоточить на имеющемся сходстве меж нами, людьми, и так называемыми современными человекообразными обезьянами. Официально нужно заявить о нашем желании реконструировать прошлое человечества, на самом деле – любым способом показать, что человек и обезьяна находятся в несомненном эволюционном родстве. Показателем такого родства будет считаться наличие у обезьяны типично человеческих черт и качеств.

Итак, переходных форм нет, родственные связи не установлены. Кроме того, мы знаем, что последние бодрые попытки ученых доказывать эволюцию через генетическое родство столь же бодро привели старую добрую дарвиновскую идею (именуемую ныне синтетической теорией эволюции) к «неожиданному» нокдауну в виде развала эволюционного дерева.

Чем же в этом случае способен помочь опыт подковерной борьбы, усвоенный эвословами и эводелами еще со старых добрых времен пилтдаунского сорокалетнего торжества?

Совершенно очевидно, что сегодня на эволюционном подиуме нужно поставить человека по стойке смирно, а рядом с ним поместить нечто внешне человекоподобное, что более других на него похоже, в данном случае – и кто б сомневался – «человекообразную» обезьяну. Нужно на время забыть прежнюю идеологическую некорректность: «Человек – это звучит гордо!» и сосредоточить усилия на идее: «Обезьяна – это тоже круто!». Сказано – сделано, смотрим сходство. Оба существа – млекопитающие, у обоих по две руки, по две ноги. У обоих отсутствует хвост, у обоих большой палец руки противопоставлен остальным, то есть, оба существа могут брать в руку некие предметы.

Но одного этого сходства, разумеется, мало. Чтобы никто из скептиков не сомневался в родстве этих двух индивидов, нужно чисто механистически свести их вместе в одном списке, в одной классификации – придумать им новый «нужный» статус и новые имена. Карл Линней существенно помог эволюционистам в том смысле, что не развел по разным углам наших героев, а напротив, искусственно объединил их в одном отряде приматов. Однако же и этот «факт» родства можно усилить новыми партийно-эволюционными постановлениями. Имя хомо сапиенсу, так и быть, можно оставить, зато пан троглодита (шимпанзе) сегодня обязательно – так сказать, архиважно! – переименовать не иначе как в хомо троглодита. Любо-дорого посмотреть. Были какие-то чужаки, *Homo sapiens* и *Pan troglodytes*, а стали близкие братья – *Homo sapiens* и *Homo troglodytes*...

Смотрим далее, что получилось. Руки, ноги, хвосты, имена... Все вроде в порядке. Но какой-то внутренний голос подсказывает, что и этого мало. А самым сильным тактическим ходом для доказательства родства будет следующий – шансы обоих претендентов нужно обязательно по мере сил **уравнять**. То есть, пусть человек стоит себе на эволюционном подиуме и краснеет за свое несовершенство, зато вот обезьяну... Обезьяну нужно всеми силами, любым, что называется, «доступным науке способом», возвысить, «подтянуть» до человека. Человеку сразу за все его качества давайте поставим тройку с минусом (недоеволюционировал, подлец,

плохо рождает, остеохондрозом болеет, любит воевать, природу уничтожает), зато в каждом чихе и пухе обезьяны будем видеть ее горячее желание немедленно начать писать «Евгения Онегина» и строить корабли для полета на Луну.

Итак, условились. Чтобы очеловечить обезьяну и объявить ее «культурной», что нужно сделать, как вы думаете? Абсолютно правильно. Понятие «культура» в ее человеческом значении нужно упростить, это раз. И доказать, что признаками этой «культуры-мультикультуры» обладает также обезьяна, это два. Задачи наши определены, цели ясны. За дело, товарищи! Айда «опускаться» культуру!

«Несмотря на чрезвычайное многообразие предлагавшихся расшифровок интересующего нас понятия, существует, на мой взгляд, всего лишь два основных подхода к его определению. Один из них – традиционный – заключается в том, что культуру, прежде чем определить, что это такое, заранее уже рассматривают как нечто специфически человеческое, нечто, появляющееся и существующее только вместе с человеком (White 1959:8; 1959a; Маркарян 1969:61, 1983:86; Каган 1974:188)».

Если в этой жизни что-то кажется тебе слишком сложным – упрости... И будет тебе счастье

Разумеется, разумеется, что вопрос этот мировоззренческий. Если применить к делу библейский подход, то ничего «нового», понятно, у нас и не получится. Но если для истолкования окружающей действительности (наблюдаемых фактов) принять допущение, что все живые существа находятся в биологическом родстве, то окружающее сразу обретает новый, искомый смысл и эволюционное дыхание становится спокойным и ровным.

Библия по определению, скажем так, рассматривает человека отдельно от всего прочего мира – животного и растительного. Если же принять фантазию «общего биологического колхоза», то культура человека оказывается помещенной в эту общую для всех живых существ биологическую «систему координат». Неважно, что у

исследователя в этом случае теряется всякая опора под ногами. Неважно, что отныне становится принципиально невозможной какая либо культурная или этическая «аксиоматика» – зато уж фантазия здесь может быть безграничной!

Многие убежденные эволюционисты отчего-то уверены (если не лукавят), что если переопределить неудобное понятие, дать ему новое имя или упростить до предела, то проблема тем самым будет автоматически закрыта. «За миллион лет чего только не может случиться!». «Если желудь превращается в дуб, значит, молекула водорода со временем превратилась в человека». «Любовь – это химическая реакция!». Зато теперь, как кубик ни бросай, а нужная тебе единица выпадет всякий раз, потому что она нарисована на всех шести гранях. Если культура определяется через сугубо человеческое поведение, говорит Л. Вишняцкий, то у нас есть реальный риск утонуть в неточностях и тавтологиях, а вот если определять культуру только через некие узкие понятия, скажем, символизм, то мы будем счастливы узнать, что:

«...Даже сама способность к символизму не является достоянием только человека, и может быть обнаружена еще у ряда видов».

Развивая свою «трудноугадываемую» мысль, автор добросовестно опирается на такие эволюционные определения культуры, которые своей широтой и всеохватностью напоминают знаменитую 58 статью сталинского УК, с ее «расширительными» литерами.

«Иными словами, культура (в самом широком смысле) – это все формы поведения, основанные на внегенетически и притом избирательно (немеханически) усваиваемой, хранимой и передаваемой информации, а также их результаты (вещественные и идеальные). Является ли такое поведение исключительно человеческим или нет – это должно быть установлено эмпирическим путем, но для определения культуры как таковой никакого значения не имеет».

Спорить с такими определениями даже не будем. Под такие определения попадает практически все что угодно – хуже, когда не

попадает то, что нужно (шутка). Здесь что ни слово, то слишком расплывчатое или двусмысленное понятие. В принципе тут можно придаться к любому слову – что такое информация в трактовке эволюциониста, в каком виде осуществляется ее накопление, анализ и хранение живым организмом? И можно ли считать «культурной» информацию, вопреки определению передаваемую именно генетическим путем, например, талант человека, склонность к религиозности и просто врожденную грамотность, наследуемую от родителей... С помощью таких расплывчатых формулировок вместе с водой удачно выплескивается и ребенок – в принципе вся так называемая **особая человеческая сущность**, отличающая нас от животных, оказывается «лишней сущностью», избыточной в свете поставленных эволюционных задач. Понятно, что автор хочет сказать следующее – признаки культуры в том, что кто-то пришел, кого-то научил, передал опыт, а обучаемый почесал в затылке и сам изготовил каменный скребок или нарисовал картину.

Но не менее очевидно, что авторы подобных определений скорее всего лишь «лоббируют» интересы обезьян, собираясь показать нам, что и обезьяна, стоит лишь принять «правильные», упрощенные формулировки, от людей практически ничем не отличается. А если иметь в виду, что попытка найти в обезьяне любые человеческие черты и качества есть очередная страстная мечта нынешних биологов-эволюционистов, то в терминах 58-й статьи сталинского УК под сформулированную культуру обезьян попадёт даже «скрытое намерение» какой-либо мартышки произвести действие, определяемого «эволюционным УК» как явное проявление интеллекта.

...Однако мы отвлеклись и не заслушали первых выводов. Заслушаем, наконец, и пойдем дальше.

«На мой взгляд, если следовать только что сформулированному широкому определению культуры, то трудно не признать, что ее проявления возможны и в животном мире. Как известно, в поведении многих его представителей важную роль играет не только программа, заложенная в генах, но и информация, накапливаемая, благодаря **способности к запоминанию индивидуального опыта** и его **пополнению** через наблюдение, подражание, намеренное научение».

Ну, пока вроде бы всё идет как надо. Если не уточнять формулировки типа «запоминание индивидуального опыта» и «его пополнение через наблюдение, подражание и пр.» – то полдела, считай, сделано. Однако трудно не задать себе вопрос – а можем ли мы быть вполне уверены, что и вышеперечисленные признаки «разумной» деятельности не обусловлены также генетически? Или – страшно сказать – являются какой-либо особой, недоступной нам формой «специальной», исключительно животной «разумности»? Если мы уж взялись оперировать расплывчатыми понятиями и мыслить максимально широко, то позволю себе высказать одно столь же широкое наблюдение.

Ран или пропа... то бишь, Homo?

Суть его вот в чем. Практически все качества, обычно удивляющие нас в животных и позволяющие нам рассуждать об их гипотетическом интеллекте – всегда напрямую и безусловно связаны с той или иной формой **нашего с ними контакта** или **нашего целенаправленного на них воздействия**. Эволюционисты не горят желанием учитывать сей фактор в опытах с животными, хотя понятно, что поведение шимпанзе в дикой природе и шимпанзе, курящего с нами сигары, есть две абсолютно несравнимые вещи. Сейчас я скажу страшную для атеистов вещь. Вот она. Если человек возник не на общем скотном эволюционном дворе, а от «начала времён» обладает особой, сугубо человеческой, не-животной сущностью, то и отношения представителей животного мира к нему, как ни крути, должны быть особыми. По Библии Адам когда-то имел власть над животными, которую утратил в результате грехопадения. Утратить-то он утратил, но реликтовые формы «сообразительности» и подчинения у многих животных в этом случае могли сохраниться.

Если кому-то эмоционально трудно воспринять сказанное, то даже без привлечения теологии давайте просто, в качестве фантазии представим, что биологическая картина мира когда-то включала в себя такую особенность, как записанное в генетическом коде всех животных свойство обязательного подчинения высшему существу – человеку, истинному биологическому «царю зверей». Впоследствии эта программа по тем или иным причинам была

«свёрнута» или утрачена. Что бы мы увидели сегодня? По моему глубокому убеждению «релиktовые остатки» именно такой картины мы вокруг себя ныне и наблюдаем. То, что многие животные (слоны, собаки, дельфины) реально имеют с человеком вполне определенную высокую степень эмоционального контакта, не может быть объяснено с точки зрения эволюции – ибо официальные 5000 лет цивилизации – срок слишком малый, чтобы у собаки в геноме успела «записаться» возможность передачи щенкам по наследству привязанности к определенному хозяину, у слонов – умение найти «интеллектуальный» выход из проблемной ситуации в пользу хозяина, а у дельфинов – неизменное дружелюбие к людям и обязательная помощь в критических ситуациях (ибо 5000 лет назад мореплавание только началось). Нас не очень удивляют истории подобные той, что произошла недавно в Морвелле (Австралия). Домашняя кенгуру Лулу, найдя на отдаленных угодьях своего хозяина, придавленного деревом, в прямом смысле «сбегала за людьми» на ферму, подняла шум (барабанила лапами в стеклянную дверь), а затем привела людей к месту ранения хозяина.

Одним словом, все странности, все загадки «разумности» животных – возможно, не в самой разумности как таковой, не в эволюционном движении животных к некоей мыслящей форме *Animal sapiens*, а исключительно в их культурном контакте с человеком, в некоей обязательной (генетической ли, поведенческой – не важно) «зараженности» их действий непосредственным присутствием и волей человека. Доводя до абсурда, собака не может быть эмоционально привязана к лошади, но исключительно к человеку – чувствовать настроение хозяина, проявлять участие и даже умирать от тоски после его смерти. Иногда кажется, что собаки даже совершают действия, относимые по нашим меркам явно к разумным (например, сегодняшняя знаменитость собачка Роки) исключительно оттого, что подобных действий ждет от них хозяин.

Таким образом, определять культуру животных через усвоенные непосредственно от человека формы и нормы поведения некорректно в любом случае, даже без генетической памяти подчинения человеку – ибо весь животный мир тогда претендует на звание высоко интеллектуального.

С другой стороны, мы не можем быть уверены даже в том, что определяемая нами «культура» животных – как в дикой природе,

так и на цирковом манеже – присутствует именно в этом декларируемом «благоприобретенном», а не в генетически запрограммированном виде. Обучение своих детенышей охоте, скажем, теми же львами – может ли рассматриваться в терминах интеллекта? Ибо и усвоение родительского научения у львенка, и процесс обучения детеныша родителями, возможно, генетически прописаны в виде общей для всего львиного таксона программы, и родители-хищники не «передают детенышу опыт» в нашей терминологии, а, повинаясь той же генетической программе, совершают лишь некие «инстинктивные» действия, вряд ли осознавая, что помогают на опыте раскрыться программе малыша по превращению его в охотника и хищника.

Шимпанзе в дикой природе не способны к изготовлению орудий с помощью других орудий, но мы на полном серьезе отчего-то готовы рассматривать в терминах «культуры шимпанзе» их способность колоть орехи подвернувшейся палкой и бороться за лидерство в стае. Если бы целью было реальное желание отделить мух от котлет (изучить поведение животных без эволюционистской привязки его к человеку), то нам было бы гораздо легче рассуждать о гипотетической культуре животных и даже их традициях, но именно в терминах животного мира.

Однако в рассматриваемом эволюционно-догматическом случае, что называется, концов никогда не найдешь. Даже если искать признаки осознанных действий у животных, проживающих в естественных условиях, так сказать, без «культурного инфицирования» их человеком. Какие признаки нужно считать культурным проявлением? Где кончается инстинкт, и начинается сознательно приобретаемый индивидуальный опыт? Обезьяны обучают своих детенышей колоть орехи, но не «понимают» смерти этих детенышей, продолжая обращаться с ними как с живыми. А слоны, например, своих сородичей хоронят, забрасывая землей и камнями. Сможем ли мы наверняка утверждать, что те или иные действия животных являются осознанными (в нашем понимании)?

Когда же исследователем движет догма, а не желание знать правду, мы строго по Лысенко получаем то, что хотим получить:

«В этой связи уместно еще раз упомянуть и без того часто цитируемое высказывание Ч.Дарвина о том, что «как бы ни

было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное» (Дарвин 1953 [1871] :239). Написанные более века назад, эти слова **вполне отвечают выводам и общему духу** современных этологических и зоопсихологических исследований (см. напр. Мазохин-Поршняков 1989) и в первую очередь, разумеется, они должны быть отнесены к обезьянам».

Разумеется, к ним, золотым нашим. И все же чисто по-человечески, эмоционально, у меня подобное состояние умов, подобный «порше-мазохизм» вызывает какое-то странное чувство, нечто среднее между грустью, сожалением и глухим раздражением. Все мы догадываемся и понимаем – ни дельфины, ни слоны, ни собаки не будут сегодня такими пристальными объектами внимания и изучения, каковыми являются обезьяны. Все эти умные и симпатичные животные «невыгодны» эволюционизму, являются для него пустым звуком с точки зрения требований догмы. Зато в новостях научных сайтов статей об обезьянах – как Киркорова в новогоднюю ночь – одновременно «на всех каналах». Ну, посмеялись в свое время уважаемые ученые над фразой Дарвина. И ведь забыли бы как очевидную глупость, так нет, всё зашло настолько далеко, что для нас эта фраза уже не может быть столь же смешной и глупой, каковой являлась изначально – мы, люди XXI века, обладаем совершенно иными технологиями и более изощренной фразеологией для доказательства правоты Дарвина. И все мы – и уважаемый Л. Вишняцкий, и креационисты, и ваш покорный слуга – все мы, кто с надеждой, а кто с тревогой, понимаем, что при таком пристальном внимании к личности обезьяны Дарвин наверняка рано или поздно «окажется прав». Потому, что пока хоть одна обезьяна у этих нынешних умников-биологов в лаборатории не заговорит человеческим голосом, они от нее не отстанут!

Ведь кто бы сомневался, что:

«Данных, подтверждающих большие интеллектуальные возможности высших приматов, становится с каждым годом все больше (Фирсов 1987; Фридман 1989:50–53; King 1991; Гудолл 1992 [1986]; McGrew 1992; Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1998; Boesch & Tomasello 1998)».

Но мы, надо сказать, тоже калачи тертые. И мы уже этих победных реляций – слово в слово – слышали предостаточно. Например, упомянутая М. Бутовская в одной из своих работ использует ту же словесную конструкцию:

«...Но с каждым годом антропология, и главным образом палеоантропология, предоставляет все больше научных доказательств последовательной, длящейся миллионы лет, эволюции человеческого рода. **Вот уже более столетия исследователи заняты поисками «утраченного звена»...**».

Однако, странное дело – с каждым годом и приматология, и палеоантропология вроде бы предоставляют нам все больше научных доказательств эволюции, но при этом с каждой новой находкой и новым экспериментом теория эволюции все более и более разваливается. Видимо, когда ученые сделают какое-то закритическое количество новых открытий в пользу этой теории, она совсем умрет. Может, у подобных эволюционных авторов наличествует некая легкая психическая неадекватность, таинственным образом допускающая невероятное положение дел, когда новые факты, буквально убивающие эволюцию, считаются доказательствами ее правоты? А, может, чтоб спасти эволюционную идею, нужно просто прекратить поиски новых ее доказательств? Обрубить все хвосты, чтобы сохранить эту милую всякому рациональному сердцу теорию хотя бы в нынешнем полуразвалившемся виде? И эволюционистам будет прок, и казне послабление, а?

Но двинемся дальше. Мы в данном случае говорим о новых гипотетических подтверждениях высокого интеллекта приматов.

«Особенно отличаются в этом отношении человекообразные обезьяны, а среди них шимпанзе, которые, не прикладывая к тому никаких усилий, сделали, тем не менее, за последнее десятилетие просто головокружительную «карьеру».

Чтобы вполне понять причину такой карьеры, нужно вернуться к словам Л. Бутовской: «Вот уже более столетия исследователи заняты поисками «утраченного звена»... Нетрудно догадаться, что неожиданная звездная карьера шимпанзе находится в непо-

средственной связи именно с результатами напряженных поисков «утраченного звена». А именно – с его трагическим отсутствием, несмотря на 150-летние маниакальные поиски. То есть, если, скажем, в драматическом театре из гримерной народного артиста вдруг слышны шум, битье посуды, пьяные крики, а потом дублеру говорят: «Ты знаешь, старик, кажется, играть теперь придется тебе...» – то это явно означает, что некоторый проект нуждается в срочном спасении каким-либо альтернативным способом.

«Можно сказать, что шимпанзе, **сами о том не ведая**, почти вплотную приблизились к людям, так что, кажется, еще чуть-чуть, и они станут полноправными членами если не человеческого общества, то, во всяком случае, человеческого рода».

Абсолютная правда. Что касается шимпанзе, то люди уже давно занимаются ими вплотную, и шимпанзе, сами о том не ведая, летают в космос и спасают людей, нуждающихся в переливании крови. Но шимпанзе абсолютно не ведают того, чего ждут от них те исследователи, которые заставляют их запоминать таблички и радуются каждой их ошибке: «Ура-а, новое словосочетание!».

«...Так что, кажется, еще чуть-чуть...». Вот уж воистину – для того, чтобы получить результат, нужно просто хотеть его получить!

Но уважаемый Л. Вишняцкий забыл одну простую вещь. Дрессировка, тренировка, напряженная педагогическая работа с шимпанзе к эволюции никакого отношения не имеет. Работа человека над обезьяной есть деятельность мыслящего существа, что можно уподобить скорее целенаправленной работе Творца, нежели метанию случайных сил эволюции. Тут имеет место явное проявление «интеллектуального дизайна», когда по сути часть дикой природы (шимпанзе) принудительно «изменяется» человеком в сторону искусственной среды (культуры). Даже с эволюционной точки зрения благородная научная цель – вытрясти из обезьяны всю душу, чтобы она хоть немного «поумнела» – есть эксперимент не чистый. Повторяю еще раз – то, на что реально «способна» обезьяна, можно и должно подсматривать только в дикой природе, но никак не добиваться от нее дрессировкой. Хотим просто узнать предел обезьяньего интеллекта? Ерунда, потому что по сути **наблюдаем**

лишь отражение своего. Кроме того, если бы исследователи действительно хотели на примере изучения шимпанзе проследить и реконструировать собственно прошлое самого человека... Это была бы идея ошибочная, но зато не такая до неприличия «ангажированная», как все эти упорные попытки доказать через гипотетический «интеллект» шимпанзе его родство с человеком.

Той же М. Бутовской принадлежит цитируемая Л. Вишняцким фраза, которой я без всякого раздумья отдал бы почетное звание Перла № 3. Она вплетена в текст автора:

«По мнению некоторых приматологов, накопленные к настоящему времени данные «существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами малоперспективными» (Бутовская 1998: 94). Существование различий, конечно, не отрицается, но они рассматриваются как преимущественно количественные».

Ну ладно там еще старик Дарвин рассуждал «вообще». Но чтобы – современные ученые? Однако цитата из Л. Бутовской хороша тем, что в одной незатейливой фразе содержится целая

россыпь эволюционного подтекста. Мне отчего-то слышится, что Л. Бутовскую вовсе не удручает потеря человеком его исключительного статуса, а, напротив, едва ли не радует. В словах о преодолении традиционных представлений всегда есть некий оттенок иронии над «старым». Но и традиция тут не просто потревожена или покачнулась, а именно подорвана, именно так, энергично, победно – «новые данные существенно подрывают традиционные представления». При том, что у современной дисциплины приматологии нет каких-либо особых оснований победно размахивать флагом и говорить банкетные речи, Л. Бутовская как бы призывает «расслабиться» и впредь не заниматься глупостями – по сути

Может быть, в Африке что-нибудь поправить?

прекратить искать **«пресловутую грань»** меж человеком и обезьянами, ибо такой грани скорее всего просто не существует. В сущности Перл № 3 от Л. Бутовской мало чем отличается от Перла № 1 уважаемого Л. Вишняцкого – здесь та же эволюционная самоуверенность и убежденность в наличии «финальной» научной истины – мол, чего там гадать и сомневаться, всё уже окончательно доказано, осталась лишь малоинтересная работа по уточнению деталей.

«Существование различий, конечно, не отрицается, – обнадёживающе замечает Л. Вишняцкий, – но они рассматриваются как преимущественно количественные».

И снова мне, так сказать, и грустно, и тревожно. **Талант, творчество, аналитическое или образное художественное мышление, религиозность, интуиция, «иррациональное» этическое чувство** – все это, оказывается, присуще и обезьянам... ну, разве что в несколько меньших количествах. Видимо, именно такие рассуждения «некоторых приматологов» имела в виду кэрролловская Королева, когда говорила, что слышала чушь такую, по сравнению с которой обычная чушь может показаться толковым словарем.

Однако наступает время узнать критерии «разумности» обезьян. Вот они.

«Выделяется как минимум три важнейших сферы мышления и поведения, в которых шимпанзе демонстрируют невиданные в животном мире достижения, действительно ставя тем самым под сомнение реальность пропасти, якобы отделяющей их от человека. Это способность к самоидентификации и самосознанию, использование символических средств коммуникации (попросту говоря – язык) и орудийная деятельность».

Ну, как говорится, спасибо, отцы родные. Наградили человечество новым родственником. Да еще не каким-нибудь ископаемым, а самым что ни на есть живым. И уже смотрю я последние фильмы «*National Geographic*» и не удивляюсь ни атмосфере фильма («милые обезьяны, мы с вами дети одной природы»), ни сюжету – политкорректная «человеческая» мамаша отдает потискать свое го-

довалое дитя в объятия огромной обезьянней самки...

Ах, какие замечательные фразы – «демонстрируют невиданные в животном мире достижения», «ставят под сомнение реальность пропасти...». Вот нам хотя бы маленькое утешение – у Л. Вишняцкого мало реально хотя бы «пропасть» меж двумя эволюционными родственниками, а вот Л. Бутовская даже «пресловутой грани» бедному человечеству не оставила...

Однако зафиксируем эти три демаркационных критерия «истинной человечности», точнее, гоминидной разумности, три вершины, которые в эволюционном смысле якобы удалось покорить обезьянам вслед за человеком. Рассмотрим первый критерий – способность к самоидентификации.

«Во-первых, можно считать твердо установленным, что и обыкновенные шимпанзе (*Pan troglodytes*), и карликовые (*Pan paniscus*) узнают себя в зеркале».

От таких слов у любого исследователя-приматолога должно появиться ощущение твердой почвы под ногами и чувство неизменной радости от правильности выбранной профессии. На чем же основана такая уверенность?

«...Это видно, в частности, из того, что очень часто, получив зеркало, они пользуются им для осмотра тех частей тела, которые иначе не увидят). Большинство исследователей истолковывают это как показатель наличия самосознания, способности к самоидентификации (Gallup 1970; Povinelli 1987; Westergaard & Hyatt 1994)».

Помилосердствуйте, господа! Это – самоидентификация? Это самое обыкновенное, на уровне рефлексов, обезьянье «открытие» и «наблюдение» некоей любопытной для нее «линейной зависимости» меж собственным поведением и поведением какого-то незнакомого типа в зеркале, который шевелится только тогда, когда начинаешь шевелиться ты сам. Показав ему свою часть тела, ты увидишь, как он показывает тебе свою. И в случае с маленьким зеркальцем в руке обезьяна, заметьте, не «прихорашивается», не разглядывает себя как именно себя, а просто любопытствует, играет,

«балует» со своим отражением. И даже если чисто теоретически допустить, что обезьяна понимает, что в зеркале находится не другая обезьяна, а она сама, то это, извиняюсь, еще не самоидентификация. Самоидентификация как минимум начинается с простейшего осознания себя как личности, включенной в какую-то пространственно-временную систему координат, так сказать, «первые человеческие вопросы с похмелья» – а кто я, собственно, такой, где я сейчас нахожусь, что я сейчас делаю и что собираюсь делать через минуту и т. д.

Есть в этом «убедительном» примере с «самоидентификацией» обезьяны еще и определенные противоречия самим принципам эволюционизма. Например, с какой стати какие-то огузки-недомерки бонобо за компанию с шимпанзе стали свидетельством продвинутого эволюционного развития приматов? Согласно эволюционным догмам, главным показателем развития интеллекта принято считать увеличивающийся объем мозга, каковому показателю карликовый шимпанзе отнюдь не соответствует. В этом примере умиляет и то, что по первому критерию «разумности» даже с карликовым шимпанзе бонобо человек, оказывается, имеет всего лишь **количественные** умственные различия. Можно вполне допустить, что карликовый шимпанзе, кривляясь перед зеркалом, не только себя «идентифицирует», но и всякий раз, скажем, мысленно рассчитывает траекторию полета ракеты к Юпитеру – правда, почти как в анекдоте, очень короткую. С количественным накоплением интеллекта эта траектория, видимо, будет становиться все длиннее.

«Судя по результатам экспериментов с другими приматами, кроме шимпанзе этими качествами обладают еще только орангутан и горилла, в то время как у церкопитековых и широконосых обезьян они отсутствуют (Westergaard & Suomi 1995; Hart & Karmel 1996)».

И добро бы исследователи истолковали это кривляние по-своему и на этом успокоились. Но нет, бери выше! Не хочу быть столбовой дворянкой... Вот бы еще устроить так, чтобы человекообразные обезьяны – чего уж там мелочиться – по своим умственным способностям гораздо более отличались от всех прочих обезьян, неже-

ли от человека! Один раз живем, почему не рискнуть!

Поэтому на основании сомнительных истолкований понятий «разум» и «мышление», а также в духе главной цитаты «Маркса эволюционизма» – Дарвина – некоторые приматологи делают вывод, который, впрочем, разделяет и Л. Вишняцкий:

«Таким образом, в том, что касается самосознания, **«между человекообразными обезьянами и всеми остальными существует качественное различие**, тогда как разница между первыми и человеком главным образом количественная» (Hart & Karmel 1996: 343)».

Это несколько странно, так как многим низшим обезьянам свойственны элементы поведения, которые по рассматриваемым нами критериям безусловно относятся к проявлениям разумности – это, в первую очередь, применение «орудий труда» (камней и палок), «обучение» детенышей и даже «использование символов», как у упомянутых Л. Вишняцким верветок. Таким образом, идея Хэрта, Кэрмела и примкнувшего к ним Л. Вишняцкого оказывается внутренне противоречивой – общие для обезьяньего таксона поведенческие признаки ставят одних его представителей в близкие отношения с человеком, а в случае с другими просто игнорируются.

Далее.

«Во-вторых, экспериментами в лабораторных условиях было подтверждено высказанное Ламетри еще в XVIII веке предположение, что при необходимости обезьяну можно научить языку при помощи знаков, используемых для обучения глухонемых (по: Hewes, 1993:23). Не вызывает сомнения, что шимпанзе способны общаться с людьми и друг с другом с помощью усвоенных в результате научения визуальных символов и могут даже обучать им своих детенышей, причем без всякого вмешательства человека (Gardner & Gardner 1992)».

С самостоятельной передачей обезьянами своего «лингвистического опыта» детенышам Л. Вишняцкий, конечно, немного погорячился, но вот освоение обезьяной языка жестов и символов – отдельная большая тема, хорошо освещенная в работах западных и

отечественных ученых. Разумеется, что освоение это принудительное, с использованием всех известных методов дрессировки. Из-за того, что мозг шимпанзе по своей морфологии похож на человеческий, троглодиты считаются очень успешными учениками. Чтобы не углубляться сейчас в дебри «лингвистической» приматологии, приведу в качестве справки некоторые высказывания исследователей поведения шимпанзе:

«Шимпанзе могут связывать названия с предметами, строить фразу из двух слов (то есть комбинацию из двух карточек или двух жестов. – А.М.) и использовать известные им слова в новом контексте. ... Голосовой аппарат шимпанзе значительно отличается от такового у человека, что делает членораздельную речь недоступной для них. Поэтому ученым удалось продвинуться в обучении обезьян языку, только перейдя от устной речи к другим формам коммуникации, в частности, к языку жестов – пальцевой азбуке глухонемых.

... Можно сделать вывод, что шимпанзе способны использовать символы для обозначения объектов, событий и своих мыслей. Но пока остается загадкой, в какой степени эти достижения обезьян свидетельствуют о наличии у них познавательных процессов и как процесс усвоения ими языка сходен с процессом усвоения языка ребенком. ... Шимпанзе не способны усвоить такие тонкости, как порядок слов, равно как и не могут пользоваться языком свободно» (Г. Крайг).

«Если сравнить научение языку с подниманием по лестнице, то можно сказать, что шимпанзе довольно ловко поднимаются на первые несколько ступенек. После этого, однако, они, судя по всему, останавливаются и дальше не идут. Они могут выучить еще несколько слов, но их способность комбинировать эти слова в более длинные и осмысленные высказывания никак не меняется в лучшую сторону. Есть соблазн рассматривать отсутствие у шимпанзе языковой компетенции или чего-либо подобного как непреодолимый барьер на пути вверх по языковой лестнице» (Г. и М. Айзенк).

И все-таки главной интригой здесь являются не лингвистические успехи шимпанзе как таковые, а опять же – противостояние

двух мировоззрений, ответ на вопрос: отпочковались ли в древности линии сегодняшних *Homo sapiens* и *Pan troglodytes* от общего предка или, скажем так, при «конструировании» шимпанзе неким Разумным Дизайнером был использован шаблон, близкий к человеческому?

Несмотря на выводы, сделанные учеными из многолетних попыток обучения шимпанзе языку жестов и символов, Л. Вишняцкий все же предпочитает согласиться с оптимистическим выводом эволюционных фантазеров:

«Все это заставляет согласиться с выводом, что шимпанзе, как кажется, «находятся на грани создания языка» (Kendon, 1991:212). Почему же они не переходят эту грань? «Чего не хватает? Что удерживает их?» (ibid.:212)».

Действительно, что их удерживает? Вообще-то мы уже знаем, что шимпанзе молчат потому, что у них отсутствует голосовой аппарат человеческого типа, но вопрос Кендона можно переформулировать иначе – почему эволюция не подвинула шимпанзе к созданию хоть какой-нибудь осмысленной системы коммуникации?

Однако никогда нельзя расслабляться и забывать, что, если спрашиваешь о чем-нибудь эволюциониста, то лучше на всякий случай держаться за что-либо устойчивое – стул или стену. Ибо подобного сногшибательного ответа я никак не ожидал.

«Э.Кендон, задав себе и читателю эти вопросы, отвечает на них так: «Шимпанзе не создали подобную языку систему коммуникации потому, что они не нуждаются в ней. Их социальная жизнь ее не требует» (ibid.:212)».

Немая сцена. Слышен грохот за кулисами. Кто-то из оппонентов эволюции все-таки упал на пол.

А-а-ах... Какую песню загубили... «Их социальная жизнь ее не требует»! То есть, проще говоря, «почему обезьяны не разговаривают?». – «А оно им надо?».

И в то же время попробуй оспорить такую «гипотезу». Искомое эволюционного признака у обезьян не существует потому, что он обезьянам не нужен. А у тех, кому был нужен, он благополучно по-

явился. У слона хобот появился потому, что именно такой хобот был слону нужен, слон просто остро нуждался именно в таком хоботе. А у кита такой хобот не появился потому, что был он киту – как бельмо на глазу, то есть, совсем не нужен. Отличная логика, беспроегрывная.

Однако, следуя этой логике, сама жизнь как «глобальный» признак появилась только потому, что **в ней кто-то нуждался**. При чем нуждался именно здесь, на Земле, поскольку никакие другие известные нам части вселенной в существовании жизни, понятное дело, не нуждаются. А в случае многих сугубо человеческих признаков подобный подход просто интригует, например – почему человек нуждается в таком мозге, который используется лишь частично? Неисповедимы пути твои, эволюция!

Возвращаясь к отсутствию языка у обезьян, мы узнаём, что объяснения сему диву, оказывается, такие:

«По мнению Кендона, необходимость в языке возникает лишь с появлением дифференциации и взаимодополняемости между действиями разных индивидов внутри группы, иными словами, с разделением труда».

Таким образом, идею обучения обезьян языку можно считать закрытой. Пока они не дорастут хотя бы до разделения труда, тратить народные деньги на лингвистическое образование этих волосатых дармоедов, как мы поняли, бессмысленно.

С другой стороны, подобная эволюционная ЗоОлогика опять демонстрирует уже знакомую нам ходьбу по кругу. Язык есть явный признак осознанной, разумной деятельности. Для его создания должна появиться необходимость в нем. А такая необходимость не может появиться без появления явных признаков осознанной, разумной деятельности внутри обезьяньего сообщества. Короче говоря – для того, чтобы у обезьян появился язык, они должны быть разумными, но поскольку они неразумные, то и язык им не требуется. А вот если бы они были разумными... И так далее, со всеми остановками.

...Но перейдем к третьему критерию эволюционной «культуры шимпанзе»:

«В-третьих, как выясняется, и в области орудийной деятельности различия между шимпанзе и людьми тоже не столь велики, как считалось еще совсем недавно. То, что обезьяны, причем не только человекообразные, способны использовать, а в экспериментальных условиях даже изготавливать простейшие орудия, в том числе каменные (Wright 1972; Toth et al. 1993; Westergaard 1995), давно уже никого не удивляет».

Ключевая фраза здесь, по-видимому, «никого не удивляет», а вовсе не «обезьяны способны использовать простейшие орудия». Удивительны откровения современной приматологии. Удивительна современная эволюционная мысль. Прodelайте такой эксперимент где-нибудь на стороне – придите, скажем, в НПО «Энергия», встаньте посреди сборочного ракетного или компьютерного цеха и крикните что-нибудь вроде: «Господа! Минуточку внимания! Да будет вам известно, что в области орудийной деятельности различия между вами и шимпанзе не столь велики, как считалось еще совсем недавно!». Побьют наверняка. А тут, на страницах эволюционных изданий – ничего, вполне проходит.

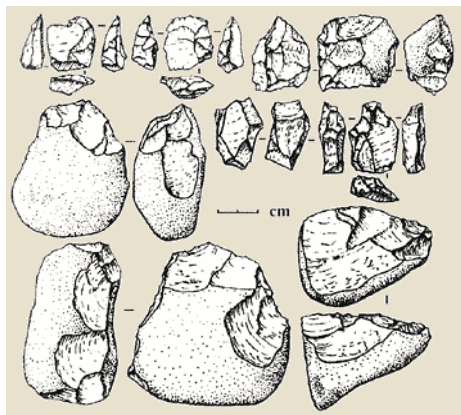
Способность же обезьян к обучению (дрессировке), а также к утомительному для нас подражанию человеческим манерам хорошо известны. В экспериментальных условиях обезьяна может не только изготавливать орудия – она способна копировать практически весь спектр человеческого поведения. Если шимпанзе способен в дикой природе использовать палку или камень – то что из этого следует? Честно говоря, я никогда не мог понять до конца одной эволюционной «фишки» – почему это орудийная деятельность у животных считается признаком человекоподобия и разумности.

Как говорилось выше, орудийными навыками владеют и некоторые низшие обезьяны, однако даже завзятый эволюционист не станет выводить из этого факта ни их родства с человеком, ни эволюционного торжества разума. Прочитирую отрывок из работы А. Хоменкова:

«Что касается использования обезьянами орудий труда, то кроме обезьян ими пользуются еще многие другие животные. Здесь мы также не встречаем чего-либо уникального для животного мира, приближающего обезьян к человеку. Так, «га-

лапагосский дятловый вьюрок (*Cactospiza pallida*) отыскивает насекомых в трещинах древесной коры, используя для этого колючку кактуса, которую он держит в клюве». Один из грифов – стервятник обыкновенный (*Neophron percnopterus*) может «поднимать камень в воздух и бросать его на гнездо страуса или брать камень в клюв и бросать его на яйцо. Такое использование камня уже считается применением орудия, поскольку камень можно рассматривать как продолжение тела грифа».

Честно говоря, можно позавидовать упрямству исследователей, когда уже понятно, что обезьяны в течение многолетних экспери-

Инструменты так называемой олдувайской культуры, которые приписываются *Homo habilis*. Авторами этих орудий были, вероятнее всего, представители таксона *Homo erectus*, а видимая примитивность орудий по сравнению с ашельскими объясняется соответствующей «примитивной» целью – быстро получить острый край для разделки туши добытого на охоте животного. В любом случае утверждения о сравнимости орудийного уровня шимпанзе и мастеров Олдувая является грубой натяжкой – шимпанзе принципиально не способны приблизиться даже к такому уровню. Рисунок из книги П.В. Волкова «Потомки Адама»

ментов и наблюдений давно показали весь свой класс, продемонстрировали биологический предел своих интеллектуальных возможностей. Мало того. Новые данные о строении обезьяньего мозга (Медицинский колледж в Джорджии, США, 2001) показывают, что мозг шимпанзе, даже несмотря на его большое сходство с человеческим, устроен принципиально иначе. У человеческого мозга разные области отвечают за разные функции, например, речевой центр расположен в левом полушарии. У обезьяньего же мозга «не предусмотрена» даже «функциональная» асимметрия, подобная человеческой.

Все фантазии о том, что шимпанзе «вот-вот заговорят», являются обыкновенной проэволюционной спекуляцией. Чужих денег

считать не будем, но есть у меня еще и подозрение, что участники многочисленных исследований и международных проектов вроде «Культура шимпанзе» не очень-то стремятся остаться без работы, да и не похожи на людей, которым грозит безработица. Прошу обратить внимание, что я здесь не веду речи об исследованиях обезьян, связанных с **реальной медицинской помощью человеку**. Но в деле «постижения своей истории» через обезьян, я уверен – мы до скончания времен (если исключить явную фальсификацию) будем обречены слышать одни и те же победные рапорты:

«Было описано (Sugiyama 1997) и множество случаев, когда живущие на воле шимпанзе использовали для решения той или иной задачи попеременно два взаимодополняющих орудия (для других обезьян таких примеров нет), а один раз зафиксировано даже применение орудия для усовершенствования другого орудия: небольшого размера камень послужил находчивому шимпанзе в качестве клина, чтобы выровнять наклонную поверхность наковальни, с которой скатывались орехи (Matsuzawa 1994; Matsuzawa, Yamakoshi 1996: 215)».

Некоторые заявления приматологов можно отнести к курьезным:

«Единственный, пожалуй, вид орудийной деятельности, который у шимпанзе в естественных условиях пока не наблюдался – это изготовление орудий с помощью орудий же, но приматологи **полны оптимизма** на этот счет (Sugiyama, 1997:26) и у них, я думаю, **есть для этого все основания**».

Тут не совсем понятно – какого именно оптимизма полны приматологи? Что шимпанзе в естественных условиях начнет ваять каменные орудия в течение ближайшего миллиона лет? Или оптимизм вызван тем, что нынешнему поколению ученых по всем признакам посчастливилось жить в дни исторического события, венчающего миллионлетние усилия эволюции, а именно – перехода человекообразных обезьян к настоящей, творческой орудийной деятельности? «Партия торжественно заявляет, что уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммуниз...», то бишь,

увидит новоиспеченную вершину эволюции. И как можно быть исполненным оптимизма на предмет события, имеющего зазор плюс минус миллион лет и которое при этом от тебя абсолютно не зависит? Или тут имеется в виду, что в африканскую саванну будет выпущена группа специально обученных обезьян, некий особый обезьяний спецназ? Но и это еще не самое удивительное. А вот то, что у приматологов для подобного оптимизма «есть все основания», лично меня почему-то настораживает.

Иногда ученых-исследователей в своих выводах просто откровенно заносит. Разумеется, что отсутствие реального результата раздражает:

«...Английские исследователи Т.Уинн (археолог) и У.Макгру (приматолог), обобщив и проанализировав все имевшиеся сведения об орудийной деятельности шимпанзе, сравнили итоговую картину с тем, что было известно по археологическим находкам о поведении ранних гоминид. ... Оказалось, что памятники самой древней – олдувайской – эпохи, оставленные существами, передвигавшимися уже на двух ногах и обладавшими мозгом, несколько превышавшим по объему мозг шимпанзе, не дают практически никаких свидетельств такой деятельности, к какой бы последние не были способны (Wynn & McGrew 1989; см. также Jouliau 1996)».

Первая естественная реакция на эту фразу – да, это правда. Артефакты, оставленные древними хабилисами, не дают ни малейшего повода усомниться, что современные шимпанзе в чем-либо им уступают. Не уступают – абсолютно ничем. Ибо и хабилисы, и шимпанзе ни к какой подобной деятельности просто не способны. Порядок сложности тут одинаковый, ибо легко сравнивать две пустоты – шимпанзе не способны изготовить каменное орудие с помощью другого орудия, а за настойчивое утверждение, что именно хабилисы – творцы олдувайской культуры, серьезные антропологи сегодня могут и побить (напомню, что это утверждение было сделано Лики еще до обнаружения хабилиса ОН 62, показавшего степень обезьяноподобия даже большую, чем у шимпанзе).

Однако общая реакция на вышеприведенную цитату – так сказать, простое человеческое недоумение. И эти люди обвиняют кре-

ационистов в «искажении цитат»? Ну-ну. Гляньте-ка – «оказалось, что...»! Это как надо зажмуриться, чтоб оно так «оказалось»? Неужели это не шутка? С какого это момента шимпанзе вдруг приобрели способность к деятельности, сравнимой с изготовлением олдувайских каменных инструментов и геометрических архитектурных построек, так называемых олдувайских кругов? Может быть, пока я задремал, идейно выдержанный союз в лице одного археолога и одного приматолога привел к созданию волшебной палочки или какого-нибудь эликсира для ускорения эволюции? Тогда к ним в компанию ни в коем случае нельзя допускать ракетостроителей, ибо очень скоро выяснится, что не было таких экспедиций на Луну, организовать которые обезьяний интеллект не был бы способен.

Догматическое, дарвиновское эвословие уже давно скатилось в область иллюзионизма и травли баек, но удивлять не перестает. Если даже допустить, что именно хабилисы 2 миллиона лет назад буквально усыпали Олдувай каменными орудиями (изготовленными, кстати, с осознанной целью получить острый режущий край), то почему шимпанзе с тех пор (за 2 миллиона лет эволюции!) не приблизились ни к хабилисовскому объему мозга, ни к способности самостоятельно изготовить хотя бы один инструмент, подобный олдувайскому? Но и закрыв глаза даже на такое явное противоречие эволюционной «орудийно-мозговой» схеме – зачем прилюдно говорить вещи, столь явно несоответствующие реальному положению дел? Или это – такое неловкое подыгрывание своей идее? Святая простота? Или расчет на то, что читать будут невнимательно? Такие «научные» заявления сильно отдают банальным неуважением к настоящей науке и здравому смыслу.

«Конечно, в природных условиях сейчас ни один из видов обезьян столь сложных орудийных операций (и поведения в целом) не демонстрирует, но эксперименты и наблюдения, проводимые в неволе, заставляют думать, что это объясняется не столько недостатком интеллекта, сколько отсутствием должной мотивации (Harris 1989:29–30; McGrew 1992)».

Сказанное, на мой взгляд, прекрасно иллюстрирует фразу «чего хочу, то и ворочу». Если мы пытаемся сквозь тьму веков разглядеть жизнь неизвестных нам ископаемых обезьян, то бодро умоза-

ключаем, что им там плохо, что эти невидимые обезьяны всеми силами борются за существование и в ускоренном режиме осваивают процесс изготовления каменных орудий, а также изобретают речь и развивают нормы коллективного поведения. Однако же если мы наблюдаем «наших», нынешних обезьян, то не можем не отметить, насколько этим обленившимся мерзавцам сегодня «жить стало лучше, жить стало веселей». Язык им теперь и даром не нужен, разделение труда – только по приговору суда, а уж с изготовлением инструментов совсем просто – нет должной мотивации, и отвяжись, дядя, не загораживай зеркало, тут серьезные эксперименты проводятся, а не шутки шутят.

Не думаю, что до сих пор какой-нибудь наивный практикант не предложил, хотя бы в шутку: «Ребята, а может нам, того, создать эту, как ее... мотивацию, а?». Но кому нужен эксперимент, результат которого заранее известен? Шимпанзе, будучи поставлены в «сложные» условия, наверняка, как и всякая животина, «отреагируют» чисто биологически – или вымрут, или будут убивать сородичей, но к созданию языка, к сознательному изготовлению орудий, к рациональному распределению обязанностей внутри группы – именно для качественного улучшения шансов на выживание, **вряд ли в принципе приблизятся больше нынешнего**. Обезьяна хоть до определенной степени и «умное», но все-таки животное.

«Таким образом, с одной стороны, очевидно, что интеллектуальные возможности шимпанзе и ряда других обезьян вполне достаточны для осуществления ими весьма сложных форм культурного поведения. С другой стороны, не менее очевидно, что **реализуются эти возможности редко**, и что на деле в естественных условиях поведенческий репертуар даже самых развитых приматов включает **лишь отдельные элементы культуры**, не связанные в сколько-нибудь целостную, имеющую жизненно важное значение систему».

Стоит сравнить это финальное высказывание Л. Вишняцкого с Перлом № 3 от Л. Бутовской, содержащем решительное утверждение о том, что меж человеком и высшими обезьянами качественно-го различия можно даже не искать. Однако вывод Л. Вишняцкого несколько иной – да, возможности некоторых обезьян достаточно

высоки, но то, что мы условились именовать культурой, наблюдается у них фрагментарно и ни жизненного, ни, следовательно, эволюционного значения не имеет.

...Так из-за чего тогда весь сыр-бор?

Мы-то, прямо говоря, ждали именно специализации шимпанзе к культуре, ждали от обезьяны чего-то такого...

Чего вообще, по совести, мы хотели от шимпанзе? Насколько я понял, термином «культура шимпанзе» мы изначально хотели бы именовать некое нестандартное поведение этого примата, которое в той или иной степени обособило бы нашего героя от прочего животного мира. Мы ждали примеров того, что шимпанзе способны

Одна из интриг, связанных с шимпанзе – якобы отсутствие его ископаемых предков в летописи окаменелостей. Но если сравнить черепа ископаемой южной обезьяны *Australopithecus aethiopicus* (слева) и современного шимпанзе (справа), то всё, возможно, становится на свои места – различные вариации обезьян образуют собственный, отдельный от человека биологический таксон, а его ископаемые представители отсутствуют в линии шимпанзе только потому, что их бросили затыкать эволюционную дыру в качестве «предков человека»

создать свою искусственную среду, так сказать, в пику среде естественной. То есть хоть в какой-то, хоть в самой затрапезной форме – проявили способность «покорить природу», противостоять ей не «биологически», а интеллектуально, не бегством, а осознанным наступлением – созданием орудий, построек, планированием ли задач, оптимизацией ли действий. Мы ждали от шимпанзе, что когда ему будет туго, он озаботится и в ответ на трудности расшевелит свой интеллект до осознания того простого факта, что к окружающему миру нужно даже не приспособливаться, а самому его активно изменять в нужную тебе сторону.

Ведь, наверное, этого мы ждали от шимпанзе? Но он, поганец, ничего такого нам не продемонстрировал и никакой активной гражданской и социальной позиции не занял, нагло помахав перед

нашим носом лишь фиктивной справкой от Л. Бутовской, что, мол, в плане интеллекта и возможностей (орудийной деятельности) он и так от нас практически ничем не отличается.

Л. Вишняцкий говорит, что «поведенческий репертуар даже самых развитых приматов включает **лишь отдельные элементы культуры**, не связанные в сколько-нибудь целостную, имеющую жизненно важное значение систему». Так что же, ради этих **отдельных элементов** всё и затевалось? Из-за этих отдельных элементов шимпанзе получил статус существа, качественно равного человеку? Полноте. Эволюционисты подразумевают – если животины поправила камень, чтоб орех не скатывался, то сие значит, что она приняла осознанное решение, которое в очередной раз «потренировало» ее мозг в деле развития абстрактного мышления и накопления личного опыта. Но весь гипотетический миллионолетний опыт тысяч и тысяч особей шимпанзе по выравниванию «наковальни» (слово-то какое!) для устойчивости ореха – обернулся ли он хоть каким-либо признаком, важным для выживания вида, не говоря уже о развитии интеллекта? «Где деньги, Зин?».

Для меня очевидно, что эволюционно настроенные исследователи за «культуру» обезьян охотно принимают всё подряд и порой нечто совершенно «левое». Видимо, эволюционная идея и впрямь находится в глубоком кризисе, если даже эволюционисты под культурой шимпанзе подразумевают то поведение и те действия, которые для самой обезьяны в биологическом и эволюционном плане не играют практически никакой роли. Под культурой же шимпанзе в самом широком смысле они эмоционально подразумевают лишь **уникальную способность этих приматов** в силу особенностей их строения **быть похожими на нас** – причем, действительно, быть похожими до такой степени, что это часто сбивает с толку и кажется проявлением обезьяньего интеллекта. А уж в быту человек и вовсе склонен всячески подыгрывать шимпанзе в этом человекообразии, одевая этих существ в свою одежду, сажая на весла в лодке и обмениваясь улыбками и рукопожатиями. Очень эффектно смотрится шимпанзе в скафандре космонавта – создается комичное ощущение, что обезьяна едва ли не по собственной воле, без участия человека, собралась осваивать космос.

Авторитетная исследовательница, прожившая среди шимпанзе много лет, Джейн Гуделл, говорит:

«...Проводить прямые параллели между поведением обезьян и поведением человека неправильно, так как в поступках человека всегда присутствует элемент нравственной оценки и моральных обязательств, неизвестных шимпанзе».

И это качество является принципиальным в понимании проблемы. Иначе мы навек обречены задавать вопросы без ответов и в своем стремлении подыграть этой ангажированной идее вынуждены будем сместить почтенную публику подобными исследовательскими «успехами» в тяжких поисках эволюционного становления обезьяньей личности:

«Учитывая значимость кооперативного поведения для выживания, ученый (Франс де Вааль. – А.М.) высказывает уверенность в том, что исследования (капуцинов. – А.М.) проливают свет на эволюционную основу важного элемента существования человеческого общества – принципа **«ты мне – я тебе»**, который применим не только в экономике, но и в человеческой морали, где одно доброе деяние может обернуться другим» (Н. Максимов).

Вот тебе, бабушка, так сказать, и юрьев день. Вот тебе и две тысячи лет христианства. Если принципом человеческой морали является «ты мне – я тебе», то тогда – да, действительно, незачем копыя ломать, разница меж обезьянами и представителями столь «морального» человечества – исключительно количественная.

Завершая обзор главы «Культура и карьера шимпанзе», естественным будет спросить – а правомерно ли вообще с нашей стороны ставить вопрос о возможности изучения поведения шимпанзе на предмет поисков эволюционной связи с человеком? Самые простые вопросы способны обернуться тут головной болью для эволюционно ориентированного исследователя. Например, если навыками культуры обладают все три ветви, разошедшиеся от общего предка (человек, шимпанзе и орангутан), то спрашивается, когда эти навыки возникли – до разделения или после? Что тут и кого тут изучать, если мы даже не знаем – был ли унаследован тот или иной «признак» у трех представителей от общего предка или в трех ветвях появился независимо? И почему обезьяны более низкого ранга в деле проявления элементов «культуры» частенько «отбирают хлеб» у высших, например, те же «умные» капуцины (которые пы-

таются сбивать камнями замки с клеток или, скажем, обтирают слизь с пойманной квакши о древесную кору)?

Эволюбы не понимают, что те же лелеемые ими шимпанзе способны доставить эволюционизму гораздо больше неприятностей, нежели помочь – например, трудно понять, почему ранние представители двух ветвей, человека и шимпанзе, эволюционировавшие примерно в одинаковых условиях, пришли к столь поразительно разным результатам? Или взять миф о генетической и биохимической близости человека и шимпанзе как о лучшем доказательстве нашего эволюционного родства. На самом деле такая близость «внутреннего устройства» просто режет всю светлую эволюционную картину – при столь малой генетической разнице (1–5%) в строении наших с шимпанзе геномов зримая всем огромная морфологическая и психофизическая дистанция меж этими двумя видами не может быть объяснена с точки зрения синтетической эволюции.

А ларчик, как мы уже говорили, открывается просто. Для эволюционистов слишком силен соблазн видеть в человекообразии шимпанзе наше с ним эволюционное родство – при этом они возводят *«отдельные элементы культуры»* шимпанзе в некий качественный признак, что, разумеется, есть фикция. Как ни крути, а шимпанзе не обладают понятийным мышлением, то есть способностью самостоятельно формировать отвлеченное представление о предмете. Я ни в коей мере не отрицаю наличия у шимпанзе своеобразного интеллекта и своеобразного «мышления», но, судя по всему, действительно, у обезьяньих способностей есть свой четкий, физиологически обусловленный предел. Так и выходит, что рассматриваемая нами глава должна называться не *«Культура и карьера шимпанзе»*, а *«Как добрые люди из «отдельных элементов культуры» сделали шимпанзе карьеру»*. Другая точка зрения, которая заслуживает, как мне кажется, гораздо большего внимания – это не-эволюционные причины человекообразия высших обезьян.

Ученые-практики совершенно справедливо используют биологическое сходство шимпанзе с *Homo sapiens* в тех областях, где шимпанзе может реально помочь человеку. А «идейные» попытки вывести из поведения шимпанзе некие знания о нашем эволюционном прошлом мне представляются пустой тратой времени. С тем же успехом можно заставлять корову нырять в сельском пруду, чтобы пытаться понять поведение кита и найти ответ на вопрос – почему сухопутные млекопитающие перешли к жизни в водной среде?

Часть IV

Итак, в предыдущих частях наших комментариев мы пытались проследить некоторые моменты, связанные с происхождением человека. Для выяснения обстоятельств мы привлекли палеоантропологию, сравнительную анатомию и даже «чуть-чуть» генетики, но пришли к заключению, что о своих эволюционных предках корректно рассуждать можем только в логике дефицита: «Если необходим родственник, а в чистом поле стоит лишь одинокий телеграфный столб, то в родственники нужно взять его». Далее мы попытались разглядеть своих эволюционных предшественников в рядах самых близких членов нашего человеческого семейства, но и тут пришли к выводу о полной бесперспективности подобного занятия – как ни крути, а семья Ивановых происходит все-таки от дедушек и прадедушек Ивановых, а их кошка Мурка имеет своими предками никого иного как кошек. Далее – развивая кошачью метафору – мы попытались выяснить – а не могли ли дедушки и прадедушки Ивановых происходить от неизвестных предков кошки Мурки, и, если могли, то каков был бы механизм этого процесса? На этом пути нам также наград и благодарностей не досталось, зато шипов и терний перепало в избытке – оказалось, что для подтверждения правоты эволюции главную роль играют не факты, а фантазия и ораторское искусство, а уж о гипнозе публики можно только мечтать. Как убедить этих антиэволюционных маловеров, что если камень катится с горы, то с тем же успехом может катиться и в гору? Последней идеей была демонстрация живого экспоната. Перед изумленной публикой был явлен очередной эволюционный козырь – живой пан троглодит с палкой в руке и карточками для счета и комбинации из двух слов. Публике был задан интригующий вопрос: «Вам это никого не напоминает?». В итоге выяснилось, что хотя сходства с Эйнштейном практически никакого, но оно б имелось непременно, если бы нынешние обезьяны не были такими обленившимися и медлительными дармоедами.

Но нет худа без добра, нет отрицательного результата без накопленного опыта. Зато сразу после этих слов стало ясно, из кого мы будем «вытрясать» эволюцию в следующих главах книги. А именно – из вымерших, ископаемых обезьян, к этому времени (к

концу книги) уже плохо различимых сквозь дымку наших абстракций, растерявших всякую индивидуальность и принявших форму облака над Олдувайским ущельем (потому что, сказать по правде, в последних частях книги речь идет, хм, вообще непонятно о ком. Это не конкретные виды каких-нибудь австралопитеков, не «гоминиды», а просто «наши предки», «ископаемые обезьяноподобные существа», проложившие нам магистральную дорогу к разуму и гордому званию высших приматов).

А ведь это замечательная идея! Если изучение поведения живых обезьян нам не помогло, то изучение каких обезьян нам нужно предпринять далее? Правильно! Изучать поведение обезьян вымерших. А что, скажите на милость, еще остается делать? К тому же здесь у нас ни границ, ни горизонтов – наши оппоненты будут бесильны нас проверить и что-либо нам возразить. Наши фантазии да пребудут с нами! Так сказать, «а ну-ка, отними!».

...Хочу заметить, что рассматриваемая здесь последняя часть книги Л. Вишняцкого имеет свою «очередную» характерную особенность. Суть ее заключается в том, что в этой части мы вынуждены будем за компанию с эволюционистами играть в предложенную ими игру, рассматривая заведомо бесполезную для познания ситуацию – искать и пытаться понять причины событий, которых в реальности не происходило. Если в предыдущих частях книги любое из утверждений Л. Вишняцкого могло быть хоть в какой-то степени проверено, то в последних главах ситуация предстаёт нам в полном отрыве от всякой реальной почвы. Даже в той части наших комментариев, что была посвящена поискам механизмов эволюции, можно было указать автору на некоторые противоречия в его собственных суждениях – теперь же мы вступаем в игровой зал, где некие дяди для подтверждения своих заблуждений будут намеренно создавать всяческие экзотические ситуации.

Если говорить прямым текстом, то ученые о «ключевом моменте антропогенеза» – мифическом переходе обезьян к «культурной революции» – сегодня не могут сказать, то есть, придумать ничего даже более менее последовательного. Весь нынешний «научный» антропогенез – это, обобщенно говоря, одна большая умозрительная модель, попытка реконструкция имеющихся палеоантропологических материалов в ключе определенной материалистической парадигмы. Причем, модель, которая, как уже говорилось, трещит

по всем швам от каждой новой находки.

А цена моделированию непроверяемой ситуации известна. Загорись мы желанием получить происхождение человека от дерева или даже от телеграфного столба, мы бы достигли не менее замечательных результатов. Например, известные геологам полистраты – вертикальные окаменелости древесных стволов, пронизывающих отложения карбона, можно было бы истолковать как нашего общего с телеграфным столбом ископаемого предка, точку разделения двух линий. Эта модель при желании подтверждается любыми независимыми методами датирования – по карбону мы получаем время расхождения наших ветвей в N лет, и те же N лет получаем по генетической датировке, то бишь процентную разницу в геномах человека и современного дерева умножаем на скорость мутаций, которую подбираем с учетом того, что человек и телеграфный столб... разошлись от общего предка в карбоне! Еще одно подтверждение этой модели мы получаем в нашем фольклоре, где память о предке-столбе просто неизбежна. Главная дорога у человека именуется «столбовой», занять выгодную позицию – «застолбить», а какой-нибудь академик Фоменко легко найдет «столб» даже в слове «остолоп». Даже в Библии находим примеры, трактуемые нами как случаи внезапного сбоя генетической программы, когда некоторые люди в буквальном смысле опять превращались в столб, хоть и соляной (жена Лота). Но очевиднее всего родство человека с телеграфным столбом подтверждается на поведенческом уровне. В расторможенном состоянии (в нетрезвом виде) у человека просыпаются его древние столбовые инстинкты – он склонен проявлять повышенное внимание к каждому столбу, обнимать каждого из этих родственников поочередно и испытывать к ним чувства даже более сентиментальные, чем к собственной жене. В состоянии оцепенения человек также «вспоминает» свое столбовое прошлое – про него говорят: «остолбенел» или спрашивают: «Ну, что ты встал как столб?» и т.д. Случайно ли первоклассники начинают свой путь познания и обучения со счета «в столбик»? Более того. Наблюдение за поведением телеграфных столбов в рамках международной программы «Культура столба» подтверждает поразительное сходство с нами этих наших древних родственников. В частности столбы падают на землю точь-в-точь как люди. Столбам, как и людям, свойственно прямостояние. А некоторые столботоло-

ги даже считают, что в качественном плане разницы меж столбом и человеком не существует – каждый год приносит все новые и новые тому подтверждения...

Но я отвлекся.

Итак, прежде чем мы приступим к рассмотрению последней части книги Л. Вишняцкого, я хочу еще раз напомнить, что не только не верю в эволюционный сценарий антропогенеза, но и **не принимаю его рационально**, с точки зрения научной методологии, как не подтвержденный ни единым бесспорным фактом, да и в принципе в нынешнем виде не подлежащий проверке, то есть находящийся за рамками научного рассмотрения. Это чистейшая фантазия. Но дело тут даже не в том, что «оно не научно», а в том, что «оно» – неправда. С этой точки зрения можно было бы задать себе вопрос – стоит ли вообще комментировать чьи-то явные измышления, призванные не прояснить ситуацию, а подыграть своей догме? Стоит ли рассматривать чьи-то фантазии, скажем, на тему причин перехода обезьяны к прямохождению, если сам тезис представляется мне ложным? Что за смысл, например, обсуждать чью-то храбрость, основанную на том, что собеседник во сне или в компьютерной игре пачками укладывал монстров?

Так стоит ли все это рассматривать?

Мой ответ – будем рассматривать однозначно. Потому что эволюционную беллетристику только и должно рассматривать в терминах беллетристики, вышибать клин клином. Когда кто-то выдает свои сны за правду, моя роль более чем скромна – в кругу собравшихся просто уточнить, что это – сны. Целью моих комментариев является собственно не критика книги Л. Вишняцкого, а по возможности объективный, хотя и самый поверхностный обзор положения дел, существующих сегодня – не в науке, нет! Боже упаси! – а в той ее области, о которой **можно рассуждать, не будучи специалистом** – ибо область эта – идеологическая, догматическая бодяга, это не наука, но всего лишь партком при настоящей практической науке, отдел пропаганды, эволюционное ОТК на научную «благонадежность». И если кто-то скажет о моих записках: «это ненаучно», я буду долго удивляться предположению, что могло быть еще как-то иначе. Нет, если сюжеты о прямохождении и культурной революции у древних обезьян – это чистая фантастика, то по трудам и праздник, по фантазиям и «научность».

В принципе я ничего не имею против теории эволюции как таковой. Теория эволюции в ее дарвиновском варианте есть последовательная, научно сформулированная концепция, на сегодняшний день опровергнутая фактами. Но та сладкая материалистическая сказка, что сегодня именуется «синтетической» теорией эволюции, говоря словами А. Любищева, «связана с рядом методологических, логических и философских предрассудков». Вот это уже точно непроверяемая беллетристика. «Лягушка превратилась в царевну, но только не как в сказке, а по-нашему, по-научному – путем постепенного накопления мутаций!». Повторяю, я лишь против религиозного фанатизма, окружающего эту шоколадную сказку, которая, к сожалению, еще имеет огромную инерционную силу – если рассказчикам этой сказки не хватило даже 150-ти лет, чтобы убрать из школьных учебников грубую научную ошибку, «закон рекапитуляции» Геккеля...

Олдувайское ущелье, огромный тренажерный зал для прямохождения

...Однако, что мы всё о грустном? Надо закончить эти комментарии, придать им целостность. Поехали дальше.

Итак. Уважаемый Л. Вишняцкий, как-то уже и не вспоминая о варианте искусственного происхождения человека, пишет:

«При всем разнообразии гипотез, объясняющих появление людей, во главу угла почти неизменно ставятся два события, которые, как считается, имели ключевое значение для начала процесса гоминизации. Эти события – переход части высших обезьян (гоминоидов) от преимущественно древесного образа жизни в лесах к преимущественно **наземному существованию** в открытых или мозаичных ландшафтах, и освоение ими **прямохождения**».

По прочтении этой фразы сразу вспоминаются все постановочные трюки с шимпанзе из предыдущей части комментариев. Там было хоть и со скрипом, но признано, что экспериментальным путем эта гипотеза нынче не подтверждается. Ну, предположим. То,

что «получилось» у одних, никак не получается сегодня у других, хотя те «одни» вымерли в неизвестности, а эти другие (современные шимпанзе) благополучно пережили все катаклизмы и счастливо живут рядом с нами. Причем, «счастливо живут», это оговорка. За последние 50 лет вмешательство человека в жизнь африканской природы привело к массовому вымиранию шимпанзе, вплоть до того, что вид этот стоит на грани исчезновения. То есть, шимпанзе и тут выступили свидетелями против эволюции – вопреки эволюционному сценарию не бегут из вырубленных лесов, не чешут в затылке – «как нам обустроить саванну», а стремительно вымирают, каковая реакция, при всем сожалении, является более правдоподобной, чем эволюционная.

В настоящей науке есть правило – если предполагаемое событие не наблюдается, не подтверждается экспериментом и вообще не поддается проверке, то оно должно быть отвергнуто. Однако для эвосолов совсем не обязательно, чтобы рассуждения были подкреплены фактами, да и вообще соответствовали реальности. Что же, давайте и мы допустим – то, чего не продемонстрировали нам нынешние обезьяны, продемонстрировали обезьяны древние. Так сказать, за себя и за того парня.

Кстати, хочу заметить, что наименование наших гипотетических предков гоминид «гоминоидами» представляется мне не вполне обоснованным, «преждевременным» для этих существ – с тем же основанием любое неотесанное полено мы вправе именовать «буратиноидом» (шутка).

«Считается, что первое (переход к наземному существованию. – А.М.), поставив предков гоминид перед необходимостью приспособления к новой, непривычной среде, подталкивало их к поиску новых экологических ниш и стимулировало развитие орудийной деятельности, социальности и т.п., а второе (освоение прямохождения. – А.М.), имевшее результатом освобождение передних конечностей от опорно-двигательной функции, являлось необходимой предпосылкой такого развития».

«Подталкивало их к поиску новых экологических ниш...». Меня всегда удивляли такие «бюрократические» формулировки. Как

будто экологическая ниша есть какое-то физическое понятие, ее поиск есть реальный ежедневный поиск, «подталкивание к поиску» есть некая реальная физическая сила, а в «необходимости приспособления» есть какая-то поставленная и осознанная цель. Подобные слова всегда более похожи на попытку украсить наукообразием какую-нибудь пустую фантазию. Но – «коллега, мы-то с вами понимаем, что никакого пульса нет!» (анекдот). Мы-то понимаем, как оно бывает в реальности. В катастрофических условиях изменения экологии популяция просто гибнет. Если она гибнет не вся, и часть ее оказывается в стрессовых условиях обитания, то приспосабливается она по биологическим меркам к изменившимся условиям моментально. Группа животных или вымрет, или выживет «здесь и сейчас», ещё в этом поколении, а то в следующем, так сказать, будет поздно! Из сказанного следует, что выход из проблемной ситуации животное или группа животных находит не **культурный**, а именно естественный **биологический**. И другого выхода конкретной, попавшей в стресс популяции «искать» не нужно, другой выход ей просто «не подходит», да и просто не реален ввиду краткости отпущенного времени.

Если же новые условия обитания ненамного хуже прежних, то стимула «изобретать колесо» у животного тем более не будет. Лично я не думаю, что если обезьяна перейдет на другую пищу, то в результате этого у нее появится образное мышление.

«Если бы удалось объяснить, что именно привело к смене среды обитания, что обусловило изменение способа передвижения, и, главное, почему эти два события сделали невозможной (или недостаточной) адаптацию обычным биологическим путем, подтолкнув к реализации культурного (то есть, прежде всего, интеллектуального) потенциала, то главную проблему антропогенеза можно было бы считать в общих чертах решенной».

Э-эх, если б удалось... Это звучит как – если б удалось доказать, что $2 \times 2 = 5$, то мы бы показали, что все наши профессора невежды в математике. Или – вот если б удалось получить кита из коровы, мы бы доказали, что для эволюции нет ничего невозможного. Причем, я здесь нисколько не иронизирую над «завышенными требованиями»

ми» Л. Вишняцкого, а лишь делаю акцент на их изначально голословной посылке. Телега здесь пытается подталкивать лошадь, которая, увы, уже дохлая. Если даже допустить реальность существования заявленных эволюционных процессов, то с чего мы взяли, что именно два декларируемых признака явились ключевыми в предположительном процессе гоминизации обезьян?

То, что представляется убедительным в кругу некоторых эволюционных «Уэллсов» и «Ефремовых», неубедительно, повторяюсь, даже с точки зрения рассмотренных нами примеров из современной

Ученые до сих пор не представляют, как может выглядеть промежуточный тип ходьбы между четвероногостью и полноценной вертикальной ходьбой, которая является принципиально иным типом движения и с точки зрения эволюции требует радикальной перестройки опорного аппарата в течение долгого времени.

И тут эволюционизм не спасают ни большие сроки, ни счастливые случаи, а, напротив, сеет сомнения в душу простой и убедительный пример, так сказать, наличия вокруг нас множества высших приматов, доживших до наших дней без всяких «культурных» заморочек.

Если описываемая гоминизация происходила бы в действительности, то **переход обезьян к наземному существованию и прямохождение** лично мне, завзятому волюнтаристу, представляются совершенно недостаточными и просто убогими событиями для того, чтоб быть причиной культурной революции и запустить на полные обороты процесс превращения обезьяны в человека. На возможную просьбу обосновать сказанное я не буду рассуждать о всяческих энергетических невыгодах, а отвечу прямо, как беллетрист беллетристам – само такое предположение убого. Убога эта энгельсовская

отрыжка и наивное материалистическое убеждение, что какие-то физиологические процессы могут привести к «духовному», к «призрачным вещам», к неслыханным положениям, которые сама же «материя» вкупе с ее сестрой физиологией пытаются вытоптать на протяжении всей человеческой истории. Рублев, Пушкин – слыш-

ком серьезные последствия для того, чтоб иметь своим началом причуды обезьяньей физиологии. Причем, такие вещи обычно не принято доказывать – те, кто чувствует и понимает это, те «свои» и узнаются, так сказать, с первого взгляда, а те, кто считает, что «для эволюции нет ничего невозможного», так тем и... хм, ветер им, как говорится, в парус.

«Между тем, более или менее ясен ответ лишь на первый из перечисленных вопросов (подробней об этом говорится дальше), тогда как относительно причин и следствий перехода к прямохождению разброс во мнениях очень велик, и степень ясности здесь обратно пропорциональна все растущему числу гипотез».

Интересно, что автор за компанию со всем эволюционным лагерем не сомневается в «правильности выбора» причин гоминизации. Почему же именно эти два признака? Объяснение тут простое и непритязательное. Искать другие варианты «гоминизации» на стороне совершенно излишне. Чтобы обезьяна стала человеком, неизбежно требуется провести ее через два момента – как ни крути, а ей надо слезть с дерева и овладеть прямохождением. Почему бы, действительно, коль такая оказия, не объявить эти два момента ключевыми для запуска антропогенеза? Очень удобно и без затей. Чему, кстати, подтверждение в следующих словах:

«Несмотря на то, что эволюция прямохождения рассматривается сейчас как **критически важный элемент процесса гоминизации**» (Rose 1991: 38) и что лишь очень немногие темы, связанные с изучением антропогенеза, «вызывали столько дискуссий, сколько их вызывает происхождение двуногости» (Jablonski, G.Chaplin 1992:113), это событие остается плохо понятным, являясь, по выражению Д.Гебо, «одной из наиболее живучих загадок палеоантропологии» (Gebo 1996:55). В теоретических построениях, постулирующих те или иные последовательности взаимообусловленных событий в эволюции человека, **этот пункт является тем самым звеном, из-за непрочности которого рассыпается вся цепочка**. Поскольку же обойтись без этого звена невозможно, то необходима его «реставрация».

Казалось бы, с точки зрения эволюционной модели всё логично. Действительно, от момента подъема обезьяны с «четверенок» не отмахнуться, объяснять его так или иначе придется. То есть, если бы следов в Лаэтоли и истории с суставом Люси не было, их следовало бы выдумать.

Но с точки зрения не-эволюциониста в этом пункте никакой особой логики нет – цепочка без объяснения причин прямохождения ничуть не рассыпается. Камень преткновения лежит вовсе не здесь, он не в объяснении феномена прямохождения, а в необходимости хотя бы для начала доказать, что именно эти признаки – прямохождение (или освобождение рук для труда, смена рациона питания и прочая физиология) как-то связаны с возникновением **человеческого сознания и культуры**. Не говоря уже о том, что если Бог как причина человеческого разума эволюционистами не рассматривается, то им нужно показать не только принципиальную возможность возникновения **разума** с помощью физиологических причин, но и **механизм такого возникновения** (а не только умозрительно описать процессы, якобы ему способствовавшие, типа «освободились руки – стал больше думать» и др.).

«Мысль о том, что двуногость человека, способствующая освобождению рук, явилась важной предпосылкой развития разума и культуры, была достаточно распространена уже в прошлом и позапрошлом столетиях (Гельвеций, Гердер, Ламарк, Уоллес, Дарвин, Геккель, Энгельс). При этом, однако, возникновение самого данного свойства не получило объяснения».

Да, это публика авторитетная. Даже креационист Ламарк в своей классификации не нашел для человека отдельной жилплощади, а поселил его с обезьянами в одной коммуналке. Пример этих «классиков» – лучший пример того юридического положения, что доказывать свои фантазии должна утверждающая сторона. Если человек был создан искусственным образом и получил знание об этом от самого Творца, то ему оставалось только передавать это знание следующим поколениям. Но затем появились люди, которые заявили, что записанное Моисеем в Библии не соответствует действительности. В любом случае (может быть, действительность непра-

вильно понята ими) – свои новые утверждения они взялись доказывать, но... до сих пор эти утверждения как минимум не доказаны.

До сих пор эво-антропогенез задним числом лишь рассматривает сомнительные признаки и описывает сомнительные причины признаков, якобы способствовавших возникновению человеческого разума, но возникновение самого разума, его необходимость в качестве биологической альтернативы выживания материалистической наукой не понимаются абсолютно. С теологической точки зрения здесь все изумительно просто – созданный Богом **искусственный разум человека** сам создает **искусственные орудия труда и произведения искусства**. Он **искусственным** образом изменяет «естественную», «неразумную» среду и ждет столь же **искусственных**, как и он сам, сигналов из «естественного» космоса (при этом выясняется, что в обозримом космосе он один такой **искусственный**).

Классический же эволюционный антропогенез в вопросе возникновения разума обречен буксовать до скончания времен, в лучшем случае просто «молчать, чтоб не позориться» – ибо происшедшее с человеком на Земле совершенно необъяснимо с материалистических позиций. А именно – «естественная» среда каким-то образом создала искусственный разум, и

Экспедиция М. Лики в Кении зимой 2004 года. © 2004 by Bob Campbell & the KFRP

этот разум принялся эту породившую его «естественную» среду делать искусственной. Ранее Л. Вишняцкий уже высказывал общее мнение эволюционизма, состоящее в том, что человек искусственно изменял среду, а измененная среда «в ответ» влияла на человека, делая его еще более «искусственным». Что же, человек делал орудия труда, и приобретаемый опыт развивал его мозг? Удивительно, какую риторическую чушь обречены вещать адепты эволюционизма. Нет уж, человек делал орудия труда и накапливал опыт именно потому, что он как искусственно созданное разумное существо просто изначально обладал способностью понимать, что он

делает и способностью накапливать опыт.

Впрочем, глупо требовать от материалистов невозможного. Интересно, что Бог для материалистов является лишней, избыточной сущностью, отсекаемой бритвой Оккама, но человеческий разум на стадии его возникновения таковой сущностью для них не является. Любой эволюционист скажет, мол, это признак, полезный для выживания, и почему бы отбору его не пропустить? Однако в случае с современными человекообразными обезьянами эволюционист говорит прямо противоположное – культура в нашем понимании является для обезьян избыточной сущностью, так как свои проблемы они решают естественным биологическим путем.

«Теперь большинство авторов, затрагивающих этот вопрос (причину перехода гипотетических предков к двуногости. – А.М.), стремятся показать, в чем именно это новое свойство давало преимущества его обладателям, почему возникла потребность в изменении способа передвижения, и что обусловило действие отбора именно в данном направлении. Сторонники такого подхода считают переход к двуногости приспособлением к меняющейся среде обитания, а само прямохождение, соответственно, полезным в новых условиях качеством, повышающим шансы его носителей на выживание».

Называя такую точку зрения «адаптивистской», Л. Вишняцкий бегло перечисляет существующие на сей счет гипотезы появления двуногости. Все они подразделяются на три группы.

«Гипотезы первой группы наиболее многочисленны. Самая известная из них, которую вслед за Дарвином и Энгельсом приняли многие позднейшие авторы (Washburn, Howell 1960; Dobzhansky 1962:194; Harris 1988:32), связывает прямохождение с **орудийной деятельностью**, развитие которой мыслится обычно как **одновременно и причина, и следствие перехода к двуногости**».

«Если долго смотреть на луну, можно стать идиотом» (реплика из фильма А. Рогожкина). Но у эволюционистов эта привычка к ходьбе по кругу зародилась еще, как мы видим, со времен Дар-

вина и Энгельса. Необходимость выживать заставила обезьяну взять камень в руки и работать, поэтому ей ничего не оставалось, как встать на задние лапы и ходить «на том, что осталось». С другой стороны работа, труд – сделали ее человеком, а человек на четвереньках не ползает, человек – это звучит гордо. Сегодня «трудовая теория» находится в том же пыльном чулане, где и «закон рекапитуляции Геккеля». В приличном обществе их стараются не показывать и достают из чулана только по очень большим эволюционным праздникам.

«Высказывались также предположения, что освобождение передних конечностей было продиктовано необходимостью **отпугивать хищников**, бросая в них камни (Fifer 1987) или размахивая колючими ветвями (Kortland 1980), **переносить пищу** (Hewes 1961, 1964) **или детенышей** (Lovejoy 1981), **сигнализировать жестами** (Lovejoy 1981), **охотиться** (Read 1920) и так далее».

Сам Л. Вишняцкий на таких курьезах не задерживается, но мы чуть притормозим. Нельзя не поразиться эволюционной смекалке и изобретательности. Официальная эводоктрина гласит, что наши обезьяноподобные предки были поставлены в стрессовую ситуацию – по тем или иным причинам им пришлось оставить леса и выйти в открытую травянистую, местами редколесную саванну. В таких же условиях сейчас живут, например, павианы. Вообще пример павианов – достаточно сильное свидетельство против эволюционизма. Павианы в группе способны отогнать хищника даже от его собственной добычи. Нередки случаи, когда павиан в одиночку выходит победителем из схватки с леопардом. Павианы не бросают камней и не размахивают ветками – они берут числом и нахрапистостью: орут, визжат, «рвут на груди тельняшку». Павианам никакая эволюция не указ – они четвероноги, они отлично приспособились естественным биологическим путем к жизни на опасной открытой местности.

Переносить пищу – и стать прямоходящим? Это ж сколько её, так сказать, нужно перетаскать? А детенышей у приматов принято «возить» на спине. Как это вообще эволюционисты себе представляют? Брать детенышей на руки, чтоб потерять мобильность? Чего

только не придумаешь, чтобы занять обезьянам руки и заставить их ходить вертикально! А что означает фраза «сигнализировать жестами»? Это еще труднее представить. А почему сразу не дирижировать оркестром? Образно говоря, обезьяны до того досигнализовались, что стали прямоходящими. Начнет какой-нибудь предок на охоте орать на весь Олдувай: «Братва, тут крокодил! Крокодил!», а коллеги ему: «Тс-с-с! Придурок, у тебя что, рук нет? Сигнализируй!». А уж причина бипедализма, заключенная в слове «охотиться» мне вообще непонятна. Видимо, авторы гипотезы хотели сказать – «перестать охотиться»? Если хочешь «остаться дома» или отстать от группы, испугавшись предстоящей схватки, вставай на задние лапы. Как в известном фильме – «а не слишком ли мы быстро бежим [за преступником]? – подумали полицейские».

«Авторы *гипотез второй группы* полагают, что гоминиды выпрямились либо вследствие необходимости **дальше видеть и лучше ориентироваться** в саванне, где хороший обзор требовался и для поисков пищи, и для своевременного **обнаружения опасности** (Ravey 1978; Бунак 1980:28)».

Ах, эта замечательная способность человеческого разума – умение фантазировать... Если вам непонятны какие-то моменты антропогенеза, рекомендую посмотреть фильм «Одиссея человека» (международный проект крупнейших информационных корпораций). В нем как раз отдано предпочтение этой версии – «нужно было выглядывать из травы, поэтому предок стал двуногим». Если вы еще верите в сценарий перехода животных от четвероногости к прямохождению, обязательно посмотрите этот фильм. Фильм очень красивый, с навороченной компьютерной графикой, но самый достоверный персонаж там – ведущий, а всё остальное «прямохождение» вызывает жалость. Больно смотреть на компьютерных австралопитеков, которые изображают двуногость во время движения по саванне – и колбасит их, и плющит, а они, молодцы такие, на четвереньки опускаться уже не желают.

Так вот ты какая, бипедальная локомоция...

Нет уж, встали – так встали (мне очень понравилась фраза из сюжета о Люси: «Недоразвитый мозг австралопитека сверлит одна и та же мысль...»).

«...либо потому, что это позволяло им использовать конечности и тело в целом как **средства коммуникации в конфликтных ситуациях**, для снятия напряженности в отношениях между особями и группами и предотвращения физических стычек (Jablonski, Chaplin 1992, 1993)».

То есть, миллионы лет разнимали дерущихся, и руки были так заняты, что, как и в энгельсовском примере, пришлось ходить на том, что осталось!

«Высказывалось также предположение, что ортоградность гоминид является результатом приспособления к жизни **на шельфе, в водной среде** (так называемая «акватическая» гипотеза: Hardy 1960; Ибраев 1988; Линбладт 1991)».

То есть, вообще – фантастика, плавать они не научились, но двуногими в воде стали. Это предположение даже забавно – опорно-двигательный аппарат животных перестраивался в расчете на минимальные нагрузки в воде, а «применялся» на суше. Сколько часов в день «предки» проводили в воде, чтобы без этого признака уже нельзя было обойтись?

«Терморегуляционная (Wheeler 1984, 1988) и биоэнергетическая (Rodman & McHenry 1980; Фоули 1990 [1987]: 225–226) гипотезы (это *гипотезы третьей группы*. – А.М.) объясняют возникновение прямохождения, соответственно, либо тем, что вертикальное положение тела при интенсивной дневной активности в жаркой саванне предохраняло гоминид от **теплового стресса**, либо большей **энергетической эффективностью двуногости** человека по сравнению с четвероногостью человекообразных обезьян».

Это еще что! Я слышал байку, что объем мозга у гоминид увеличивался в качестве защитной реакции от перегрева... А тут какая-то двуногость!

А в принципе очень неплохое объяснение – энергетическая защитная реакция организма. Глубоководные рыбы ушли на глубину от солнечного перегрева, а не-глубоководные – напротив, стремились погреться на солнце. Наш предок без лица и без имени (и Л. Вишняцкому, и авторам «Одиссеи человека», и вашему покорному слуге всё время приходится напрягаться с одним и тем же перебором – «предки», «существа» и т.д.) – так вот, наш «предок» вставал на задние лапы днем, но ночью он, надо полагать, снова опускался на четвереньки? Молодец какой, никто из приматов даже мизинцем не пошевелил, чтоб таким экзотическим образом защищаться от перегрева, а он один додумался.

Все эти варианты, конечно, друг друга стоят. В эту игру можно играть до бесконечности – почему суслики и белки, грызущие орехи, не перешли к двуногости? А почему цапля не перешла к одноногости? Почему к двуногости не перешли лошади, тысячелетиями встающие на дыбы? А почему клоуны не переходят к постоянному передвижению на одноколесном велосипеде, если они на работе занимаются этим с утра до вечера? – и т.д.

Л. Вишняцкий, впрочем, весьма скептичен к приспособленческим гипотезам:

«Многочисленность одновременно существующих «адаптивистских» объяснений перехода к прямохождению, наряду с отсутствием среди них сколько-нибудь широко принятых, уже сама по себе является показателем их слабости. Значительная часть этих объяснений основана либо на явном преувеличении роли разовых, спорадических действий (бросание, размахивание, жестикуляция, перенос объектов), с которыми многие современные обезьяны **легко справляются, не меняя образа жизни и передвижения** (cf. Rose 1991: 42), либо на допущениях, не подкрепленных абсолютно никакими фактами («акватическая» гипотеза). Другая часть гипотез, прежде всего те, что были выделены выше в третью группу, апеллирует к таким преимуществам, связанным с прямохождением, которые могли проявиться лишь уже при полностью сформировавшейся человеческой двуногости, но были бы практически совершенно неощутимы в процессе ее развития, особенно на ранних стадиях перехода (Steudel 1994, 1996)».

Абсолютно согласен. Обилие объяснений есть первый показатель растерянности. Хотя в данном случае более применима мизансцена: «Почему не потушили пожар?». – «Во-первых, не было воды. Во-вторых...». – «Хватит, дальше не продолжайте». Тут каждое такое «объяснение» способно зарезать двуногость вместе с обезьяной, ибо воды, то бишь эволюции, просто не было.

Что касается меня лично, то я отнюдь не против обезьяней двуногости – пусть себе ходят на здоровье. Я уже говорил, что не верю именно в декларируемую эволюционную двуногость – обезьянье прямохождение, унаследованное человеком. А обладали ли двуногостью ископаемые «догоминидные» обезьяны, а также обезьяны типа Люси или хабилиса, для меня это по большому счету не важно. Наверняка обладали фрагментарной, «размазанной» двуногостью, какую-то часть пути могли пробежать вертикально. Но правда заключается в том, что южные обезьяны никогда не «превращались» в человека, и их двуногость в качестве наследия для нашего семейства – как чемпиону Сальникову умение Тузика плавать «по-собачьи».

Эх, кабы только не эволюционные стереотипы... Л. Вишняцкий, например, отвергает «орудийную» версию, но один аргумент его «научный», а второй построен на ложной догматической посылке:

Один из отпечатков человеческой ноги в Лаэтоли, приписываемых австралопитеку © 2004 V:U

«Что же касается объяснения становления двуногости адаптацией к орудийной деятельности, то ему противоречит то очевидное обстоятельство, подтверждаемое наблюдениями и над обезьянами, и над археологами-экспериментаторами, что как делать, так и использовать орудия гораздо удобнее в подавляющем большинстве случаев сидя, чем стоя. Кроме того, судя по имеющимся в настоящее время данным, прямоходящие гоминиды появились **как минимум на полтора-два миллиона лет раньше, чем первые каменные орудия** (соответственно, 4,5 и 2,7 миллиона лет назад), что также затрудняет доказательство существования прямой причинно-следственной связи между этими двумя событиями».

Были ли гоминиды прямоходящими или не были – сейчас речь не об этом, но вот именно эти решительно заявленные автором «прямоходящие гоминиды, появившиеся раньше орудий» – фикция. Этот аргумент, если читатель помнит, построен на якобы австралопитековых следах из Лаэтоли (принадлежащих человеку современного типа) и большому иллюзионистскому таланту сборщиков скелетных останков Люси. То же и с орудийным талантом хабилисов. Интересно, когда мы уже будем смеяться над тем, что по человеческим артефактам восстанавливали свою историю в ее фиктивной «обезьяньей» трактовке?

Однако, с адаптивной двуногостью сам автор спешит закончить побыстрее:

«Таким образом, оказывается, что указать какие-то конкретные преимущества, которые могли бы быть связаны с двуногостью на ранних стадиях перехода к ней, очень трудно или невозможно. По признанию одного из сторонников «адаптивистских» объяснений, убедительная причина «перехода к ортоградной локомоции ... до сих пор не найдена», и начало антропогенеза «тает в зыбком мареве неопределенностей» (Алексеев 1989:113; о том же см.: Klein 1989:400)».

Возникающий в процессе чтения вопрос: «А почему автор начал сразу с двуногости, а не с перехода животных к наземному образу жизни?», находит ответ при дальнейшем рассмотрении авторских аргументов. Становится понятно, что сам Л. Вишняцкий, «расправляясь» с адаптивистской двуногостью, готовится преподнести нам свою собственную версию.

В эволюционных писаниях мне всегда интересны ситуации, когда эволюционист для внесения новой лепты в общую копилку – вольно ли, не вольно – но каким-нибудь новым необычным предположением начинает вдруг подрезать что-нибудь такое устоявшееся... Это вроде как два большевика спорили бы между собой, кого больше любил Ленин: «Ленин любил детей!». – «Нет, он любил рабочих!». – «Нет, он любил детей, а твоих рабочих он просто ненавидел!».

Можно, например, полжизни потратить в дебатах с эволюционистами, доказывая им, что хабилисы при живых эректусах сидели

на деревьях, а тут приходит уважаемый Л. Вишняцкий и, «готовя» нас к своей версии, берет большой нож и режет под корень всю эволюционную композицию с прямохождением Люси, следами Лаэтоли и по сути даже с первыми орудийщиками хабилисами. Мы-то копыя ломали, а теперь оказывается, что:

«Еще в середине шестидесятых годов, проанализировав имевшиеся в то время остеологические данные, Дж.Нэйпир пришел к выводу, что, по сравнению с человеческой, походка первых гоминид – австралопитеков – была физиологически и энергетически неэффективной, шаги короткими, «подпрыгивающими», с согнутой в колене и тазобедренном суставе ногой (Napier 1967:63). Ходьба на большие расстояния при таком строении таза и нижних конечностей могла оказаться невозможной. О несовершенстве локомоторного аппарата австралопитецин писал в те годы и В.П.Якимов (Якимов 1966:69–70). Впоследствии близкую позицию заняли многие другие антропологи (Ashton 1981:85; Tardieu 1981, 1990:494; Jungers 1982; Jungers & Stern 1983; Susman, Stern, Jungers 1984; Юровская 1989:172–173; Stanley 1992: 245–246; Spoor et al. 1994; Clarke & Tobias 1995; Macchiarelli et al., 1996), причем изучение новых материалов, полученных в последние десятилетия в Восточной Африке, привело ряд специалистов к убеждению, что, наряду с несовершенной еще двуногостью, ранние гоминиды **сохраняли некоторые особенности скелета, связанные с древесным образом жизни** (скорее, имели некоторые особенности, указывающие на возможность фрагментарного прямохождения. – А.М.), и, видимо, действительно, **немалую часть времени проводили на деревьях** (Prost 1980; Senut 1980, 1989; Tardieu 1981; Susman, Stern, Jungers 1984; Aiello 1994:399; Boaz 1997:133)».

В африканской саванне даже Мив
Лики не спешит встать на ноги
© 2004 Bob Campbell

Эк, сколько сразу противников обезьянней двуногости набежало... Конец эволюционных фантазий на тему прогулок австралопитеков в обнимку означает, что австралопитеки жили в Лаэтоли бок о бок с сапиенсами, и миллионнолетние сроки, скорее всего, просто неудачная шутка. Но послушаем версию Л. Вишняцкого.

«Все это дает основания полагать, что первоначально прямохождение отрицательно сказывалось на приспособленности гоминид и ставило их, при жизни в открытой местности, в невыгодные условия по сравнению с близкими конкурентными видами, представители которых передвигались по земле – как, например, современные павианы, также населяющие преимущественно безлесные ландшафты – на четырех конечностях».

Ох уж эти антиэволюционные павианы! Камней не бросали, из травы на цыпочках выглядывать не тянулись, по пояс в воде двуногости не обучались... а хищники от них отступают. Разумеется, что наши гипотетические обезьяноподобные существа не могли и даже не имели права встать с четверенек без крайней на то необходимости, превышающей любую прежнюю выгоду стократно. Совершенно неясен момент с переходом – в одном поколении он совершиться не мог (не готов опорный аппарат), а по наследству такие цирковые трюки не передаются. Переход не совершался «постепенно» во многих поколениях, так как не мог иметь «средней стадии» меж принципиально разными типами передвижения, а для того, чтоб гармонично с остальными органами и прежними функциями перестроить скелет, да еще и прописать двуногость в генах, с точки зрения эволюции нужны астрономические сроки. Поэтому так трудно эволюционистам с их хваленым переходом обезьян к двуногости. Поэтому и приходится, отвергая одни фантастические версии, выдумывать свои, совсем уже запредельно фантастические:

«Подобное утверждение, конечно, никак не решает вопроса о причинах перехода наших предков к двуногости. Напротив, оно, как может показаться, даже запутывает проблему еще больше. Если прямохождение – качество вредное, то каким же образом оно могло возникнуть, почему было пропу-

щено отбором? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить то, о чем шла речь в четвертой главе. Один из выводов, который был там сделан при обсуждении проблемы направленности эволюции, состоял в том, что характер развития любой группы живых существ зависит не только от требований, предъявляемых средой, но и от **эволюционного прошлого** этой группы. Например, способ передвижения первых обитателей суши по земле во многом был продиктован особенностями анатомии кистеперых рыб, от которых они произошли. Вероятно, что и **прямохождение** ранних гоминид также явилось своего рода **«наследством», полученным от предшествовавших стадий развития**. Во всяком случае, очень похоже, что основные морфологические признаки, обеспечивающие передвижение по земле без участия передних конечностей, сформировались в процессе приспособления скорее еще к древесному, чем наземному, образу жизни».

Вообще-то, небольшая неувязка. По этой логике именно четырехноготность должны были унаследовать «наши предки», но никак не двуноготность. Но это пока еще только присказка. Л. Вишняцкий, справедливо отвергнув все байки о зарождении двуноготности на земле, предполагает, что она, эта двуноготность, могла появиться у обезьяноподобных существ не после прощания с древесной жизнью, а... **еще во время пребывания на деревьях**. Тут, правда, даже у автора не поворачивается язык произнести пугающие слова: «ходьба в ветвях», и он выражается более научно — «древесная локомоция».

«В качестве исходного типа древесной локомоции, обусловившего формирование анатомических предпосылок прямохождения, рассматривают сейчас чаще всего либо **вертикальное лазание** (Prost 1980; Fleagle et al. 1981; Senut 1989, 1992; Tuttle 1994), либо **брахиацию** (в данном случае движение с помощью перехватывания веток руками. — А.М.) (Юровская 1989; Krantz 1991), которые могли также сочетаться между собой и дополняться другими способами передвижения, требующими вертикально выпрямленного положения тела и выполнения нижними конечностями опорной функции (круриация)».

Таким образом, Л. Вишняцкий прибегает к приему перемещения проблемы из одного, уже явно проигрышного места в другое, пока еще более менее «нехоженое». Хотя совершенно очевидно, что автор, в отличие от многих своих единомышленников, вовсе не стремится «замести мусор под диван». Просто уважаемый Л. Вишняцкий как будто не замечает, что гипотеза «зарождения двуногости в ветвях» ничуть не улучшает положения, а, напротив, еще более его усложняет. Интересно, что идея эта сама по себе достаточно старая, выдвинутая еще в начале прошлого века одним из «соучастников» пилтдаунского дела А. Кийтом, но «оцененная» и подхваченная многими исследователями только сейчас. Однако предположение о том, что двуногость уже предшествовала переходу к наземному существованию, опровергается, на мой взгляд, двумя простыми фактами.

Первый (уже нами упоминавшийся, но «работающий» и в этом случае) заключается в том, что ни одна из современных древесных обезьян, кроме, разумеется, нашего гипотетического безымянного предка, подобных «полезных» вертикальных положений, похожих на «стояние», нам не демонстрирует. При древесном образе жизни строго вертикальное, «выпрямленное» положение для обезьяны даже противоестественно. Иначе выражаясь, «просто так» обезьяна на сучьях не стоит и на руках не висит. Тут дело в самом принципе древесного образа жизни. Посмотрите, например, на гиббона, летящего сквозь кроны деревьев подобно пушечному ядру, перехватывающего ветки то левой, то правой рукой, да еще по пути срывающего плоды и – уже совсем наглость! – успевающего ловить птиц. Ноги ему в ветвях только мешают, во время «полета» они поджаты к животу. Перелетные «отрезки» гиббона достигают 15 метров каждый, он может двигаться против солнца, за несколько секунд проходить несколько участков светотени, но глаза его устроены так, что ослепить его невозможно – они мгновенно адаптируются к резким сменам освещенности. Гиббон, за долю секунды наметив взглядом траекторию предстоящего полета, может даже закрыть глаза – мозговой «компьютер», уже обработавший поступившую информацию, проведёт гиббона по выбранному маршруту без сбоев. То же касается и орангутанов, хотя они гораздо меньшие экстремалы. Теперь вопрос – зачем древесным обезьянам сугубо вертикальное положение или хождение в ветвях? Для мно-

гих древесных обезьян руки являются «главными» конечностями, а некоторые к помощи задних вообще практически не прибегают.

Л. Вишняцкий называет «акватическую» гипотезу прямохождения умозрительной, но сам выдвигает версию столь же фантастическую. Только представьте себе в ветвях нашего безымянного героя. Что этот вертикальный «интеллигент» там делает? Как перемещается по верхнему ярусу, сколько часов в день проводит вертикально, как и за какой срок перестраивает опорный аппарат? Я, честно говоря, думаю, что на подобное мифотворчество ученых могло навести наблюдение за процессом обучения ходьбе у «нашего», человеческого ребенка. Малыш встает с четверенок, некоторое время держится за стену, перемещаясь вдоль нее, а потом уже «отрывается».

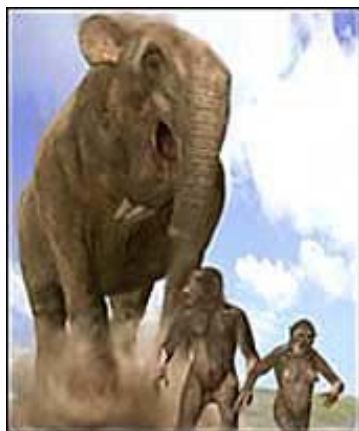
Но **второй** факт, опровергающий мнение Л. Вишняцкого и его сторонников – это как раз отсутствие у современных высших обезьян и вымерших обезьян Восточной Африки **особого анатомического органа**, отвечающего за вертикальное положение при ходьбе, который есть у нашего «прямоходящего» ребенка. Судя по летописи окаменелостей, такого органа не было ни у кого из известных нам ископаемых обезьян, он имеется только у человека (эректуса, неандера и сапиенса). Шимпанзе и гориллы могут вставать на задние лапы и пройти короткий отрезок пути вертикально, но им **гораздо удобнее и органичнее передвигаться на четырех лапах**. Таким же фрагментарным прямохождением обладали и австралопитеки, и хабилисы, но полноценным – только люди.

Так какая же «свежая мысль» может помочь нашему гиблому делу?

«Как предполагается, специализация к подобным способам передвижения зашла настолько далеко, что при переходе к наземному существованию даже весьма несовершенная двуногость оказалась для какой-то группы (или групп) гоминид все же менее неудобной, чем четвероногость, следствием чего и стало сохранение этого признака в новых условиях (Юровская 1989:173)».

То есть, наши гипотетические предки «подсели» на прямохождение! А ведь известно, что всё хорошо в меру, не надо было так много висеть на руках и стоять на ветках, держась за ствол. С девуш-

ками, что ли, они беседовали часами? Но, как говорит Жванецкий, «начали пользоваться салфетками и втянулись».

Это твоя была идея – на землю спуститься? © Image by BBC

Итак, наши безымянные предки слезли с дерева уже двуногими, покачались-покачались на месте и поняли, что ходить вертикально им все же удобнее, нежели бегать по саванне как кони. Повторяю, для меня вопрос прямохождения обезьян принципиально не важен, но реален ли сценарий, нарисованный Л. Вишняцким? Как на протяжении миллиона лет выжить при столь странном половинчатом состоянии – так сказать, **еще плохо ходим, но уже плохо лазаем по деревьям?** Еще не научились твердо стоять на двух ногах, но уже не хотим бегать на четырех? Простая логика подсказывает – все представители обезьяньего рода,

спустившиеся с деревьев прямоходящими (безусловно плохо ходящими), должны быть в первом же поколении выметены железной метлой естественного отбора, то есть, выражаясь более определенно, все до единого перебиты хищниками. Для древесной обезьяны такой признак как прямохождение на земле – это утрата всех преимуществ без всяких новых приобретений, и безусловный конец первых же опытов охоты и спасений от преследования. Если конечно, наш «предок» спустился не с гранатометом. Автор, впрочем, сам говорит об этой проблеме чуть ранее:

«Разве не должен был существовать период времени, когда предок человека не был ни столь ловок в движении на двух ногах, как стал впоследствии, ни столь ловок в лазании по деревьям, как был когда-то?» (Susman, Stern, Jungers 1984:113)».

Право, почему бы плохо стоящим на ногах и качающимся от ветра обезьянам вновь не опуститься на четвереньки при малейшей опасности? Или опорно-двигательный аппарат для вертикального хождения по земле уже в совершенстве сформировался во время

древесной жизни? Очень сомнительно. Представить же себе картину, когда обезьяны в течение миллиона лет ежедневно на несколько минут, пока нет поблизости хищников, спускаются на землю и бегают на двух ногах «чисто потренироваться» и лишний раз перестроить скелет, я могу лишь в виде гротеска.

Одним словом, Л. Вишняцкий, формально «решив» одну проблему, тут же поставил другую, не менее сложную – как плохо ходящий, но не желающий ни за какие коврижки отказываться от своей «человечности» гоминид выживал, будучи долгое время фактически инвалидом?

Мы-то понимаем, что «двуногость» обезьян никогда не была выше горилловой или пан-троглодитной, но сама «модельная» ситуация интригует... В ветвях «предка» что-то не устраивает, а на земле полно хищников. «Рабинович, где лучше, в Москве или Нью-Йорке?». – «Полный отстой и там, и там». – «Так зачем они вам?». – «А дорога?».

Эх, дороги...

«Теперь нам остается лишь выяснить, что же, собственно, заставило наших предков сменить древесный образ жизни на наземный, и после этого можно будет наконец, попытаться мысленно сконструировать пусковой механизм антропогенеза».

Л. Вишняцкий, конечно, прекрасно понимает, что в последних частях своей книги говорить о какой-либо «научности» не придется. Тут в целом – ни одного положения ни доказать, ни опровергнуть невозможно. Вопрос: «почему обезьяна слезла с дерева?» – имеет, конечно же, наиболее верный ответ, что она в требуемом эволюцией виде с него никогда и не слезала, однако моделирование есть моделирование. Но странно, что Л. Вишняцкий вообще видит тут какую-то проблему – с точки зрения эволюционизма, будь он правдой, именно в этом пункте не было бы ничего загадочного. Как бы ни были нелепы «ходящие по ветвям» обезьяны, но на землю таких модельных обезьян могли согнать, например, масштабные катастрофические события, и Л. Вишняцкий об этом говорит, упоминая в частности образование Восточноафриканского рифта. Упоминает Л. Вишняцкий и некий экзотический вариант,

когда мелкие и подвижные древесные обезьяны размножились настолько, что вытеснили наших «почти уже прямоходящих» героев с деревьев – «в нижний ярус леса и в примыкавшие к джунглям участки саванны», где те и начали активно превращаться в людей. То есть, в дарвиновской борьбе за выживание проигравшие не вымерли, а, напротив, победили. Что ж, бывает.

«Итак, можно думать, во-первых, что с деревьев на землю «спустились» уже прямоходящие существа, а, во-вторых, что прямохождение было на первых порах скорее слабым, чем сильным их местом. Конечно, оба этих тезиса (особенно первый) пока нельзя считать окончательно доказанными, но они вполне реалистичны и не вступают в сколько-нибудь заметное противоречие с имеющимися фактами».

М-м-да... Интересно, с какими фактами? С тем, что люди ходят на двух ногах?

«Если принять их в качестве рабочей гипотезы, то проблема «пускового механизма» антропогенеза и неотделимая от нее проблема происхождения человеческой культуры могут быть решены следующим образом».

Так, все собрались. Сначала – трудности, которые мы потом преодолеем:

«Когда в конце миоцена – начале плиоцена часть обезьян Восточной Африки вынуждена была перейти к частично или полностью наземному образу жизни, то анатомия предков гоминид была уже такова, что прямохождение оказалось для них либо единственно возможным, либо, по крайней мере, наиболее удобным, оптимальным способом передвижения. Однако, двигаясь на двух ногах лучше, чем на четырех, они, тем не менее, проигрывали по многим важным параметрам, таким, как скорость, выносливость, сноровка и т.д., другим – четвероногим – обезьянам, что ставило их в невыгодное по-

ложение по сравнению с конкурентами и, при прочих равных условиях, сделало бы их шансы на выживание в возникшей кризисной ситуации весьма невысокими».

Да, ведь следуя логике неодарвинизма, эти нелепые двуногие существа не имели ни малейших шансов на выживание. Анатолий Москвитин в дебатах с эволюционистами неоднократно показывал, что естественный отбор – это не «выживает сильнейший», а в первую очередь «умирает слабейший». Отбор не вектор и не сито, а грустное последствие нашего «упрощающегося» мира. Чаще всего он просто ничего не отбирает, а убивает всех зазевавшихся или случайно попавших в катастрофическую передрыгу. Кошки, оставшиеся, образно выражаясь, в чистом поле без мышек, согласно эволюционизму, должны быстро перейти на питание травой и кореньями – но вероятнее всего, что именно эта группа кошек не выживет. Выживут другие, в другом месте, которым не нужно питаться кореньями, но именно эти – вряд ли. Нам же предлагают ситуацию совсем фантастическую, вроде того, что расплодившиеся собаки

– Да не «дурью маемся», Люси, а эволюционируем! Готова? На раз-два-три отпускаем ветку!
© Image by Omnyology.com

«прижали к реке» кошек и те вынуждены были начать плавать, благо им до этого на печке уже приходилось потягиваться и шевелить лапами, а мышечно-скелетный аппарат, перестроившийся еще на печке, в водной среде выручил кошек как нельзя кстати.

Разумеется, что Л. Вишняцкий прекрасно понимает нереальность такой ситуации, когда «выселенные» с деревьев обезьяны слоняются по саванне шатающейся походкой в поисках пропитания. «Сами мы не местные...».

Разумеется, что:

«Требовалось нечто, что компенсировало бы унаследованный от прошлого «физический недостаток».

Л. Вишняцкий даже переходит на верхний регистр:

«ЭТИМ-ТО «НЕЧТО» И СТАЛА КУЛЬТУРА. Выполняя компенсаторную функцию, различные формы культурного поведения начали по необходимости играть в жизни по крайней мере одной группы (популяции, вида) ранних гоминид все более и более важную роль. В итоге специализация к культуре зашла настолько далеко, что обойтись без нее, начиная с определенного этапа, стало уже невозможно».

Перейдем на верхний регистр и мы. НЕ СЛИШКОМ ЛИ МНОГО СОВПАДЕНИЙ? Сначала специализация к двуногости в ветвях зашла настолько далеко, что при переходе к наземному существованию существо уже не могло вернуться к четвероногости, а затем

Еще пару миллионов лет, – и посмотрим, кто на ком ездить будет!

и специализация к культуре зашла настолько далеко, что без нее невозможно стало обойтись.... Сначала обезьяны «подсели» на двуногость, вслед за этим подсели «на культуру». Хотели было от двуногости отказаться – не вышло, хотели обойтись без культуры – поздно. Так эволюция и идет. А вы как думали?

Но мне все время «не дает покоя» вопрос – а что же другие животные? Почему наши герои эволюционировали в одиночестве, реагировали на окружающую среду так, будто находились на необитаемом острове? Где же были остальные? За что одним такое счастье, а соседям по коммуналке – ноль? Ну, хорошо. Если мне пред-

ставить себя в роли сумасшедшего эволюциониста, то я мог бы еще допустить, будто привычка лошади к преодолению барьеров (поваленных бурей деревьев в лесостепи) зашла настолько далеко, что этим лошадям, оказавшимися впоследствии в голой степи (скажем, после пожара), удобней стало ходить на задних ногах! Какой-нибудь язвительный скептик спросил бы: «Позвольте, но ведь в первоначальных условиях, то есть в условиях бурелома, через поваленные деревья не перепрыгивал только ленивый? И зебры пере-

прыгивали, и козы, и ослы, и антилопы, и сайгаки... а «пошел» уже по голой степи почему-то один конь, странно, вы не находите?». «Нет, сказал бы я, – эта ниша именно для коня оказалась подходящей. Первые сотни тысяч лет, действительно, лошадям было трудновато убежать на своих двоих от хищников, но ничего. Со временем они обрели твердую походку». И в этом я смог бы еще, вероятно, убедить моего скептика... Но вот когда бы мне сказали, что конь начал в этих новых тяжелых условиях «думать» и сам себе сбрую изготавливать, тут даже я, надобно заметить, засомневался бы... Нереально оно как-то, не по-нашему...

Так где ж были все остальные, пока наш гипотетический предок свою хваленую двуногость в ветвях вырабатывал? Почему он один оказался на земле двуногим? Почему больше никто из обезьян, которые кишели вокруг него, не эволюционировал и никак не поддерживал его эволюционно?

Знаете, почему? Потому что у всех остальных обезьян привычка к четырехногости зашла настолько далеко, что они уже не смогли от нее отказаться... И так далее.

«Вероятно, первоначально интеллектуальные возможности древнейших гоминид были не выше или лишь незначительно выше, чем у их ближайших родственников – понгид, но последние, будучи четвероногими и, возможно, сохраняя более тесную связь с лесными биотопами, не имели столь же серьезных побудительных причин для того, чтобы эти возможности использовать. Для них оптимальным оказался иной, чисто биологический путь адаптации, и **их культурные потенции остались не востребованными**».

Вот до чего может довести укоренившаяся привычка к прямохождению...

Объяснение удовлетворительное? По крайней мере, уже привычное. Если кто-то культурно не эволюционировал, значит, для него культура оказалась избыточной. И наоборот. Задним числом объяснение годится любое – сохранил связь с лесными биотопами – сам виноват, будь любезен очистить помещение нашего клуба! Не сохранил связь с биотопами – молодец, заходи.

Но один момент в вышеприведенной цитате показался мне за-

мечательным. Заключение о других обезьянах, что *«их культурные потенции остались невостребованными»* наконец-то всё проясняет и расставляет по своим местам. «Культурные потенции» непосредственно в отношении нашего «предка» упомянуты Л. Вишняцким и в другой части текста: *«...случайное стечение обстоятельств... подтолкнуло к более активной реализации уже имевшегося у них достаточно высокого интеллектуального потенциала»*.

Это что же такое делается? Сказанное с неизбежностью означает, что уважаемый Л. Вишняцкий, в лице которого мы уже отчаялись было получить нашего теологического единомышленника, что называется, приятно нас разочаровал. Ура, вот оно! Значит, разум, «культура» развивались не эволюционным путем, не постепенно, не тысячелетиями, а были уже изначально запрограммированы в обезьянах? Обратите внимание, культурный потенциал, имевшийся у ближайших родственников, понгид, не был ими реализован. Так значит, все-таки были в аптеке пельмени? (анекдот). Зато гоминиды эту фору, данную им изначально, блестяще использовали. Так кто же тот Программист, что заложил в животных потенциал для появления разума и «культурной революции»?

...Но вот наступает время сделать Л. Вишняцкому свои авторские выводы.

И выводы эти оказываются настолько «определенными», что в очередной раз становится даже немного жаль материалистов, не имеющих в этом замечательном объемном мире ни определенных точек опоры, ни точек отсчета, а имеющих лишь закоснелую догму, спасаемую из последних сил плохо похожими на реальность фантазиями. Одна надежда на то, что уважаемый Л. Вишняцкий попытается спасти этот эволюционистский дом (даже не на песке, а на искрящейся в воздухе пыли) из лучших побуждений.

Итак, выводы. Спрашивается – откуда дровишки, откуда этот очевидно-невероятный антропогенез?

Во-первых, «так получилось».

«Так получилось, что именно ранние гоминиды – крупные прямоходящие обезьяны конца неогена – первыми преодолели «культурный Рубикон», начав активно приспособ-

ливаться к естественной среде путем создания среды искусственной, что предопределило направление их дальнейшей эволюции и ее столь необычные для животного мира результаты».

Далее:

«Если вернуться теперь к ... вопросу о том, почему в качестве носителей высших форм сознания эволюция выбрала именно гоминоидов (одну из их ветвей), а не каких-то других животных, то ответить на него придется так: это **произошло случайно**. ... Толчком, заставившим его (пусковой механизм антропогенеза. – А.М.) начать работу, послужило **маловероятное в принципе пересечение в нужном месте и в нужное время практически независимых друг от друга биологических** (формирование у какой-то группы или групп интеллектуально продвинутых гоминоидов морфологической предрасположенности к прямохождению), **климатических** (аридизация) и **тектонических** (образование Восточноафриканского рифта) **процессов**».

А не ошибаемся ли в столь многозначительном выводе? Нет, не ошибаемся. Но мы не ошибаемся не потому, что не уверены в правоте нашей версии, а потому, что «у других» с объяснениями ничуть не лучше, а то и хуже:

«...А что если представленный здесь сценарий начала антропогенеза неверен? Ведь в основе его, как уже говорилось, лежат два пока что далеко не общепринятых положения, и каждое из них нуждается еще в серьезном обосновании (интересно, каким образом это можно обосновать? – А.М.). Что, если правы все же сторонники «адаптивистских» объяснений перехода к прямохождению и им удастся доказать, что последнее представляло собой не мальадаптивный (ухудшающий жизнь, по-нашему. – А.М.) признак, а полезное в новых условиях свойство, возникшее именно в результате приспособления к этим новым условиям? Не придется ли в этом случае отказаться от вывода, что антропогенез – следствие случайного стечения обстоятельств? **Я думаю, не придется.**

Вот до чего может довести укоренившаяся привычка к прямохождению... © Image by NASA

Дело в том, что и традиционные – «адаптивистские» – сценарии тоже предполагают изрядную долю случайности. Их авторы также уверены в том, что возникновение человеческой линии эволюции «не может объясняться какой-то одной причиной или предпосылкой», и что возможность этого события определялась **«стечением благоприятных обстоятельств в данном месте и в данное время»** (Хрисанфова 1987: 72)».

Как говорится, наша сила в единстве. А еще можно сказать, что таким же «почти чудом», «стечением благоприятных обстоятельств в данном месте и в данное время» были Большой взрыв, и возникновение вселенной, и появление

Солнечной системы, и зарождение жизни из неживой материи, и способность живой материи собраться в сложные структуры, и способность этих структур себя воспроизводить, и эволюция, и антропогенез... Где там наш верхний регистр? НЕ СЛИШКОМ ЛИ МНОГО СЛУЧАЙНЫХ СОВПАДЕНИЙ? Но эволюция, это «всё течет, всё изменяется». У Честертона читаем:

«Эволюция – хороший пример современного мировоззрения, которое если что и уничтожает, то в первую очередь – самое себя: она – или **невинное научное описание** определенных процессов, или **атака на саму мысль**. Если эволюция что-нибудь опровергает, то не религию, а рационализм. Если эволюция значит только, что реальное существо – обезьяна – очень медленно превращалась в другое реальное существо – человека, то она безупречна с точки зрения большинства ортодоксов; ведь Бог может действовать и быстро, и медленно, особенно если Он, как христианский Бог, находится вне времени.

Но если эволюция означает нечто большее, то она предполагает, что нет ни обезьяны, ни человека, в которого она могла бы превратиться, нет такой вещи, как вещь. В лучшем

случае есть только одно: **текущее всего на свете**. Это атака не на веру, а на разум: нельзя думать, если думать не о чем, если вы не отделены от объекта мысли».

Что было бы, если бы у бабушки были усы? Дедушка? А если бы у дедушки были жабры?

«...Что было бы, если бы, скажем, к моменту пика аридизации среди гоминоидов Восточной Африки не оказалось двуногих «монстров»? Или, наоборот, если бы они были, а аридизация и смена ландшафтов так и не начались? Или если бы Восточная Африка не оказалась отделенной от остальной части материка рифтовой системой? С абсолютной точностью просчитать все эти варианты, конечно, невозможно, но скорее всего в каждом из этих случаев обезьяны еще на миллионы лет (а то и навсегда) остались бы обезьянами, и не исключено, что в «гонке» к разуму их опередили бы какие-то иные существа, для кого обстоятельства в нужный момент сложились бы столь же удачно (удачно – с точки зрения потомков), как сложились они некогда для наших предков».

Одним словом, вообще удивительно, что мы живы.

Оставшись к этому времени, образно выражаясь, с одними семерками и восьмерками на руках, да к тому же еще и не козырными, надо все равно доказывать свои утверждения и отвечать на вопрос – какие существуют аргументы в защиту столь фундаментального вывода – могло быть всё что угодно, но нам случайно повезло?

А это просто. У человека могли быть соперники, которые, сложись обстоятельства иначе, сегодня бы носили гордое звание «венец творения». Кто это? Да кто угодно! Да хоть те же... Хм, позвольте... Дайте подумать. Да. Да хоть те же... **неандертальцы!**

Вот уж соперники так соперники! Л. Вишняцкий нас даже немного попугивает, что, сложись ситуация немного иначе...

«...Судьба уже появившихся, но еще малочисленных неантропов в принципе могла сложиться гораздо менее удачно. У них были сильные конкуренты, которых ничто не мешает рассматривать и как своего рода «дублеров» *Homo sapiens*».

Неандертальцы в качестве дублеров хомо сапиенс – идея и впрямь сильная. То есть, после всех наших поисков и метаний, перебора костей и пусковых механизмов антропогенеза мы тихо вернулись в свою родную человеческую семью. Так вернувшийся с работы муж сел бы на кухне у лампы ужинать и, неожиданно отложив ложку, тихо сказал бы жене: «Знаешь, дорогая, мне в последнее время все чаще кажется, что если бы Австралию не заселили австралийцы, то ее непременно заселили бы китайцы!».

«Таким образом, на мой взгляд, правильнее рассматривать «классических» неандертальцев не как тупиковую ветвь эволюции, а как «дублеров» *Homo sapiens*, резервный вариант «венца творения». Такая оценка хорошо согласуется и с выводами многих антропологических исследований, в которых утверждается, что по размерам и строению мозга, а также по интеллектуальным и речевым способностям, неандертальцы мало в чем уступали или совсем не уступали людям современного физического типа (Holloway 1985; Duchin, 1990; Deacon, 1992; Laitman et al., 1992; Houghton, 1993; Kay et al. 1998)».

Л. Вишняцкий заканчивает свою книгу на хорошей мажорной эволюционной ноте – я подозреваю, что эволюционистам он даёт даже, так сказать, какое-то новое знание, и даже оставляет в эволюционных сердцах своего рода надежду. Для любого эволюциониста, думаю, Л. Вишняцкий достаточно полно отвечает на «вечные» вопросы – типа кто мы, откуда пришли и типа куда идем. «В нужное время оказались в нужном месте». «Не мы, так кто-нибудь другой». Пытливому эволюционному уму автор дает понять, что у всякой сказки есть хороший, счастливый конец – и эволюция в очередной раз как бы поддержана, и хорошо, что всё так удачно с нами, хомо сапиенсами, получилось в истории, и даже за судьбу человечества мы вместе с уважаемым автором, в принципе, спокойны, ибо и самые непонятливые уже поняли – случись что с нами, с хомо сапиенсами, у эволюции всё равно всегда есть железный резервный вариант – и там, где один хомо сапиенс упадет, там два каких-нибудь наутилоида поднимутся...

Уж такая она надежная штука, эволюция.

А если говорить серьезно, то в заключение этих комментариев мне действительно хотелось бы поблагодарить Л.Б. Вишняцкого за его книгу. Моей целью, повторяю, не была критика взглядов автора. Просто эта книга – хороший повод поговорить о важных вещах, которые определяют нашу жизнь, взгляды и пристрастия.

* * *

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

- Айзенк Г., Айзенк М., «Исследования человеческой психики», Эксмо-Пресс, 2001.
- Бутовская М.Л., «Эволюция человека и его социальной структуры», «Природа», № 9, 1998.
- Виолован К., интернет-полемика 2003 г. на «А-сайте», тема #39.
- Вишняцкий Л., «История одной случайности или Происхождение человека», Stratum plus, 1999, № 1.
- Головин С.Л., «Эволюция мифа (Как человек стал обезьяной)», ХНАЦ, 1999.
- Крайг Г., «Психология развития», С-Пб., 2000.
- Кремо М., Томпсон Р., «Неизвестная история человечества». М., Философская книга, 1999.
- Максимов Н., «О бабуинах, капуцинах и шимпанзе», электронная версия газеты «Вести» (Vesti.Ru, 19.04.2000);
- Мэйер С. «Методологическая равноценность теорий разумного замысла и естественного происхождения жизни: возможна ли научная «теория Творения?», сборник «The Creation Hypothesis: Scientific Evidence for an Intelligent Designer» (www.christianbooks.hotmail.ru).
- Москвитин А., «Теория эволюции в теологическом аспекте».
- Тётушкин Е.Я., «Хронология эволюционной истории человека», Успехи Современной Биологии, 2000, том 120, № 3, стр. 227–239.
- Хоменков А.С., «Почему некоторые обезьяны человекообразны?».
- Честертон Г.К., «Ортодоксия», М., изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2003.
- Эйдельман Н., «Ищу предка», М., «Молодая гвардия», 1970.

• «Африканские ученые определили, что человек произошел от муравьеда», Новости медицины (<http://www.medlinks.ru>) от 24.01.2003.

• Yang F., Alkalaeva E. Z., Perelman P. L., Pardini A. T., Harrison W. R., O'Brien P C M., Fu B., Graphodatsky A. S., Ferguson-Smith M. A., Robinson T. J.; Reciprocal chromosome painting among human, aardvark, and elephant (superorder Afrotheria) reveals the likely eutherian ancestral karyotype. PNAS 2003;100(3):1062–6.

Послесловие 2010 года

Летом 2010 года «Черная обезьяна...» вышла отдельной книжкой в крымском издательстве Христианского научно-апологетического центра (ХНАЦ). По просьбе издателей я написал к ней послесловие, которое предлагаю вниманию читателей.

Эти комментарии (по жанру, скорее, являющиеся полемическим эссе) были написаны несколько лет назад. Сегодня, по прошествии времени, любопытно оглянуться и оценить сказанное тогда с точки зрения нынешних знаний – что было и что стало, и верно ли были расставлены акценты.

Первый же вопрос, лежащий на поверхности – насколько «устарели» эти записи за прошедшее время? Ведь эволюционная палеоантропология – по самой своей фантазийной сути и необходимости постоянно «крутиться, чтобы выжить» является дисциплиной динамичной, находящейся в постоянном движении. Эта дама, хотя и вхожа в высший свет, но по характеру весьма ветрена и капризна – легко и моментально меняет свои пристрастия, забывая вчерашние слова и обещания.

Но ответ на вопрос таков – «Черная обезьяна...», безусловно, остается актуальной. И дело здесь, разумеется, не в какой-то моей личной проницательности; эта заслуга не моя. Мы не знаем деталей того, что происходило с человеком в период после глобальной водной катастрофы, официально именуемый эпохой плейстоцена. Но если в целом историческая истина нам известна благодаря библейским свидетельствам, то можно не сомневаться и в тенденциях ее

«параллельного», археологического постижения – более чем вероятно, что она и в дальнейшем будет лишь подтверждаться и раскрываться в деталях, а искусственный эволюционный «обезьяногенез» (уже и так до крайности себя дискредитировавший) рассыплется окончательно, несмотря на все усилия спасателей и реаниматоров. Хотя, к сожалению, оптимизм по поводу окончательной победы здравого смысла был бы с нашей стороны весьма излишним. Практика показывает, что множество эволюционистских построений, даже с полностью разрушенной доказательной базой, продолжают сохраняться эво-истеблишментом в виде общих абстрактных идей.

Именно поэтому сейчас, просматривая «Черную обезьяну...», я испытываю двойственные чувства. С одной стороны есть легкое сожаление, что в тексте не упоминаются находки и открытия последних лет, с другой стороны – удовлетворение, что тенденция «подтверждения истины» внятно просматривается. По многим ключевым позициям эволюционизма, включая его самое отчаянно-фальшивое изобретение, «обезьяногенез», ныне нанесен серьезный удар. Прежнюю «доказательную» базу эволюционистам приходится пересматривать и серьёзно корректировать. И хотя многие ошибки ещё не признаны сторонниками «обезьяногенеза» явно, их высокомерный тон у читающей публики уже всё чаще вызывает улыбку. К очевидно положительным сдвигам, на мой взгляд, относятся следующие:

Эволюционисты окончательно оставили свою недавнюю идею о стадияльном характере антропогенеза. Во второй части я рассказывал о кризисе, сложившемся в результате наличия у 62000-летних австралийцев эректусных черт и о черепах *Homo erectus* Явы возрастом моложе австралийских, с официальной датировкой 46–27 тыс. лет (здесь и далее я буду указывать официально принятые возрасты находок, держа в уме, что реальные значения могут быть на порядки ниже). Официальная идеология обезьяно-антропогенеза до самого недавнего времени очень болезненно относилась к идее сосуществования всех человеческих таксонов, особенно *Homo sapiens* и *Homo erectus*. В 2005 возраст анатомически современного человека (старая африканская находка Омо-1) был повышен с 130 до 200 тыс. лет, и сапиенс было уже совсем вплотную подтянулся к признанным «последним» эректусам. Но в 2004 году в Индонезии была найдена эректусная форма

возрастом 18–13 тыс. лет, своим радикально малым возрастом прибившая стадиальную идею окончательно. Эту идею, еще недавно громко именуемую «стадиальной теорией», вспомнили последний раз, кажется, в 2007 году, когда Мив Лики и Фред Спур нашли в Кении буквально в нескольких метрах друг от друга череп хомо эректуса (ER 42700, 1,55 млн. лет) и челюсть хабилиса (ER 42703, 1,44 млн. лет). А вспомнили ее потому, что только с этой находкой, наконец, было признано – **хабилис не являлся стадиальным предшественником эректуса**. И даже не потому, что хабилис и эректус, как об этом уже «давно все догадывались», являлись современниками. Дело в том, что находка столь молодого экземпляра *Homo habilis* показала – в конце своего пути он остался столь же примитивной обезьяной, что и в его начале. Лишь после этого авторы находки во всеуслышание объявили хабилиса параллельной вымершей ветвью, не имевшей отношения к эволюции человека (Spoor, Leakey и др., 2007).

Таким образом, в свете всех вышеназванных находок идея хронологического сосуществования сапиенсов (пока лишь с периода 200 тыс. лет назад), неандертальцев (с того же времени) и эректусов (с 1,9 млн. лет назад до 27–13 тыс. лет) была официально признана. А о хабилисе как предшественнике и предке *Homo erectus* вспоминают сегодня по большей части лишь «генералы» палеоантропологии, потратившие жизнь и силы на этого фальшивого «предка».

Существует ли, скажем так, перспектива расширения временных границ трех человеческих таксонов? Вероятно, да. Анатомически современные бедренные **кости ER 1481 и 1472**, возрастом около 2 млн. лет, которые эволюционисты усиленно выдавали за хабилисные, **сегодня уже в основном рассматриваются как эректусные** (Дробышевский, 2004). И хотя по-прежнему существуют серьезные основания считать их сапиентными, это – серьезная подвижка в установлении истиной картины. Дело в том, что из того же района Кооби Фора и слоев того же возраста – о чем раньше эволюционисты почему-то не особо распространялись – происходят фрагменты человеческого таза (ER 3228), затылочная кость (ER 1466), фрагмент берцовой кости (ER 1476) и др., описываемые как анатомически современные, хотя и имеющие отдельные «архаичные» детали. Что касается попыток все еще приписывать бедренные кости ER 1481 и 1472 хабилису, то это уже представляется логическим

противоречием, поскольку хабилис, как мы сегодня знаем, был анатомически примитивнее, чем даже австралопитек Люси.

Изучение митохондриальной ДНК неандертальца в очередной раз показало зыбкость эволюционной антропо-схемы. Эволюционисты давно пытались «отделаться» от родства с неандертальцем, ибо тот не выказывал должной дикости предка, а, напротив, даже намекал на свое знакомство с искусством и религией. Консерваторы «доказали» было, что неандерталец является отдельным изолированным от нас видом, однако жизнь, что называется, поправила все их теоретические выводы. **Сегодня возможность скрещивания неандертальцев и сапиенсов признана.** По сути, неандертальцы были расовой разновидностью человечества, и многие исследователи считают, что они не были истреблены сапиенсами-пришельцами, а «растворены» ими. Их генетический вклад в современное человечество особенно заметен в северных районах Европы. Таким образом, отсутствие жизненной необходимости ставить неандертальца предком сапиенса привело к тому (хотя процесс этот шел десятилетиями), что **неандерталец был, наконец, «оправдан».** Эволюционисты сдались в вопросе его «дикости» и, кажется, теперь уже окончательно признаны интеллект неандертальца, искусство, религия – всё то, что еще десять лет назад вызывало бурное неприятие эволюционной стороной.

Нокаутирующий удар получила так называемая «гоминидная триада» – альфа и омега эволюционного обезьяногенеза. Напомню, что речь идет о наборе условий, позволяющем ту или иную ископаемую обезьяну считать «гоминидом», то есть, существом, находящимся на эволюционной (филогенетической) линии человека. Эти условия были таковы – объем мозга не менее 600 см³, умение ходить вертикально и изготавливать орудия труда. Сей хитроумный пропуск обезьян «в люди» был в свое время придуман главой известного антропологического семейства Луисом Лики специально под креативный проект «хомо хабилис». Лики исходил из общего эво-убеждения, что ни один человеческий признак не возник в готовом виде, но был приобретен в результате эволюционного развития, где на одной из стадий количество накопленных «бонусов» уже позволяло нам в диком обезьяньем ископаемом существе разглядеть своего «предка».

Однако в 2004 году на индонезийском острове Флорес, как мы

уже упоминали, был обнаружен миниатюрный хомо эректус (получивший таксономическое имя *H. floresiensis*), который изготавливал достаточно сложные каменные орудия, использовал огонь, коллективную охоту и пр., но при этом имел рост менее 1 метра и объем мозга менее 400 см³. Его вклад в дело неложного познания очевиден – идея эволюционного «мозгового рубикона» провалилась.

Вертикальная походка, которая приписывалась австралопитекам и ранее считалась пусковым механизмом превращения австралопитека в человека (освободились руки, стал изготавливать инструменты, пришлось усиленно думать, как сделать лучше и пр.) – также ушла из «гоминидных» признаков. Оказалось, что прямохождение – это вполне себе обезьяний признак, с сегодняшней точки зрения независимо развившийся на разных обезьяньих линиях. Прямохождение, например, приписывается сегодня ореопитеку (*Oreopithecus bambolii*), жившему на просторах нынешней Италии по эволюционной шкале 7–9 млн. назад (Бахолдина, 2004). При этом *прямохождение и освобождение рук, как выяснилось, не имеют никакой эволюционной роли*, поскольку прямоходящие существа миллионы лет прекрасно обходились без всяких инструментов и таки «померли душой», без продвинутых инструментальных технологий и эволюционных увеличений мозга.

Ну и сами инструменты... Прежде, когда хабилис считался хронологическим предшественником хомо эректуса, каменные орудия возрастом от 2,4 млн. лет охотно «отдавали» ему. Но сегодня в этом нет никакой логики, поскольку останки хомо эректуса как минимум одновременны с хабилисными, а *инструменты олдувайского типа возрастом более 2 млн. лет встречаются за пределами Африки* (Пакистан, Израиль) и даже в самых отдаленных уголках мира (Китай), куда хабилис по определению не имел возможности наведываться. Исходя из этого, можно утверждать, что инструменты всех типов изготавливал человек, а «хомо» хабилис никогда инструментальщиком не был. В результате падения «гоминидной триады» **эволюционный обезьяногенез к сегодняшнему дню остался без каких-либо внятных критериев, позволяющих «найти и определить» древнего участника эволюционного превращения в человека, то есть, гипотетическую «переходную форму».**

Получила свое продолжение история с находкой эректусов из

грузинского селения Дманиси. За последние годы здесь были найдены четыре черепа *Homo erectus* и множество постчерепных фрагментов возрастом около 1,8 млн. лет. Напомню, что эти находки сломали раннюю эво-аксиому, будто эректусы вышли из Африки в более поздний, ашельский период, лишь с развитием сложных инструментальных технологий. Согласно же креационистской схеме, Африка не была центром возникновения человечества – дманисские люди, это крайне деградировавшие потомки первых слепопотопных людей, к Африке, скорее всего, отношения не имевшие.

Не будем сейчас подробно вспоминать, как самые первые находки из Дманиси вызвали в эволюционной среде ощущение дискомфорта и желание прогнуть их под принятую схему путем омоложения или волевого признания более прогрессивными. «...**Детальный анализ показал, что, вопреки первоначальному выводу о весьма архаичном морфологическом облике челюсти ... она, скорее, должна сопоставляться с поздними *H. erectus* ... да и датировка явно нуждается в уточнении в сторону омоложения...**» (Вишняцкий, 1998).

Но когда последующие находки на той же стоянке подтвердили первоначальные выводы о существовании эректусов за пределами Африки в доашельский период, эволюционисты поменяли тактику на обратную – искать в проблемных находках не прогрессивные черты, а сделать акцент на «архаичных». Поскольку черепа людей из Дманиси явно демонстрировали «архаичные» признаки (а с точки зрения креационистов – крайнюю степень анатомической деградации человека), исследователи стали утверждать, что дманисские люди – это одна из форм ранних эректусов, сохранивших еще остатки хабилисной морфологии. В подтверждение этому были названы небольшой объем мозга дманисских людей, их небольшой рост, округлая (якобы «хабилисная») форма затылка и некоторые анатомические признаки, связанные с ограничениями подвижности верхних конечностей.

Этими «доказательствами» эволюционный люд и поныне активно убеждает колеблющихся в наличии эволюционного антропогенеза. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что мы имеем здесь дело с очередным лукавством. *Небольшой объем мозга* (речь идет о трех черепах из четырех) связан с тем, что два рассматриваемых черепа принадлежат... детям, а третий – старику,

индекс энцефализации которого (отношение объема мозга к массе тела) просто неизвестен, чтоб делать какие-либо выводы. Кстати, здесь еще раз можно обратить внимание на «методы работы» эволюционной стороны. Когда была найдена обезьянья челюсть ОН 7, принадлежавшая юной особи и ставшая голотипом таксона хомо хабилис, то объем мозга ее обладателя вычислили в проекции на взрослое состояние, как 680 кубиков. Но 600 и 650 кубиков «мелких» дманисских детей эволюционисты считают «по факту», как взрослых, без учета того, что они могли еще вырасти.

Что касается *округлости затылков*, то это тема для отдельной работы о двойных стандартах эволюционизма. Округлые затылки австралопитеков и хабилисов эволюционисты сначала объявили сапиентной, прогрессивной чертой, хотя этот признак в дальнейшем каким-то образом «пропал» у эректусов и неандертальцев. Но когда нашли дманисских людей с округлым затылком, этот признак тут же перестал быть «прогрессивным» и его моментально объявили «архаичным» хабилисным (!). В подобных случаях оппонентам, помнится, говорят – вы уж, типа, определитесь, товарищи. С равной вероятностью округлые затылки дманисцев могут считаться остатками «прогрессивных» сапиентных черт, подтверждающих слова креационистов о деградации некоторых послепотопных групп людей. Деградация дманисцев подтверждается и огромной степенью полиморфности внутри группы, а «архаичные» признаки носят случайный и «неустойчивый» характер.

Неожиданный сюрприз люди из Дманиси преподнесли, когда оказалось, что строение позвонков грудного отдела и толщина нейроканала у них аналогичны нашим, что может свидетельствовать о наличии у этих людей полноценной человеческой речи (Bower, 2006).

Выяснилось также, что **дманисским людям, судя по всему, не был чуждо истинно человеческое сострадание** – группа содержала на попечении больного старика. Подобные же примеры альтруизма мы встречаем и у других человеческих групп эректусов – женщина (1,6–1,5 млн. лет, ER 1808) умерла от тяжелой формы гипервитаминоза, но, исходя из простой логики, достаточно продолжительное время за ней кто-то обязательно должен был ухаживать.

В целом, по вопросу какой-либо нынешней и будущей «архаич-

ности» или «переходности» найденных останков можно сказать одно – читатель, не будьте так доверчивы; деградация, редукция сапиентных признаков всегда порождает иллюзию их «недосапиентности», обезьяноподобия и к истинно обезьяньим или гипотетическим «примитивным эволюционным» признакам не имеет ни малейшего отношения. Прогнатизм, изменение формы черепа, сужение зубной дуги, ограничение двигательной функции конечностей являются хорошо известной патологией даже в современном мире, особенно в социально неблагополучной Африке. Кроме того, будьте готовы, читатель, что от эволюциониста вы в первую очередь получите не ключевую информацию, а лишь ту (да еще интерпретированную определенным образом), что зело благорасположена к эволюционной модели.

Отдельная новая глава палеоантропологии – история открытия и последующих мытарств индонезийского человека (названного *Homo floresiensis*), в которой, как в капле воды, отразились блеск и нищета эволюционизма.

В 2004 году это открытие опрокинуло все прежние схемы антропогенеза, в первую очередь «гоминидную триаду» (см. выше), а также закон Долло, упрощенно говоря, «запрещающий» эволюционировавшим видам возвращаться к прежнему состоянию (а найденные люди, по мнению авторов открытия, были измельчавшей формой *Homo erectus*). Именно это сделало дальнейшую историю флоресских людей похожей на детектив, детали которого мы опускаем – заметим лишь, что там были и открытые скандалы, и похищение образцов, и намеренная их порча, и т.д. и т.п.. В 2005 году глава индонезийской мафии – то есть, прошу прощения, палеоантропологии – Тейку Джакоб (это с его именем связаны похищение и порча образцов) объявил, что 13-тыс.-летний *Homo floresiensis* был не островной формой эректуса, а *Homo sapiens*-ом-микроцефалом, болезнь которого и привела к радикальному снижению объема мозга. Эту идею радостно подхватило большинство соратников Джакоба по всему миру, поскольку такое объяснение закрывало возникшую проблему (точнее, катастрофу). Но в том же году австралийская исследовательница Дин Фальк, изучив образцы мозга и черепа микроцефалов, объявила, что флоресский человек никакой не сапиенс, а именно форма, наиболее близкая к *Homo erectus*. Понятно, что этого коллеги-эволюционисты «так не оставили», и в са-

мом скором времени выводы Фальк были якобы опровергнуты. Но в 2006 году опять активизировались противники гипотезы сапиенса, теперь уже под водительством Сюзан Ларсон из Университета Нью-Йорка. Эта группа изучила анатомию *Homo floresiensis* и сделала однозначный вывод – все-таки это не сапиенс, а карликовый эректус. Но в 2007 году «империя нанесла ответный удар» – группа Мэттью Точери, изучив три найденные косточки запястья *H. floresiensis*, объявила, что он – поздний представитель неизвестной нам линии, идущей еще от досапиентного и даже доэректусного предка. То есть, он не сапиенс-микроцефал, но и не человек в нашем понимании. Не принимая этих выводов (действительно, сделанных на столь мизерных основаниях), противники эректусов под руководством Бена Кеффорда в 2008 году опять объявили островитян сапиенсами, которых якобы поразили кретинизм, вызванный йододефицитом. Однако ведущие антропологи Гроувз и Браун сразу указали коллегам на грубые ошибки, другие ученые даже обвинили Кеффорда в спекуляции. В конце 2008 года антрополог Карен Бааб провела сравнительный анализ черепов различных таксонов и «опять» объявила находку эректусом. Но в 2009 году, когда уже были найдены разрозненные останки восьми островитян, часть ученых, основываясь всего лишь на несколько увеличенном размере ступни относительно длины ноги у одного из экземпляров, а также на общей миниатюрности пропорций, объявила эти признаки «архаичными» и восходящими едва ли не к австралопитекам. Как такой «несомненный» австралопитековый признак – удлиненная ступня (!) – смог пережить три миллиона лет, да на удаленном от Африке острове, да еще не оставив других следов своей линии на земле, объяснено не было. Но в том же 2009 году профессор антропологии из Гарварда Д. Либерман (кстати, отказавшийся от своих ранних заявлений о микроцефалии), кажется, поставил последнюю «очередную точку». Он заявил, что **флоресские люди несомненно являются потомками эректусов**, близких к людям из Дманиси (Lieberman, 2009). Как истинный эволюционист, Либерман, правда, не исключил в качестве предков и хабилисов – вероятно, по устоявшейся традиции опять разумея под хабилисами лишь какую-то отвлеченную идею «предка». Но все же главным итогом 2009 года по проблеме флоресийцев был крест, поставленный на экстравагантных измышлениях вроде сапиенса-микроце-

фала и сапиенса – йодного-дефицитного «*endemic cretins*».

Причины подобных битв слишком очевидны. Флоресские люди не просто ломают незыблемые аксиомы эволюционизма, но явно намекают на перспективы, благоприятные для дела познания, но весьма тревожные для господствующей в науке идеи. Например, у флоресских людей тип миниатюризации особый – с сохранением всех анатомических пропорций, хотя мы знаем, что у млекопитающих в условиях островной миниатюризации объем тела уменьшается гораздо быстрее, чем объема мозга. Однако в 2009 году англичане Вестон и Листер показали, что пропорциональное уменьшение тела и мозга возможно только при аномально высокой скорости процесса (Weston & Lister, 2009). Но если это так, то правы ли антропологи, говоря о «небольшом» мозге эректусов в терминах постепенного эволюционного его увеличения? Если принципиально возможны «обратные» процессы, действовавшие на людей острова Флорес, то почему мы ожидаем от тех же эректусов Африки, возможно, живших в аналогичных условиях изоляции, «нашего» соотношения пропорций и нашего объема мозга? Да и сама скорость процессов на Флоресе – не указывает ли на какие-то особые условия или обстоятельства, повлиявшие в плейстоцене на отдельные популяции людей так, что мы до сих пор не можем всё это буйство «отклонений от нормы» систематизировать?

Как бы мы ни датировали те или иные отрезки плейстоцена, геологическая последовательность его событий сохраняется. Последние найденные на острове Флорес орудия *Homo erectus* имеют официальный возраст не менее 1 млн. лет (Brumm и др., 2010). Эти находки являются продолжением первых открытий следов присутствия людей на острове и дебатировавшейся еще с тех пор проблеме его заселения. Дело в том, что по канонам эвосхемы хомо эректусы в тот период могли попасть на Флорес только на искусственных плавательных средствах. Даже во время самых сильных плейстоценовых понижений океанического уровня *Homo erectus* должен был преодолеть на пути к Флоресу как минимум 25 километров от островов Бали до Ломбока (соединявшегося тогда с Сумбавой), и 19 километров от Сумбавы до Флореса – да еще при сильных проливных течениях.

Поэтому, чем больше мы узнаем, тем больше убеждаемся в верности наших «догадок»...

Хочется сказать пару слов и о новых находках афарского австралопитека (наиболее известный представитель которого именуется Люси). Надо заметить, что статус Люси как нашего предка уже много лет носит характер некоей условности (большинство эволюционистов в лучшем случае признают ее лишь аналогом такого гипотетического предка). Но находка, представленная общественности в 2006 году, кажется – нет, не ставит точку – а, скорее, отбивает последнее желание искать в *Australopithecus afarensis* предковые черты даже у самых упорных исследователей. Новый экземпляр афаренсиса (DIK-1-1, или «Селам», или «Дочь Люси»), кажется, разочаровал и «последних надеявшихся».

Лопатка Селам по форме оказалась близкой к лопатке гориллы, ее суставная впадина также свидетельствовала, что афаренсис передвигался подобно горилле – с опорой на костяшки пальцев рук. О древесном образе жизни свидетельствовали длинные гибкие пальцы рук и, насколько можно судить по фрагментам, обезьянье строение стопы. Изучение костного лабиринта внутреннего уха Селам показало, что прямохождение было свойственно афаренсису не в большей степени, чем, скажем, шимпанзе. Кроме того, группа И. Река пришла к выводу, что челюсть афаренсиса содержит уникальные признаки, свойственные только формам, лежащим вне «гоминидной» линии. По всему выходило, что для этого бывшего «предка» наиболее актуальным был именно древесный образ жизни, и он **гораздо более походил на обычную обезьяну, чем на обезьяну, вставшую на прогрессивный путь развития...**

Здесь еще раз хочу напомнить, что прямохождение австралопитеков (и других обезьян) в качестве свидетельств за или против эволюции мы не рассматриваем. Вспомним, что вся история с прямохождением афарского австралопитека была лихо закручена вокруг анатомически современных следов из Лаэтоли, которые эволюционисты приписывали обезьяне афаренсису, а креационисты – настоящим слепопотопным людям. Но недавно выяснились новые детали. Мало того, что афаренсис не был столь идеально прямоходящим для соответствия известному «качеству» следов, но и отпечатки эти были оставлены не его ступней. В 2006 году единственная известная до Селам стопа австралопитека (Stw 573), и без того демонстрировавшая обезьянью морфологию (со слабо выраженным сводом и противопоставленным большим пальцем), была пе-

реисследована и омоложена фактически до возраста *Homo erectus*, а следы Лаэтоли, как мы помним, имеют официальный возраст 3,6–3,8 млн. лет и при этом выглядят современно. Кроме того, совсем недавно группа Дэвида Рейхлена из Университета Аризоны провела эксперименты, основанные на изучении распределения давления при ходьбе у людей, шимпанзе и австралопитеков (так они думали о следах Лаэтоли). Но оказалось, что **следы в пепле Лаэтоли были оставлены существом, обладающим абсолютной человеческой походкой**. Надо ли говорить, что такой результат поверг в недоумение самих исследователей? *«Несмотря на строение скелета австралопитека, который нам известен, это существо имело походку весьма приближенную к современному прямохождению. И это при том, что всегда считалось, что австралопитеки часть жизни проводили на деревьях»* (Raichlen, 2010).

Стоит повторить еще раз – противники эволюции не оспаривают возможность прямохождения у обезьян, они оспаривают нечестные игры с настоящими человеческими следами и артефактами.

Нужно, наверное, упомянуть и о том, что в 2009 году, после впечатляющего безмолвия на поле новых «доказательств эволюционного антропогенеза», палеоантропологии попытались «пойти по второму кругу» с известным читателю ардипитеком рамидусом. Было заявлено, что отныне выяснено раз и наверняка – ардипитек рамидус (прозванный теперь «Арди») находится не на линии, ведущей от *неизвестного общего предка* к шимпанзе, а на линии, ведущей от него же, но к человеку. Причем Арди по многим признакам вдруг оказался предком австралопитека афаренсиса. Немного помуссировав эту тему с определенной долей искусственного оптимизма, эволюционисты вскорости столь же быстро и замолчали. Видимо, пока тему родства ардипитека и афаренсиса изучали, сам афаренсис, закончив последнюю прощальную гастроль, оказался за бортом. По здравому размышлению понятно, что *если афарский австралопитек не был нашим предком, то какая нам, человекам, по большому счету, разница – был ли сам Арди предком афаренсиса?* Попытка вытащить из пыльного чулана *Ardipithecus ramidus* опять напоминает ситуацию с незнакомым бродягой из «Черной обезьяны...», которого милиционер пытается поселить в нашей квартире на основании лишь **вероятного** родства. Но, примени-

тельно к Арди – меняется ли ситуация с легитимностью заселения бродяги в нашу квартиру оттого, что милиционер предъявит нам даже **действительного** родственника этого бродяги?

В настоящем послесловии я упомянул вкратце лишь новые находки, связанные с палеоантропологией. Рассказ об открытиях и находках в других областях заманчив, но уже находится за гранью даже минимальных возможностей этого текста. Упомяну лишь об открытии в 2005 году исследовательницей из университета Северной Каролины Мери Швейцер **мягких тканей, сосудов и клеток в костях динозавра**. Это открытие пыталась оспорить в 2008 году группа Тома Кея, но в 2009 году М. Швейцер на основании дополнительных исследований и с привлечением сотрудников 14 институтов и лабораторий США показала адекватность первоначальных выводов. Сегодня исследовано более 12 индивидов динозавров с официальным возрастом 60–80 млн. лет, содержащих в своих костях эластичные структуры. Открытие Мери Швейцер, не задавленное на корню и получившее широкую огласку лишь из-за счастливого стечения обстоятельств, тем не менее, относится к разряду таких, о которых эволюционизму... нечего сказать. Как сохранились мягкие структуры в течение десятков миллионов лет? Может быть, эти динозавры – наши недавние соседи, жившие в «затерянном мире»? Нет, поскольку обнаружены в слоях, по всем признакам ассоциированных с меловым периодом. А это означает только одно – геологическая колонка с ее миллионами лет «сыплется», и те ее отделы, которым эволюционизм присвоил десятки миллионов лет, в реальности имеют возраст на порядки – на «разы порядков» – меньше.

Завершая эти краткие заметки, хочу еще раз обратить внимание читателя на эту тенденцию – каждый год приносит находки и открытия, лишь подтверждающие свидетельства библейских авторов. Истина, это такая штука, которая ломает под себя даже самые железобетонные измышления материализма. Новые «переходные формы», хотя и продолжают регулярно появляться, но столь же регулярно опадают как осенние листья. Все попытки укрепить хлипкую декорацию эволюции дают удручающие результаты. Последнее интервью с ведущим российским палеоантропологом С. Дробышевским показало, что эволюционная «наука о костях» бессильна ответить на вопросы происхождения человека, не имеет новых

методов работы, не видит даже теоретических путей выхода из нынешнего кризиса, но по-прежнему спасается лишь официозным высокомерием и бесконечным повторением мантры о безграмотности противников эволюции.

Эволюционистам по-прежнему очень хочется доказать, что мы произошли от обезьяны. Но трудно найти черную обезьяну в темной комнате, особенно, если там ее нет. Не правда ли?

Материалы, используемые при написании этой части работы:

Alemseged Z., Spoor F., Kimbel W.H. et al., *A juvenile early hominin skeleton from Dikika, Ethiopia*, Nature 443(7109):296–301, 21 September 2006.

Baab, K.L., McNulty, K.P., *Size, shape, and asymmetry in fossil hominins: The status of the LB1 cranium based on 3D morphometric analyses*. Journal of Human Evolution, 2008 Dec 4.

Bower Bruce (6 May, 2006). *Evolutionary Back Story: Thoroughly Modern Spine Supported Human Ancestor*. Science News Online 169 (15): 275.

Brown P., Sutikna T., Morwood M. et al., *A new small-bodied hominin from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia*. Nature, 28 October 2004.

Brumm A., Jensen G.M., van den Bergh G.D., Morwood M. J., Kurniawan I., Aziz F. & Storey M., *Hominins on Flores, Indonesia, by one million years ago*. Nature 464, 748–752 (1 April 2010).

Falk D., Hildebolt C., Smith K., Morwood M.J., Sutikna T., Jatmiko., Saptomo E.W., Imhof H., Seidler H., Prior F., *Brain shape in human microcephalics and Homo floresiensis*. Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2007 Feb 13;104(7):2513–8. Epub. 2007 Feb 2.

Jungers W.L., Harcourt-Smith W.E.H., Wunderlich R.E., Tocheri M.W., Larson S.G., Sutikna T., Rhokus Awe Due, Morwood M. J., *The foot of Homo floresiensis* // Nature. 2009. V. 459. P. 81–84.

Lieberman D.E., *Homo floresiensis from head to toe* // Nature. 2009. V. 459. P. 41–42.

Lovett R.A., *Ancient Apelike Fossil Not Human Ancestor, Study*

Finds. National Geographic News December 8, 2006.

Morwood M.J., O'Sullivan P.B., Aziz F. & Raza A., *Fission-track ages of stone tools and fossils on the east Indonesian island of Flores*. Nature 392, 173-176 (12 March 1998).

Obendorf P.J., Oxnard C.E., Kefford B.J., *Are the small human-like fossils found on Flores human endemic cretins?* Proc Biol Sci. 2008 Jun 7;275(1640):1287-96.

Raichlen D.A., Gordon A.D., Harcourt-Smith W.E.H., Foster A.D., Haas W.R.Jr. (2010) *Laetoli Foot-prints Preserve Earliest Direct Evidence of Human-Like Bipedal Biomechanics*. PLoS ONE 5(3).

Rak, Y., Ginzburg, A. and Geffen, E., *Gorilla-like anatomy on Australopithecus afarensis mandibles suggests Au. afarensis link to robust australopiths*; PNAS | April 17, 2007.

Spoor F., Leakey M.G., Gathogo P., et al., *Implications of new early Homo fossils from Ileret, east of Lake Turkana, Kenya*. Nature 448, 688–691(9 August 2007).

Weston Eleanor M., Lister Adrian M. *Insular dwarfism in hippos and a model for brain size reduction in Homo floresiensis* // Nature. 2009. V. 459. P. 85–88.

Бахолдина В.Ю., *Происхождение человека: находки, термины, гипотезы*. – М., ФОЛИУМ, 2004.

Вишняцкий Л.Б., *История одной случайности или Происхождение человека*. Stratum plus, № 1, 1999.

Дробышевский С.В., *Предшественники. Предки? Часть III: Архантропы. Часть IV: Гоминиды, переходные от архантропов к палеоантропам*. Едиториал УРСС, М., 2004.

Дробышевский С.В., Черепав австралопитеков изучены чуть ли не лучше, чем черепа разных рас современного человека; Реальность гораздо интереснее...; Несколько антропологических секретов. Интервью в 3 частях на портале Антропогенез.ру. Часть 1, часть 2, часть 3.

Лунный А.Н. *Трудный путь признания тканей, сосудов, клеток и фрагментов коллагена в костях динозавров* // В сб.: «Современное христианство и естественные науки: материалы докладов научно-богословского семинара», Кировск, 3–4 ноября 2009 г. Апатиты: «К&М», 2009. С. 41–53.